

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
В. ШЕКСПИРА
ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

ПЕРЕВЕЛЪ П. А. КАНШИНЪ.

Биографическій очеркъ В. Шекспира написанъ профессоромъ Московскаго университета Н. И. Стороженко, примѣчанія П. И. Вейнберга, П. А. Каншина и др.

Томъ первый.

I) ГАМЛЕТЪ, ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ. II) РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА и III) ОТЭЛЛО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА АВТОРА И СЕМИ РИСУНКОВЪ.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
КЪ ЖУРНАЛУ
«ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ»
за 1899 ГОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ С. ДОБРОДѢВА.
1893.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bmnl@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

Отэлло.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦА:

Дожъ.
Брабанціо, венеціанскій сенаторъ, отецъ Дездемоны.
Два другихъ сенатора.
Граціано, братъ Брабанціо.
Лодовико, родственникъ Брабанціо.
Отэлло, мавръ.
Кассіо, лейтенантъ.
Яго, поручикъ.
Родриго, знатный венеціанецъ.
Монтано, предшественникъ Отэло по управленію Кипромъ.
Шутъ, слуга Отэлло.
Глашатай.
Дездемона, дочь Брабанціо и жена Отэлло.
Эмилія, жена Яго.
Біанка, куртизанка, — любовница Кассіо.
Офицеры, военные, знатные, гонцы, музыканты, матросы, служители и прочіе.

2-е дѣйствіе происходитъ въ Венеціи, остальные на Кипрѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Венеціи.

Входятъ Родриго и Яго.

Родриго. Что ни говори, Яго, а мнѣ крайне непріятно, что ты, распорядившись завязками моего кошелька, такъ-же свободно, какъ своими собственными, зналъ объ этомъ.

Яго. Ты ничего не хочешь слушать!.. Не знайся со мною, если я когда-либо даже во снѣ видѣлъ что-нибудь подобное.

Родриго. Ты самъ-же говорилъ мнѣ, что ненавидишь его.

Яго. И ненавижу! Презирай меня, если не такъ! Мало-ли кланялись ему и ухаживали за нимъ трое изъ важнѣйшихъ лицъ Венеціи, чтобы доставить мнѣ должность лейтенанта. Цѣну я себѣ знаю, и вотъ тебѣ слово честнаго человѣка, я не хуже всякаго другаго былъ-бы на мѣстѣ, на самомъ этомъ мѣстѣ. Но онъ, поступая во всемъ согласно только своей гордой волѣ, сначала уклонялся отъ

прямого отвѣта, прибѣгая при этомъ къ напыщеннымъ рѣчамъ, до невозможности пересыпаннымъ военными терминами и, наконецъ, не обращая вниманія на просьбы ходатайствовавшихъ за меня лицъ, объявилъ, что уже выбралъ другого лейтенанта. А на кого-же палъ выборъ? на какого-то флорентинца Микеля Кассіо, дѣйствительно замѣчательнаго математика, уже наполовину загубившаго свою душу любовью къ одной прелестницѣ и намѣренемъ на ней жениться, но никогда не командовавшаго ни однимъ эскадрономъ на полѣ битвы и имѣющаго такъ-же мало понятія о военномъ дѣлѣ, какъ любая пряжа. Онъ только по книгамъ знакомъ съ теоріей военнаго дѣла, но и одѣтые въ мантіи сенаторы могутъ объ этомъ настолько-же мастерски толковать какъ и онъ. Одна болтовня безъ практической опытности — вотъ и вся его военная подготовка. Вотъ на него-то, синьоръ, палъ выборъ, а мнѣ, уже успѣвшему доказать, чего я стою и на Родосѣ, и на Кипрѣ, въ христіанскихъ странахъ и среди нехристей, подулъ на встрѣчу противный вѣтеръ, такъ-что меня обогналъ какой-то приходорасходчикъ. Вотъ этому-то счетчику суждено быть лейтенантомъ, а мнѣ, — какъ ни велика между нами разница, — по-прежнему оставаться только поручикомъ его мавританской свѣтлости.

Родриго. Клянусь небомъ, я скорѣй-бы согласился быть его палачомъ.

Яго. Теперь ничто уже бѣдѣ не поможетъ; въ этомъ-то и есть худшая сторона службы, гдѣ повышенія производятся или въ силу ходатайствъ, или по собственному расположенію, а не по старой постепенности, когда каждый второй заступалъ мѣсто cadaго выбывшаго перваго. Теперь, синьоръ, судите сами, имѣю-ли я хоть малѣйшее основаніе любить мавра?

Родриго. Если такъ, я бы не сталъ служить подъ его начальствомъ.

Яго. Чтобы успокоить васъ, синьоръ, я вамъ скажу, что я имѣю особые виды на Отэлло, поэтому и продолжаю служить. Не всѣ могутъ быть господами и не всѣмъ господамъ можно служить съ полною вѣрностью. Развѣ рѣдко можно видѣть усердныхъ и колѣнопреклоненныхъ слугъ, чуть не гордящихся своимъ рабскимъ униженіемъ и всю жизнь служащихъ своимъ господамъ, словно ослы, только изъ одного корма. А когда такой слуга состарится, его безжалостно выгоняютъ. Отхлесталъ-бы я кнутомъ такихъ честныхъ дуралеевъ. Но есть слуги и другого сорта. Они, прикрывая маскою истинныя свои чувства, и по лицу, и по пріемамъ то-же какъ будто служатъ вѣрою и правдой, но ни на минуту не забываютъ о самихъ себѣ. Выставляя напоказъ господамъ свою притворную услужливость, они обдѣлываютъ свои собственныя дѣлишки, а, нагрѣвъ хорошенько руки, начинаютъ жить исключительно въ свое удовольствіе. У такихъ людей есть въ головѣ мозгъ; къ нимъ причисляю я и себя. Да, синьоръ, такъ-же вѣрно, какъ то, что вы Родриго, — будь я мавромъ Отэлло, не захотѣлъ-бы я быть Яго. Состоя при немъ на службѣ, я служу только одному себѣ. Само небо свидѣтель, что поступать такъ, какъ поступаю я, меня побуждаютъ не привязанность, не долгъ; подъ ихъ внѣшнимъ видомъ, я преслѣдую только личные виды. Выказать какимъ-нибудь

неосторожнымъ поступкомъ самую суть, душу моихъ замысловъ, значило-бы выложить сердце на ладонь и дать его расклевать галкамъ. Я далеко не то, чѣмъ кажусь.

Родриго. Толстогубый, должно быть, родился въ сорочкѣ, такъ все ему удается... даже это...

Яго. Окликните ея отца и разбудите его. Выдавъ ихъ тайну, мы отравимъ ихъ блаженство. Кричите во всеуслышаніе на улицахъ имя мавра, возстановите противъ него всю ея родню, и хотя онъ живетъ въ благорастворенномъ климатѣ, надоѣдайте ему, какъ мушкара. Да, хотя его радости — радости настоящія, отравляйте ихъ разными мелкими непріятностями, и онъ утратятъ много своего теперешняго блеска.

Родриго. Вотъ дворецъ ея отца. Я окликну старика погромче.

Яго. Да, какъ можно громче. Кричите такъ, чтобы вашъ голосъ вызвалъ переполохъ и такой-же ужасъ, какъ крикъ: — «Горимъ!» неожиданно раздавшійся въ многолюдномъ селеніи, гдѣ, ночью, благодаря неосторожности, вспыхнулъ пожаръ.

Родриго. Эй, эй, Брабанціо!.. Синьоръ Брабанціо, проснитесь!.. Эй! эй!

Яго. Проснитесь, Брабанціо, скорѣй проснитесь!.. Здѣсь воры, воры, воры! Охраняйте и домъ свой, и дочь, и казну. Здѣсь воры, воры!

У окна наверху появляется Брабанціо.

Брабанціо. Что здѣсь такое? Почему эти отчаянные крики?

Родриго. Синьоръ, дома-ли всѣ ваши близкіе?

Яго. Крѣпко-ли заперты у васъ двери?

Брабанціо. Къ чему эти вопросы?

Яго. Васъ ограбили, синьоръ! Одѣньтесь поскорѣе, приличія ради. Ваше сердце разорвется на двое, потому что у васъ похитили половину вашей души. Именно теперь, теперь, въ эту самую минуту, черный баранъ позоритъ вашу бѣдную овечку... Одѣвайтесь-же, одѣвайтесь скорѣе. Ударьте въ набатъ и его зловѣщимъ звономъ разбудите всѣхъ мирно храпящихъ жителей, не то дьяволъ сдѣлаетъ васъ дѣдушкой. Говорю вамъ, одѣвайтесь скорѣе!

Брабанціо. Съ ума вы сошли, что-ли?

Родриго. Высокоуважаемый синьоръ, узнаете вы мой голосъ?

Брабанціо. Нѣтъ, не узнаю. Кто вы такой?

Родриго. Меня зовутъ Родриго.

Брабанціо. Тѣмъ хуже для тебя. Я запретилъ тебѣ шляться около моихъ воротъ. Я давно отвѣтилъ на отрѣзъ, что дочь моя не для тебя, а теперь, послѣ не въ мѣру избытка ужина и подъ вліяніемъ хмѣльныхъ напитковъ, ты напускаешь на себя глупую храбрость и являешься сюда, чтобы нарушить мой покой.

Родриго. Синьоръ, синьоръ, синьоръ!

Брабанціо. Можешь быть увѣренъ, что моя сила и мое вліяніе скоро заставятъ тебя въ этомъ раскаяться.

Родриго. Терпѣніе, добрый синьоръ, терпѣніе!

Брабанціо. Что болтаешь ты мнѣ о разбоѣ? Здѣсь — Венеція, мой домъ не хуторъ.

Родриго. Глубокомысленный Брабанціо, я обращаюсь к вамъ во всей простотѣ своей души.

Яго. Синьоръ, вы, какъ видно, изъ тѣхъ, которые откажутся служить Господу, если дьяволъ внушитъ имъ ему не служить. Мы пришли оказать вамъ услугу; вы-же принимаете насъ за негодяевъ и готовы допустить, чтобы дочь ваша соединилась съ варварійскимъ конемъ, чтобы внуки ваши ржали у васъ подъ носомъ, чтобы ваша родня состояла изъ скакуновъ и свойственники — изъ иноходцевъ?

Брабанціо. Что ты за мерзкій сквернословъ!

Яго. Я человекъ, пришедшій сообщить вамъ, что ваша дочь и мавръ изображаютъ изъ себя двуспинное животное.

Брабанціо. Ты негодай!

Яго. А вы сенаторъ.

Брабанціо. За это отвѣтите вы оба. Тебя, Родриго, я знаю.

Родриго. Синьоръ, я готовъ отвѣтить чѣмъ угодно. Только позвольте обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ: — по вашему-ли обдуманному желанію и съ вашего-ли разрѣшенія, — какъ я начинаю это предполагать, — ваша красавица дочь, въ этотъ полуночный часъ, при помощи простого наемнаго бездѣльника-гондольера, отправилась въ сладострастныя объятія мавра?.. Если все это произошло съ вашего вѣдома, мы дѣйствительно нанесли вамъ наглую и непростительную обиду. Но если все это произошло не съ вашего согласія, мое знаніе свѣтскихъ приличій говоритъ мнѣ, что мы незаслуженно подверглись вашимъ упрекамъ. Не думайте, что мы желаемъ глумиться надъ вашимъ горемъ; нѣтъ, мы настолько умѣемъ держать себя въ обществѣ, что не позволимъ себѣ этого... Повторяю снова, если ваша дочь поступаетъ не съ вашего разрѣшенія, она впадаетъ въ крупную ошибку. Она своимъ долгомъ, красотой, имуществомъ жертвуетъ ради какого-то темнаго проходимца, который нынче здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. Провѣрьте сейчасъ-же справедливость моихъ словъ. Если она дома, у себя въ спальнѣ, пусть на меня обрушится кара государства за то, что я обманулъ васъ.

Брабанціо. Огня сюда, огня!.. Эй, вы, поболѣе огня!.. Разбудите всю мою прислугу!.. Это открытіе не идетъ въ разрѣзъ съ моимъ сномъ! Предчувствіе томитъ меня мучительно! Огня, скорѣй-же огня! (*Уходитъ отъ окна*).

Яго. Прощайте. Я долженъ разстаться съ вами. Мнѣ, при моемъ служебномъ положеніи, неудобно, даже опасно свидѣтельствовать противъ мавра, а это окажется неизбѣжнымъ, если я останусь съ вами долѣе. Я знаю, что такое изобличеніе можетъ повлечь за собою кое-какія непріятности для мавра, вродѣ строгаго выговора, но правительство, рада безопасности государства, ни

за что не отставить его. У насъ теперь война изъ-за Кипра; мавръ назначенъ главнокомандующимъ, а нашимъ государственнымъ мужамъ,— если-бы отъ этого зависѣло даже спасеніе ихъ душъ, — не найти другаго военачальника, равнаго ему для веденія дѣлъ. Хотя мавръ такъ-же ненавистенъ мнѣ, какъ муки ада, я, въ силу сложившихся обстоятельствъ, вынужденъ пока вывѣшивать флагъ любви и преданности, но это одна только вывѣска... И такъ, ведите старика въ арсеналь, гдѣ квартира главнаго начальника флота. Вы всего вѣрнѣе застанете мавра тамъ. Я буду около него. Прощайте-же (*Уходитъ*).

Входитъ Брабанціо взбѣшенный; за нимъ слуги съ факелами.

Брабанціо. Мое несчастіе не подлежитъ сомнѣнію. Она ушла! и мнѣ отъ этой презрѣнной жизни нечего ожидать, кромѣ горя! Теперь, Родриго, говори, гдѣ ты ее видѣлъ?.. О, несчастная дочь!.. Ты говоришь, она съ мавромъ?.. Кому послѣ этого придетъ охота быть отцомъ!.. Почему ты узналъ, что это именно она?.. Нѣтъ словъ передать, какъ жестоко она меня обманула!.. Что сказала она вамъ?.. Побольше свѣчей, факеловъ!.. Поднимите на ноги всю мою родню!.. Какъ думаете, повѣнчаны они?

Родриго. Думается, что въ самомъ дѣдѣ такъ.

Брабанціо. О, Боже! Какъ успѣла она уйти изъ дома? О, кровная измѣна! О, вы, отцы, не довѣряйте отнынѣ дочерямъ и судите о нихъ только по ихъ поступкамъ... Или, можетъ быть, есть волшебныя чары, при помощи которыхъ легко ввести въ обманъ молодость и дѣвичью неопытность? Не читали-ли вы, Родриго, о чемъ-нибудь подобномъ?

Родриго. Да, синьоръ, читалъ.

Брабанціо. Разбудите моего брата... Какъ жалѣю я, что не отдалъ ее за васъ!.. Пусть одни идутъ съ ними, другіе-же другимъ путемъ... Какъ предполагаете, гдѣ можно найти ее и мавра?

Родриго. Я думаю, что могу найти его, если вы возьмете съ собою стражу и пойдете за мною.

Брабанціо. Ради Бога, ведите меня скорѣе! Я буду стучаться во всѣ дома и въ случаѣ необходимости изъ каждаго требовать подкрѣпленія. Вооружитесь всѣ и отыщите начальниковъ ночной стражи. Идемъ, любезный Родриго; я отблагодарю васъ за трудъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Другая улица въ Венеціи.

Входятъ Отэлло, Яго и свита, несущая факелы.

Яго. Мнѣ, какъ военному по ремеслу, случалось убивать людей на войнѣ; однако, совѣсть подсказываетъ мнѣ, что предумышленное убійство —

преступленіе. У меня отъ природы не хватаеть рѣшимости для преступленія, хотя иной разъ такая рѣшимость могла-бы послужить мнѣ на пользу. Разъ девять или десять собирался я пырнуть его ножомъ подъ ребра.

Отэлло. Пусть все остается, какъ есть. Это лучше.

Яго. Онъ вралъ всякій вздоръ и въ такихъ гнусныхъ, такихъ возмутительныхъ выраженіяхъ поносилъ вашу честь, что даже несмотря на свое ограниченное благочестіе я едва могъ это стерпѣть. Однако, прошу васъ, синьоръ, скажите, настолько-ли крѣпко озаконенъ вашъ бракъ, что его нельзя расторгнуть? Знайте напередъ, если возможно расторгнуть вашъ бракъ, старый, любимый всѣми сенаторъ, чье вліяніе и голосъ едва-ли не вдвое сильнѣе вліянія и голоса самага дожа, непременно это сдѣлаетъ. Вообще онъ станетъ придирааться къ вамъ и дѣлать вамъ всевозможныя непріятности, какія только дозволить законъ, вполнѣ находящійся у него въ рукахъ.

Отэлло. Пусть себѣ вымещаетъ свою досаду. Услуги, оказанныя мною Венеціи, заглушагъ его жалобы. Обо мнѣ знаютъ здѣсь еще не все. Когда я увижу, что почетно будетъ этимъ похвастаться, я объявлю, что предки, которымъ я обязанъ существованіемъ, были вѣнценосцами, а такое происхожденіе и безъ сенаторской шапки даетъ мнѣ право на положеніе, котораго я уже достигъ. Знай, Яго, не люби я прелестную Дездемону такъ сильно, я за всѣ таящіяся въ морѣ сокровища не согласился бы разстаться съ привольною жизнью ничѣмъ не связаннаго бездѣльника. Взгляни, однако, что за огни приближаются къ намъ?

Яго. Это разгнѣванный отецъ вмѣстѣ съ поднятыми имъ на ноги друзьями и родственниками. Вамъ лучше-бы уйти отсюда.

Отэлло. Ни за что! Надо, чтобы они меня нашли. Меня оправдаютъ мои заслуги, мое званіе и чистота моей души. Они это?

Яго. Нѣтъ, клянусь Янусомъ, кажется, не они.

Входятъ Кассіо и нѣсколько слугъ, несущихъ факелы.

Отэлло. Это слуги дожа и мой лейтенантъ. Доброй ночи вамъ, друзья. Что скажете новаго?

Кассіо. Дожъ кланяется вамъ, синьоръ, и проситъ васъ прибыть къ нему какъ можно скорѣе... сію-же минуту.

Отэлло. Въ чемъ дѣло? Не знаете-ли вы?

Кассіо. Насколько я догадываюсь, получены извѣстія съ Кипра, и дѣло, кажется, спѣшное. Съ галеръ въ эту ночь одинъ за другимъ прибыло съ дюжину гонцовъ. Многіе изъ членовъ совѣта уже встали и собрались у дожа. Ваше отсутствіе необходимо. За вами посылали, но не застали дома; поэтому сенаторъ, чтобы разыскать васъ, отправилъ въ разныя стороны три отдѣльныхъ отряда.

Отэлло. Я очень радъ, что вы меня нашли. Скажу только одно слово здѣсь въ домѣ и отправлюсь съ вами. *(Уходитъ).*

Кассіо. Поручикъ, какое у него здѣсь дѣло?

Яго. Онъ за ночь взялъ на абордажъ сухопутную галеру, если права его на нее будутъ признаны законными, счастье его упрочено навсегда.

Кассіо. Не понимаю.

Яго. Онъ женился.

Кассіо. На комъ?

Яго. На... *(Отэлло возвращается)*. Что-жь, идете, генераль?

Отэлло. Идемте.

Кассіо. А вотъ и другой, разыскивающейъ васъ, отрядъ.

Яго. Синьоръ, это Брабанціо; будьте осторожны. Они пришли съ недобрыми намѣреніями.

Входятъ Брабанціо, Родриго, вооруженная ночная стража и слуги, несущіе факелы.

Отэлло. Эй, стойте!

Родриго. Синьоръ, вотъ мавръ.

Брабанціо. Уложите на мѣстѣ этого мерзавца, вора! Хватайте его, вора!

Съ обѣихъ сторонъ обнажаютъ оружіе.

Яго. А, это вы, Родриго? Синьоръ, я къ вашимъ услугамъ.

Отэлло. Вложите снова въ ножны ваши блестящіе мечи; они могутъ заржавить отъ росы *(Обращаясь къ Брабанціо)*. Добрѣйшій синьоръ, ваши лѣта внушительнѣе вашего оружія.

Брабанціо. Говори, гнусный воръ, куда ты спряталъ мою дочь? Окаянный, ты околдовалъ ее. Я ко всѣмъ здравомыслящимъ людямъ обращаюсь съ вопросомъ: — статочное-ли дѣло, чтобы иначе, какъ при помощи колдовства, дѣвушка, нѣжная, красивая, счастливая, отказывавшая до сихъ поръ самымъ блестящимъ, изящнымъ и наряднымъ женихамъ Венеціи, изъ-подъ опеки отца бѣжала въ черныя, какъ сажа, объятія этого мавра, скорѣе созданнаго, чтобы пугать, чѣмъ быть любимымъ. Суди меня весь міръ, если не ясно до очевидности, что ты дѣйствовалъ скверными чарами и, пользуясь ея молодостью и неопытностью, давалъ ей разныя растительныя и ископаемыя снадобья, возбуждающія страсть. Я велю разобрать все это дѣло. Оно очень правдоподобно и даже вполнѣ осязательно для мысли. Вслѣдствіе этого я задерживаю тебя, какъ оболстителя, морочащаго міръ, и какъ чернокнижника, занимающагося незаконными законами темными науками. Схватите-же его, а если онъ вздумаетъ сопротивляться, тѣмъ хуже для него. Не щадите его тогда.

Отэлло. Не давайте воли рукамъ ни вы, преданные мнѣ люди, ни вы, враждебные мнѣ. Если-бы я имѣлъ намѣреніе защищаться силою оружія, я уже сдѣлалъ бы это безъ всякихъ напоминаній *(Къ Брабанціо)*. Куда, синьоръ, прикажете вы мнѣ идти, чтобы отвѣчать на ваши обвиненія?

Брабанціо. Въ тюрьму, пока не настанетъ установленное закономъ время давать отвѣтъ передъ судомъ.

Отѣлло. Если я исполню ваше требованіе, какъ-же исполню я требованіе дожа, приславшаго за мною вотъ этихъ, стоящихъ рядомъ со мною, господъ, съ приказаніемъ немедленно явиться къ нему для обсужденія какого-то важнаго государственнаго вопроса.

Одинъ изъ спутниковъ Кассіо. Совершенная правда, синьоръ. Дожъ собралъ совѣтъ; вѣроятно, послано и за вашею благородною особою.

Брабанціо. Странно, что дожъ собралъ совѣтъ въ такое позднее, ночное время. Ведите его. Дѣло мое не пустое; ни дожъ, ни мои братья-сенаторы не могутъ взглянуть на него, какъ на личное, касающееся меня одного, и навѣрное такъ-же близко примутъ его къ сердцу, какъ свое собственное. Если такія дѣла оставлять ненаказанными, нами скоро будутъ управлять рабы и нехристи (*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА III.

Заль совѣта.

Дожъ и сенаторы сидятъ за столомъ; въ глубинѣ — дежурные офицеры.

Дожъ. Всѣ полученныя извѣстія такъ противорѣчивы, что, право, не знаешь, которому изъ нихъ вѣрить.

1-й сенаторъ. Они дѣйствительно разнорѣчивы. Мнѣ пишутъ о ста семи галерахъ.

Дожъ. Мнѣ-же сообщаютъ о ста сорока.

2-й Сенаторъ. А мнѣ о двухстахъ. Вы знаете, что извѣстія, основанныя на предположеніяхъ, никогда не могутъ отличатся точностью цифръ, однако, изъ всѣхъ разнорѣчивыхъ извѣстій несомнѣнно вытекаетъ одно: — сильный турецкій флотъ направляется къ Кипру.

Дожъ. Этого достаточно, чтобы, несмотря на разногласіе, составить себѣ понятіе о настоящемъ положеніи дѣла. Главный фактъ я считаю вполнѣ доказаннымъ.

Матрость (*За сценой*). Эй, кто-нибудь! кто-нибудь!

Офицеръ. Вѣстникъ съ галеры.

Входитъ матрость съ однимъ изъ дежурныхъ офицеровъ.

Дожъ. Что новаго еще?

Матрость, Турецкій флотъ направляется къ Родосу. Доложить это правительству мнѣ поручилъ синьоръ Анджело.

Дожъ. Что вы скажете объ этой перемѣнѣ?

1-й сенаторъ. Быть не можетъ. Въ такомъ измѣненіи плана нѣтъ здраваго смысла. Это не болѣе, какъ хитрая уловка, чтобы отвести намъ глаза. Вспомнимъ только, какую важность представляетъ для турокъ Кипръ; въ томъ, что онъ несравненно важнѣе для нихъ, чѣмъ Родось, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Къ тому-же завладѣть Кипромъ несравненно легче: онъ лишень почти всякихъ средствъ къ оборонѣ, тогда какъ Родось снабженъ ими очень богато. Подумайте-же объ этомъ, и вы поймете, что турки не такъ просты, чтобы промѣнять главное на менѣе важное, когда достиженіе перваго такъ легко. Погнавшись за вторымъ, можно подвергнуться большой опасности безъ всякой для себя пользы.

Дождь. Да, можно съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что имъ нуженъ совсѣмъ не Родось.

Офицеръ. Еще гонецъ. *Входитъ другой гонецъ.*

Гонецъ. Высокочтимые дождь и сенаторы. Къ оттоманскимъ галерамъ неподалеку отъ Родоса присоединился другой запасный флотъ.

1-й сенаторъ. Я такъ и думалъ. Какъ велико по твоему расчету число новыхъ судовъ?

Гонецъ. Кораблей тридцать. Турецкій флотъ въ полномъ составѣ свернулъ съ пути къ Родосу и теперь открыто плыветъ къ Кипру. Вашъ вѣрный и доблестный слуга — синьоръ Монтано поручилъ мнѣ передать это вамъ, свѣтлѣйшіе синьоры, и просить васъ принять къ свѣдѣнію его сообщеніе, какъ вполнѣ достовѣрное.

Дождь. Итакъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что непріятельскій флотъ направляется къ Кипру. Марко Луччикось въ городъ?

1-й сенаторъ. Онъ во Флоренціи.

Дождь. Напишите ему отъ насъ, чтобы онъ вернулся, какъ можно скорѣе.

1-й сенаторъ. А, вотъ идутъ Брабанціо и доблестный мавръ.

Входятъ Брабанціо, Отэлло, Яго, Родриго и другіе.

Дождь. Доблестный Отэлло, мы намѣрены тотчасъ-же отправить васъ противъ общихъ враговъ, оттоманъ. (*Къ Брабанціо*). Я васъ не видѣлъ. Добро пожаловать, благородный синьоръ. Мы за эту ночь сильно ощущали недостатокъ въ вашихъ совѣтахъ и въ вашей помощи.

Брабанціо. А я ощущалъ сильный недостатокъ въ томъ и въ другомъ съ вашей стороны. Простите меня, свѣтлѣйшій дождь, — но не долгъ сенатора, не государственныя дѣла подняли меня съ постели: до общественныхъ вопросовъ мнѣ въ настоящую минуту нѣтъ ровно никакого дѣла. Личное мое горе такъ велико, оно до такой степени поглощаетъ все остальное, что заслоняетъ собою всѣ другія мои тревоги и заботы, нисколько при этомъ не утрачивая своей силы.

Дождь. Въ чемъ-же дѣло?

Брабанціо. Дочь моя... О, моя дочь...

Сенаторъ. Умерла?

Брабанціо. Для меня — да. Она сбита съ пути, похищена изъ моего дома, развращена при помощи снадобій, купленныхъ у бродячихъ торговцевъ зельями, потому что, не будучи ни уродливой, ни слѣпою, ни лишенною разума, она безъ чаръ, безъ колдовства не могла-бы дойти до такого чудовищнаго извращенія всѣхъ чувствъ и понятій.

Дождь. Кто-бы ни былъ тотъ, кто посредствомъ подобныхъ гнусныхъ средствъ оболстилъ вашу дочь, сдѣлавъ ее до неузнаваемости непохожею на себя, и отнявъ ее у васъ, онъ дастъ отвѣтъ передъ кровавою книгою закона, и вы сами прочтете ему жестокой приговоръ. Да будетъ такъ, хотя-бы виновнымъ оказался родной мой сынъ.

Брабанціо. Приношу вашей свѣтлости покорную свою благодарность. Виновать во всемъ вотъ этотъ мавръ, котораго, повидимому, вы, ради пользы государства, намѣрены теперь еще повесить.

Дождь и сенаторы. Мы этимъ глубоко огорчены.

Дождь. Отѣлло, что скажете вы на это обвиненіе?

Брабанціо. Ничего, потому, что это — такъ.

Отѣлло. Могушественные, степенные и высокочимые синьоры, добрые и глубокоуважаемые повелители мои. Да, я похитилъ дочь этого старца. Это такая-же правда, какъ то, что я повѣнчался съ нею. Вотъ въ чемъ заключается моя вина; она стоитъ передъ вами прямо, въ полномъ своемъ объемѣ. Рѣчи мои не искусны; я не обладаю увлекательнымъ краснорѣчіемъ, развиваемымъ въ дни мира, такъ какъ мозгъ вотъ этихъ костей съ семилѣтняго возраста, за исключеніемъ послѣднихъ девяти мѣсяцевъ праздности, растрчивалъ свои лучшія силы на поляхъ битвъ. Я весь вѣкъ проживалъ въ походныхъ палаткахъ и, помимо войнъ и сраженій, мало съ чѣмъ знакомъ въ этомъ необъятномъ мірѣ. Поэтому, защищаясь самъ, я едва-ли съумѣю, какъ слѣдуетъ, облить свое дѣло. Позвольте-же мнѣ, испросивъ у васъ терпѣнія, рассказать вамъ, безъ всякихъ прикрасъ, всю повѣсть моей любви, и вы узнаете, — разъ меня обвиняютъ въ этомъ, — какими преступными чарами, какими гнусными зельями, какимъ колдовствомъ я добился любви его дочери.

Брабанціо. Она всегда была дѣвушкою скромною, тихою и робкою до того, что краснѣла передъ самою собою отъ каждаго мало-мальски рѣзкаго движенія; и вдругъ она, на перекоръ природѣ, своему возрасту, своей странѣ, своему положенію, всему, всему, влюбилась въ человѣка, на котораго она до тѣхъ поръ не могла взглянуть безъ страха. Было-бы нелѣпо, немислимо предполагать, будто полное совершенство способно такъ сильно сбиться съ пути, предначертаемаго законами самой природы. Сдѣйствовать этому могъ только одинъ коварный адъ. Поэтому я свидѣтельствую снова, что сдѣйствовать на нее мавръ могъ только при помощи зловредныхъ зелій, дѣйствующихъ на кровь, или при помощи заклинаній и колдовства.

Дождь. Голословное обвиненіе еще не доказательство. Подтвердите свои слова какими-нибудь доводами, могущими служить противъ него болѣе

основательными, болѣе вѣскими уликами, чѣмъ мало вѣроятныя догадки и предположенія.

1-й сенаторъ. Говорите, Отэлло, правда-ли, что вы покорили сердце дѣвушки, влили въ него отраву при помощи непозволительныхъ и насильственныхъ средствъ?.. Или вы прибѣгали только къ мольбамъ и убѣжденіямъ, ведущимъ къ сближенію двухъ человѣческихъ душъ?..

Отэлло. Убѣдительно прошу васъ послать за женой въ Арсеналь, и пусть она при отцѣ расскажетъ, какъ и чѣмъ заставилъ я ее полюбить меня. Если-же вы изъ ея словъ увидите, что я прибѣгаль къ мѣрамъ преступнымъ, лишите меня не только своего довѣрія и того назначенія, котораго вы меня удостоили, но и велите казнить, какъ злодѣя.

Дождь. Пригласить сюда Дездемону.

Отэлло. Поручикъ, проводите ихъ, такъ-какъ вамъ извѣстно, гдѣ она находится (*Яго и нѣсколько офицеровъ уходятъ*). А пока она не придетъ, я откровенно, какъ передъ самимъ Богомъ, видящимъ насквозь мою грѣшную душу расскажу вамъ, какъ добился я ея любви и какъ самъ ее по любилъ.

Дождь. Говорите, Отэлло.

Отэлло. Я пользовался расположеніемъ ея отца, и онъ часто приглашалъ меня къ себѣ. По его желанію я годъ за годъ рассказывалъ ему всѣ подробности моей жизни: пережитыя мною битвы, осады и случайности. Онъ узналъ мою жизнь отъ самаго ранняго моего дѣтства до той минуты, когда ему захотѣлось узнать мое прошлое. Понятно, что мнѣ приходилось говорить о возбуждающихъ участіе опасностяхъ и бѣдствіяхъ, которымъ я подвергался и на морѣ, и на поляхъ битвъ; какъ я, находясь на волосъ отъ гибели, въ проломѣ стѣны спасся отъ неминуемо грозившей мнѣ смерти; какъ я попался въ плѣнъ къ дерзкому врагу и проданъ былъ въ рабство; какъ я былъ выкупленъ и какъ затѣмъ принялся странствовать по свѣту. Я описывалъ видѣнныя мною громадныя пещеры, безплодныя пустыни, глубокия трясины, скалы и горы, своими вершинами касающіяся небесъ. Я водилъ слушателей за собою. Говорилъ я и о каннибалахъ, пожирающихъ другъ друга, объ антропофагахъ, у которыхъ голова совсѣмъ уходитъ въ плечи. Дездемона слушала мои рассказы съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, и, когда домашнія дѣла вынуждали ее удаляться, она, распорядившись наскоро чѣмъ слѣдовало, возвращалась и жаднымъ ухомъ снова продолжала внимать моимъ рѣчамъ. Замѣтивъ это, я улучилъ удобный часъ и мнѣ удалось вызвать изъ глубины ея души просьбу рассказать ей всю повѣсть моей жизни цѣликомъ, потому что она слышала ее только урывками и безъ всякой связи. Я согласился и часто вызывалъ на глаза ея слезы, когда приходилось говорить о бѣдствіяхъ, перенесенныхъ мною въ юности. Когда рассказъ мой былъ оконченъ, она за мой трудъ наградила меня цѣлымъ міромъ вздоховъ; она увѣряла, что все это странно, болѣе, чѣмъ странно, трогательно, даже изумительно трогательно, что лучше-бы ей совсѣмъ этого не слыхать, но что она все-таки желала-бы, чтобы небо и ее создало такимъ-же человѣкомъ. Она поблагодарила меня и просила, если у меня есть

другъ, влюбленный въ нее, только научить рассказывать мою исторію, и тогда она, пожалуй, полюбитъ его. Понявъ намекъ, я заговорилъ прямо. Она полюбила меня за пережитыя опасности, а я ее за состраданія къ нимъ. Вотъ и всѣ чары, къ которымъ я прибѣгалъ. Но она идетъ сама, выслушайте ея показанія.

Входятъ Дездемона, Яго и другіе.

Дождь. Мнѣ кажется, что такой рассказъ одержалъ-бы побѣду даже и надъ моею дочерью. Уважаемый Брабанціо, дѣло сдѣлано; его не поправишь, такъ лучше съ нимъ помириться. Люди охотнѣе прибѣгаютъ даже къ сломанному оружію, чѣмъ къ своимъ голымъ рукамъ.

Брабанціо. Прошу васъ, допросите ее. Если она сознается, что она поощряла мавра и первая намекнула на любовь, пусть всѣ бѣды обрушатся на мою голову, если я хоть слово скажу въ осужденіе этого человѣка. Подойди, милѣйшая синьора. Скажи, кому во всемъ этомъ почтенномъ собраніи обязана ты болѣе всего повиноваться?

Дездемона. Благородный отецъ мой, мнѣ кажется, что у меня здѣсь двѣ обязанности. Вамъ я обязана жизнью и воспитаніемъ. Моя жизнь и воспитаніе учатъ меня васъ уважать. Вы мой повелитель, которому, какъ дочь, я обязана повиновеніемъ. Но вотъ мой мужъ. Нѣкогда моя мать, отдавъ вамъ предпочтеніе передъ своимъ отцомъ, исполнила свою обязанность относительно васъ; теперь позвольте и мнѣ поступить такъ-же относительно Отэлло, моего законнаго повелителя и мужа.

Брабанціо. Богъ съ тобой!.. Я кончилъ. Теперь, если угодно вашей свѣтлости, перейдемъ къ государственнымъ дѣламъ. Много лучше, если-бы у меня былъ пріемышь, а не родная дочь... Подойди, мавръ. Отъ всего сердца уступаю тебѣ то, въ чемъ непремѣнно отказалъ бы тебѣ отъ всей души, если-бы оно и такъ уже не было твоимъ (*Дездемонѣ*). Благодаря тебѣ, мое сокровище! Я радуюсь теперь, что у меня нѣтъ другой дочери; твой поступокъ научилъ-бы меня тиранить ее и держать ее на привязи... Я кончилъ, свѣтлѣйшій синьоръ.

Дождь. Дайте мнѣ занять ваше мѣсто и, какъ-бы говоря вашими устами, указать обоимъ влюбленнымъ, какъ войти снова въ милость къ негодующему отцу. Когда не остается никакихъ средствъ для спасенія, когда худшее, чего можно было ожидать, является неизбѣжнымъ, тоска, ранѣе поддерживаемая надеждою, скоро проходитъ. Оплакивать старое, уже миновавшее несчастіе — самое вѣрное средство накликаеть новое горе. Когда судьба отнимаетъ у насъ то, чего мы не въ силахъ удержать, терпѣніе научаетъ съ презрительною усмѣшкою относиться къ нанесенному ею удару. Если обворованный улыбается, онъ этою улыбкою отнимаетъ кое-что у вора; но если человѣкъ тратится на безконечную скорбь, онъ самъ обкрадываетъ себя.

Брабанціо. Если такъ, допустите турокъ отнять у насъ Кипръ; это не будетъ для насъ потерей, если мы еще способны будемъ улыбаться. Легко

разсыпаться въ наставленіяхъ тому, кого ничто не тяготитъ, кромѣ накопившагося запаса утѣшеній, отъ котораго ему пріятно освободиться; но каково тому, кто подъ гнетомъ страданія вынужденъ выслушивать наставленія, что ему для расплаты съ горемъ слѣдуетъ прибѣгнуть къ жалкому терпѣнію? Всѣ эти сладкія, какъ сахаръ, и горькія, какъ желчь, утѣшенія обоюдостры и весьма двусмысленны. Слова всегда остаются только словами; я никогда не слыхивалъ, чтобы истерзанное сердце врачевалось при помощи ушей. Покорнѣйше прошу, перейдемте къ государственнымъ дѣламъ.

Дождь. Сильно вооруженный турецкій флотъ направляется къ берегамъ Кипра. Вамъ, Отэлло, средства обороны этого острова лучше извѣстны, чѣмъ кому-либо другому, Хотя мы имѣемъ тамъ весьма способнаго намѣстника, но общественное мнѣніе, голосу котораго принадлежитъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ выбора, возлагаетъ на васъ болѣе надеждъ, поэтому оно взываетъ къ вамъ о помощи. Какъ ни прискорбно, а вамъ придется оторваться отъ вашего новаго счастья и временно промѣнять его на грозныя бури суровой борьбы.

Отэлло. Почтенные синьоры, привычка — вторая природа; она-то научила меня находить, что жесткое походное ложе, ложе изъ камня и стали, мягче чѣмъ трижды взбитая пуховая постель. Сознаюсь, что всю природную живость, всю силу духа пробуждаетъ во мнѣ только суровая жизнь воина, и я согласенъ предпринять войну противъ оттомановъ. Однако, покорно склоняя голову предъ волею правительства, я прошу васъ распорядиться должнымъ образомъ насчетъ положенія моей жены: доставить ей помѣщеніе, содержаніе, спокойствіе и прислугу, соотвѣтствующія ея происхожденію.

Дождь. Не согласитесь-ли вы, чтобы она возвратилась къ отцу.

Брабанціо. Нѣтъ, я на это не согласенъ.

Отэлло. И я.

Дездемона. Я тоже, потому что, живя тамъ, я вѣчно буду у отца на глазахъ, а мое присутствіе станетъ раздражать его постоянно. Свѣтлѣйшій дождь, выслушайте благосклоннымъ ухомъ то, что я желала-бы вамъ сказать и ободрите милостивымъ словомъ мою застѣнчивость.

Дождь. Что вамъ угодно, Дездемона?

Дездемона. Своимъ откровеннымъ и смѣлымъ поступкомъ, я громче трубъ объявила міру, что люблю Отэлло, что хочу жить съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ идти навстрѣчу всѣмъ бурямъ и превратностямъ судьбы. Мое сердце покорили подвиги моего мужа. Лицо его озарялось для меня сіяніемъ его высокихъ душевныхъ качествъ, его славы его доблестныхъ дѣяній; имъ-то отдала я и душу, и всю дальнѣйшую свою судьбу. Поэтому, благородные синьоры, если оставите меня здѣсь, какъ мирную бабочку міра, пока онъ будетъ воевать, вы отнимете у меня именно то, за что я его люблю, и мнѣ придется пережить въ отсутствіе его, дорогого, слишкомъ тяжкій промежутокъ времени. Дозвольте мнѣ послѣдовать за нимъ.

Отэлло. Согласитесь на ея просьбу, синьоры. Клянусь небесами, что просить васъ объ этомъ меня заставляетъ не ненасытная алчность сластолюбія,

не юношескій пылъ, уже значительно во мнѣ остывшій, не жажда личныхъ радостей, но только желаніе исполнить ея свободную волю. Да сохранить васъ Богъ отъ недоброй мысли, будто я, благодаря ея присутствію, хоть сколько-нибудь небрежнѣ отнесусь къ важной и великой обязанности, возложенной вами на меня. Если когда-нибудь вѣтренныя игры крылатаго купидона, окутавъ меня сладостной нѣгой, хоть на минуту притупятъ мои способности соображать и дѣйствовать, если я когда-нибудь, ради наслажденія, забуду свои обязанности или исполню ихъ нерадиво, пусть ключницы обратятъ мой шлемъ въ кастрюлю; пусть всѣ обиды, всѣ поруганія, соединившись вмѣстѣ, обрушатся на мое честное имя и загрязнятъ его на вѣки!

Дождь. Рѣшите между собой, ѣхать ей или оставаться? Но дѣло спѣшное; оно кричитъ: «скорѣе!» быстрота вашихъ дѣйствій должна соотвѣтствовать важности дѣла. Вамъ необходимо отплыть сегодня же въ ночь.

Дездемона. Въ эту же ночь, синьоръ?

Дождь. Да, непременно.

Отэлло. Я готовъ всею душею.

Дождь (*Сенаторамъ*). Завтра въ девять часовъ утра мы снова соберемся здѣсь. Отэлло, оставьте здѣсь кого-нибудь изъ вашихъ офицеровъ; мы ему поручимъ доставить вамъ и полномочія, и все, что окажется необходимымъ.

Отэлло. Если ваша свѣтлость позволитъ, я оставлю здѣсь своего поручика, человѣка безукоризненно честнаго и достойнаго всякаго довѣрія. Ему я поручу проводить мою жену, а также доставить мнѣ то, что вамъ угодно будетъ мнѣ переслать.

Дождь. Хорошо. Покойной ночи вамъ всѣмъ! (*Къ Брабанцію*). Ну, благородный синьоръ, если правда, что доблесть сіяетъ также ярко, какъ и красота, вашъ зять также лучезаренъ, на сколько темнолицъ.

1-й сенаторъ. Прощайте, храбрый мавръ. Берегите счастье Дездемоны.

Брабанцію. Смотри за нею зорко, мавръ! наблюдай, не спуская глазъ. Она обманула отца, можетъ обмануть и тебя (*Дождь, сенаторы и офицеры уходятъ*).

Отэлло. Жизнью поручусь за ея вѣрность. Честный Яго, свою Дездемону я оставляю на твое попеченіе; пусть твоя жена прислуживаетъ ей; прошу тебя объ этомъ, а при первой возможности привези ихъ. Идемъ, Дездемона. Мнѣ остается побыть съ тобою всего одинъ часъ досуга для любви. Да надо еще приготовиться. Приходится покоряться времени (*Уходитъ съ Дездемоной*).

Родриго. Яго!

Яго. Что скажешь, благородная душа?

Родриго. Какъ думаешь, что я намѣренъ сдѣлать?

Яго. Пойдти домой и лечь спать.

Родриго. Сію же минуту пойду и утоплюсь.

Яго. Если ты это сдѣлаешь, я перестану тебя любить, и къ чему это, глупый человѣкъ?

Родриго. Еще труднѣе жить, когда жизнь одно мученіе. Намъ прописано умереть, если смерть является нашимъ врачомъ.

Яго. Это подлая трусость. Я уже четырежды семь лѣтъ наблюдаю свѣтъ и съ тѣхъ поръ, какъ умѣю отличать обиду отъ благодѣянія, ни разу еще не встрѣчалъ человѣка, который умѣлъ бы какъ слѣдуетъ любить самого себя. Вотъ, я — скорѣе готовъ промѣнять свой человѣческій образъ на обезьяній, чѣмъ идти топиться изъ-за любви къ какой-нибудь цесаркѣ.

Родриго. Что же дѣлать? Мнѣ самому стыдно признаваться, что я влюбленъ такъ сильно... Какъ быть, если для того, чтобы разлюбить, не хватаетъ такой добродѣтели, какъ мужество.

Яго. Что такое добродѣтель? — фи́га. Каждый можетъ поступать такъ или иначе. Наше тѣло — нашъ садъ, а наша воля въ немъ садовникъ. Захотимъ мы разводить въ немъ крапиву или сажать латукъ, сѣять иссопъ или тминъ, распложать въ немъ одинъ родъ травъ или придавать разнообразіе его растительности, сдѣлать его вслѣдствіе нашей нерадивости бесплоднымъ, или увеличивать плодородіе его почвы усерднымъ удобреніемъ, это зависитъ отъ нашей воли, имѣющей полную возможность устраивать тамъ все по своему усмотрѣнію такъ же, какъ измѣнять все до неузнаваемости. Еслибы на вѣсахъ жизни разсудокъ не служилъ противовѣсомъ чувственности, горячность нашей крови и низменность нашихъ инстинктовъ привели бы насъ къ самымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ; вотъ для того, чтобы охладить наши бѣшенныя страсти, наши чувственные порывы, наши необузданныя желанія, намъ данъ разсудокъ. То, что вы называете любовью — не болѣе, какъ черенокъ или осто́въ растенія.

Родриго. Неужели?

Яго. Она только горячка крови и потворство воли. Ну, полно! Будь мужчиной и не думай топиться. Топятъ однѣхъ кошекъ да ихъ слѣпой пометъ. Я не разъ заявлялъ, что я тебѣ другъ, готовый оказывать всевозможныя услуги, и дѣйствительно привязанъ къ тебѣ несокрушимо-прочными канатами. Никогда я не могъ быть на столько полезенъ тебѣ, какъ теперъ. Набей потуже кошелекъ деньгами и отправляйся на войну, а чтобы тебя не узнали, привяжи себѣ поддѣльную бороду, но главное — припаси побольше денегъ. Не можетъ быть, что любовь Дездемоны къ мавру просуществовала долго, — поэтому помни — припаси побольше денегъ, — и его любовь къ ней скоро остынетъ. Чѣмъ сильнѣе былъ первый порывъ страсти, тѣмъ скорѣе наступитъ охлажденіе; и такъ, говорю, побольше денегъ. Мавры въ своихъ желаніяхъ непостоянны. Набей же потуже кошелекъ деньгами. Ему любовь кажется теперъ слаще рожковъ, но скоро она покажется горьче колоцинты. Дездемона такъ еще молода, что тоже измѣнится скоро. Стоитъ ей только пресытиться его тѣломъ, какъ она тотчасъ же пойметъ, что ошиблась въ выборѣ. Измѣниться она должна неизбежно, поэтому — приготовь побольше денегъ. Если ты хочешь погубить свою душу, не топись, а сдѣлай это поумнѣе... Добудь только денегъ и какъ можно больше. Если бранныя и скоро забываемыя увѣренія въ любви кочующаго мавра и изощренной въ лукавствѣ венеціанки не переселятъ смысленности Яго и всего адскаго кагала, будь увѣренъ, что ты вкусишь полное

наслаждение въ объятіяхъ этой женщины... но только побольше, побольше денегъ. Мысль утопиться — глупа. Ну ее къ чорту! Нечего о ней и думать. Если же непременно хочешь умереть, умри послѣ, а не ранѣе обладанія.

Родриго. А если я положусь на тебя, могу ли я надѣяться, что ты поможешь мнѣ добиться желанной цѣли?

Яго. Можешь вѣрить мнѣ вполнѣ. Ступай, запасись деньгами. Я говорилъ тебѣ это не разъ и теперь повторяю снова. Я ненавижу мавра. Эта ненависть не даетъ мнѣ дышать свободно; у меня для нея есть вполнѣ основательныя причины; есть онѣ и у тебя. Будемъ же дѣйствовать сообща, чтобы ему отмстить. Если ты съумѣешь приставить ему рога, ты мнѣ доставишь удовольствіе, а себѣ наслаждение. Утроба времени теперь чревата разными событіями, которыми она должна скоро разродиться. Ну, въ путь-дорогу. Ступай!.. да раздобудь какъ можно больше денегъ. Завтра мы поговоримъ объ этомъ еще. Прощай!

Родриго. Гдѣ же мы завтра встрѣтимся?

Яго. У меня на дому.

Родриго. Хорошо. Я приду рано.

Яго. Приходи. До свиданія... Только помни, Родриго...

Родриго. Что такое?

Яго. Не вздумай утопиться.

Родриго. Нѣтъ, я передумалъ. Я продамъ всѣ свои земли.

Яго. Прекрасно. Прощай! Чѣмъ больше будетъ у тебя денегъ, тѣмъ лучше (*Родриго уходитъ*). Вотъ такъ-то у меня всегда: кошелекъ дурака дѣлается собственнымъ моимъ кошелькомъ. Было бы совершенно недостойно моихъ способностей, еслибы я стадъ терять время съ такимъ олухомъ, неизвлекая изъ него ни пользы, ни удовольствія. Я ненавижу мавра! По свѣту ходитъ молва, будто онѣ подѣ моимъ одѣяломъ исполнялъ мнѣ одному принадлежащія обязанности. Не знаю, правда ли это, но изъ-за одного подозрѣнія я буду поступать такъ, какъ будто улики у меня на лицо. Онѣ обо мнѣ самага лучшаго мнѣнія; тѣмъ легче будетъ мнѣ достигнуть цѣли. Кассіо мужчина подходящій. Посмотримъ теперь. Для того, чтобы добиться его должности и отомстить мавру, надо однимъ камнемъ нанести два удара... Но какъ и что — увидимъ далѣе. Не заставитъ ли черезъ нѣсколько времени Отэлло вообразить, будто Кассіо слишкомъ близокъ къ его женѣ? Наружность у Кассіо красивая, обращеніе изящное и вѣжливое, а все это поможетъ возбудить подозрѣніе: онѣ какъ будто созданъ для соблазна женщинъ. Натура у мавра прямая, довѣрчивая; онѣ готовъ считать людей честными по одному ихъ внѣшнему виду. Онѣ позволитъ водить себя за носъ такъ же покорно, какъ осель. И такъ, зачатіе плана совершилось: при помощи ада и ночи, чудовищное исчадіе это явится на бѣлый свѣтъ (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Портовый приморскій городъ на Кипрѣ.

Входятъ Монтано и двое горожанъ.

Монтано. Не видать-ли чего-нибудь на морѣ съ вершины мыса?

1-й горожанинъ. Волны вздымаются такъ высоко, что ровно ничего не видно. Какъ я ни смотрѣлъ, но между небомъ и открытымъ моремъ не могу разглядѣть ни одного паруса.

Монтано. Однако, вѣтеръ громко ревѣлъ на сушѣ; никогда еще отъ его порывовъ наши бойницы не дрожали такъ сильно. Если онъ и на морѣ бушевалъ съ такою-же яростью, какія дубовыя ребра кораблей выдержатъ напоръ обрушивающихся на нихъ тающихъ горъ! Что-то мы еще услышимъ?

2-й горожанинъ. Услышимъ, что турецкій флотъ разсѣянъ. Чтобы прійти къ такому заключенію, стоитъ только съ обдаваемого пѣною берега взглянуть, какъ бушуютъ разъяренныя волны; онѣ, кажется, стремятся покорить облака, Встряхиваемыми вѣтромъ чудовищными гривами своими, онѣ какъ будто стремятся залить сіяющіе огни Медвѣдицы и погасить стражей недвижимаго полюса. Никогда не видывалъ я такого бѣшеннаго разгула волнъ.

Монтано. Если турецкій флотъ не успѣлъ найти убѣжища въ какой-нибудь бухтѣ, ему не сдобровать. Гдѣ выдержать такую бурю? *(Входитъ третій горожанинъ).*

3-й горожанинъ. Радостныя вѣсти, пріятели! Война окончена. Бѣшенная буря такъ оттузила турокъ, что положила конецъ всѣмъ ихъ намѣреніямъ. Одинъ прибывшій изъ Венеціи корабль видѣлъ крушеніе и гибель большей части непріятельскаго флота.

Монтано. Неужто? Это правда?

3-й горожанинъ. Корабль только-что вошелъ въ гавань изъ Вероны. Микаэль Кассіо, лейтенантъ воинственнаго мавра, вышелъ на берегъ; самъ Отэлло, назначенный правителемъ Кипра и снабженный широкими полномочіями, еще въ морѣ.

Монтано. Я этому радъ; онъ будетъ достойнымъ правителемъ.

3-й горожанинъ. Хотя тотъ-же Кассіо и радуется истребленію турецкаго флота, онъ все-таки печаленъ и молится о спасеніи мавра. Свирѣпствовавшая буря разлучила ихъ корабли.

Монтано. Молюсь и я о его спасеніи. Я служилъ подъ его начальствомъ; полководецъ онъ настоящій. Пойдемте на пристань и посмотримъ на прибывшій корабль, а тамъ, гдѣ небесная лазурь сливается съ лазурью моря, постараемся увидать, не плыветъ-ли сюда храбрый Отэлло.

3-й горожанинъ. Да, пойдете. Каждую минуту можно ожидать новаго прибытія *(Входитъ Кассіо).*

Кассіо. Благодарю доблестныхъ обитателей этого воинственнаго острова, отдающихъ полную справедливость мавру. Да пошлетъ ему небо защиту противъ разсвирѣпѣвшей стихіи. Я потерялъ его изъ вида въ самую опасную минуту.

Монтано. Прочень-ли его корабль?

Кассіо. Корабль новый; построень онъ изъ крѣпкаго лѣса, а кормчій славится и опытностью своею, и умѣніемъ; поэтому на него можно вполнѣ положиться. Въ виду этого, хотя я и не обольщаюсь чрезмѣрною надеждою, но въ то-же время и не отчаиваюсь (*За сценой крики: Парусь! Парусь! Входитъ четвертый горожанинъ*).

Кассіо. Что тамъ за крики?

4-й горожанинъ. Городъ совсѣмъ опустѣлъ; всѣ жители столпились на морскомъ берегу и кричатъ, что видень парусъ.

Кассіо. Предчувствіе говоритъ мнѣ, что это правитель (*Пушечная пальба*).

2-й горожанинъ. Корабль привѣтствуетъ пушечною пальбою; это означаетъ, что онъ дружественный.

Кассіо. Прошу васъ, синьоръ, справьтесь повѣрнѣе, кто прибылъ? и скажите намъ.

2-й горожанинъ. Сейчасъ (*Уходитъ*).

Монтано. Скажите, лейтенантъ, правитель женатъ?

Кассіо. И какъ нельзя счастливѣе. Ему судьба послала такую дѣвушку, которая, какъ-бы ни восхваляла ее молва, какъ-бы ни описывали ее увлекательныя перья, все-таки остается внѣ сравненія и не поддается описаніямъ, такъ богато надѣлена она всякими совершенствами (*2-й горожанинъ возвращается*). Кто-же пріѣхалъ?

2-й горожанинъ. Нѣкто Яго, поручикъ правителя.

Кассіо. Переѣздъ, значить, выдался ему самый счастливый и скорый. Даже сами бури, громадныя волны, ревушій вѣтеръ, отмели и подводные камни, — эти предатели, на каждомъ шагу грозящіе бѣдою ни въ чемъ не виноватому килю, точно утратили свои сокрушительныя наклонности. Красота какъ будто и на нихъ повліяла своею прелестью, и они, неумолимые, не захотѣли препятствовать благополучному пріѣзду сюда божественной Дездемоны.

Монтано. Кто это?

Кассіо. Та самая, о которой я говорилъ: — повелительница нашего великаго повелителя, въ сопровожденіи неустрашимаго Яго, сверхъ всякихъ ожиданій прибывавшая сюда послѣ семидневнаго плаванія. О, великій Юпитеръ, прими Отэлло подъ свою защиту и наполни его парусъ могучимъ своимъ дыханіемъ; дай ему осчастливить эту бухту прибытіемъ въ нее великолѣпнаго корабля, благополучно препроводи его, трепещущаго отъ любви, въ объятія Дездемоны, и дай ему, ожививъ новымъ пламенемъ нашъ упавшій духъ, успокоить весь островъ Кипръ... Но вотъ, смотрите! (*Входятъ Дездемона, Эмилиа, Яго и Родриго съ ихъ свитою*). Сокровище, привезенное кораблемъ, ступило на берегъ! Обитатели Кипра, падайте предъ нею на

колѣни! Привѣтъ мой тебѣ, прелестная синьора! Пусть небесная благодать осѣняетъ тебя и сверху, и со всѣхъ сторонъ!

Дездемона. Благодарю васъ, доблестный Кассіо. Что можете вы сообщить мнѣ о моемъ супругѣ?

Кассіо. Онъ еще не прибылъ, и я о немъ ничего не знаю, кромѣ того, что онъ до сихъ поръ былъ совершенно здоровъ и скоро прибудетъ сюда.

Дездемона. А все-таки я за него боюсь. Какъ васъ отбило отъ него?

Кассіо. Совмѣстными усиліями неба и моря... Однако, слышите? опять крики! *(За сценой кричатъ: «Еще парусъ! Еще парусъ! Затѣмъ раздается пальба»)*.

2-й горожанинъ. Пушечною пальбою привѣтствуютъ они крѣпость; значитъ, тоже дружественный корабль.

Кассіо. Освѣдомитесь, кто прибылъ *(Одинъ изъ горожанъ уходитъ)*. Здравствуйте, почтеннѣйшій Яго; здравствуйте и вы, синьора Эмилиа. Не выходите, Яго, изъ терпѣнія при видѣ моего слишкомъ вольнаго обращенія; меня воспитаніе научило такой смѣлой вѣжливости *(Цѣлуетъ Эмилию)*.

Яго. Если-бы относительно васъ ея губы такъ-же щедры были на поцѣлуи, какъ относительно меня языкъ ея щедръ на слова, вамъ это скоро-бы надоѣло.

Дездемона. Напротивъ, она говоритъ очень мало.

Яго. Нѣтъ, синьора, черезъ-чуръ много! Я всегда замѣчаю это, когда мнѣ хочется спать. Впрочемъ, долженъ сознаться, что при васъ, синьора, она больше держитъ языкъ за зубами и ворчитъ только мысленно.

Эмилиа. Никогда я не подавала тебѣ повода отзываться такъ.

Яго. Ну, ну! знаю я васъ, женщинъ! Внѣ дома вы картинки въ гостинной вы колокола, дикія кошки въ кухнѣ, праведницы, когда оскорбляете другихъ, чертовки, когда задѣнутъ васъ, бездѣльницы въ домашнемъ обиходѣ и ключницы въ постели.

Дездемона. Какой ты клеветникъ!

Яго. Будь я туркомъ, если говорю неправду. Всѣ женщины встаютъ только, чтобы бездѣльничать, и ложатся въ постель, чтобы бодрствовать.

Эмилиа. Не поручила-бы я тебѣ сочинить мнѣ похвальное слово.

Яго. Да и не поручай.

Дездемона. Что-бы ты придумалъ, если-бы тебѣ поручили сказать похвальное слово мнѣ?

Яго. Синьора, не возлагайте на меня такой обязанности. Я умѣю только хулить, а хвалить не мастеръ.

Дездемона. А все-таки попробуй!.. Пошелъ кто-нибудь на пристань?

Яго. Да, синьора.

Дездемона. Мнѣ далеко невесело, но, чтобы обмануть себя-же, стараюсь казаться какъ разъ противоположной тому, что я на самомъ дѣлѣ... Посмотримъ, какъ-бы ты сталъ меня хвалить?

Яго. Синьора, я напрягаю всѣ силы, но, увы, мысль никакъ не можетъ отдѣлиться отъ мозга; она прилипла къ нему, какъ птичій клей къ перу, она

того и гляди вмѣстѣ съ собою вырветъ изъ башки и мозгъ, и все остальное. Но потути моей музы кончились, и она раздражается такъ:

Если женщина умомъ, и красотой плѣняетъ свѣтъ,
Умъ на пользу ей, а красота во вредъ.

Дездемона. Хороша похвала! Но что, если она дурна, но умна?

Яго. Коль она черна, но при этомъ умна,
Мужа все-таки найдетъ себѣ она.

Дездемона. Еще хуже!

Эмилія. А если она красива, но глупа?

Яго. Какъ ни будь глупа красавица, ей-ей!
Глупость брюхо нагулять поможетъ ей.

Дездемона. Все это старья пошлости, способныя смѣшить только дураковъ въ харчевняхъ. Какого-же ты жалкаго мнѣнія о той, кто и глупа, и дурна?

Яго. Хуже глупостей и ей надѣлать врядъ,
Чѣмъ красавицы съ умомъ порой творять.

Дездемона. Промакъ непростительный. О глупой и безобразной ты отозвался лучше, чѣмъ объ умныхъ и красивыхъ. Посмотримъ, какое похвальное слово скажешь ты той, которая въ самомъ дѣлѣ достойна похвалы, о женщинѣ, настолько истинно безупречной, что въ ней и злословію не найти, къ чему придраться?

Яго. Коль умна она, красива, не горда;
Коль на привязи языкъ у ней всегда;
Коль деньгами она зря не сорить: —
«И могла-бы, да не стоитъ!» говорить;
Коль супругъ ея и знатень, и богатъ,
Но всегда прилично простъ ея нарядъ;
Мстить хотя-бъ могла, но презираетъ мечь;
Какъ зеницу ока сберегаетъ честь;
Хоть имѣть любовниковъ могла-бъ она,
Но не пала, о, тогда она годна...

Дездемона. На что?

Яго. Разнымъ дуралеямъ грудь давать сосать и въ харчевняхъ пивомъ торговать.

Дездемона. Это заключеніе не только хромаетъ, но оно просто глупо. Хотя онъ тебѣ и мужъ, Эмилія, но не учись у него ничему. Что скажете на это вы, Кассіо? Я нахожу, что, какъ учитель, онъ не только никуда не годенъ, но и неприличенъ.

Кассіо. Синьора, онъ говоритъ въ простотѣ душевной. Отъ такого закаленного воина, какъ онъ, нельзя требовать утонченной вѣжливости (*Продолжаетъ тихо и оживленно разговаривать съ Дездемоной*).

Яго (*про себя, наблюдая за ними*). Онъ жметъ ей руку. Примемъ къ свѣдѣнію. Шепчитесь, шепчитесь! Мнѣ достаточно будетъ тончайшей паутины, чтобы запутать въ ней такую крупную муху, какъ Кассіо. Да такъ, улыбайся ей! Я тебя, какъ веревками, опутаю твоею-же собственною любезностью. Ты поступаешь прекрасно, именно какъ слѣдуетъ. Однако, какъ-бы волокитство не отняло у тебя твоего лейтенантства... поэтому много лучше было-бы для тебя, если-бы ты порѣже прикладывалъ къ губамъ три пальца, желая разыгрывать изъ себя плѣнительнаго молодаго человѣка, хорошо! сдѣлай еще! (*Кассіо посылаетъ Дездемона воздушный поцѣлуй*). Ну, такъ и есть... Еще поцѣлуй! Прекрасно, прекрасно, посылай, посылай поцѣлуи... только для тебя несравненно было-бы лучше, если-бы вмѣсто пальцевъ ты цѣловалъ костяшки отъ клистирныхъ трубокъ (*За сценой трубятъ*). А, это мавръ; я узнаю звукъ его трубъ.

Кассіо. Да, въ самомъ дѣлѣ, онъ!

Дездемона. Пойдемте къ нему на встрѣчу, чтобы принять его какъ слѣдуетъ.

Кассіо. Да вотъ онъ и самъ (*Входитъ Отэлло; за нимъ свита*).

Отэлло. Дорогая моя воительница!

Дездемона. Безцѣнный мой Отэлло!

Отэлло. И сильно радуется меня, и сильно удивляетъ, что ты попала сюда ранѣе меня. О, радость души моей! Если-бы за каждой бурей наступало такое чудное затишье, я-бы сказалъ: — «Дуйте, вѣтры, дуйте до тѣхъ поръ, пока не пробудите смерти!» Да, пусть моя ладья вздымается на высокія, какъ Олимпъ, вершины водяныхъ горъ, а потомъ низвергается въ такую-же глубину, какъ та, что отдѣляетъ небеса отъ ада. Если мнѣ суждено умереть, то теперь для этого самая лучшая минута, потому что душа моя переполнена такимъ блаженствомъ, которое, какъ я боюсь, уже болѣе не повторится въ ожидающемъ меня невѣдомомъ будущемъ.

Дездемона. Избави Богъ! Напротивъ, пусть наша любовь и наше счастье растутъ по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ наши года.

Отэлло. Благія силы небесныя, отвѣтите на ея желаніе словомъ «Аминь». Я не въ состояніи высказать всей своей радости. Она душиетъ меня... Слишкомъ она сильна (*Цѣлуетъ жену*). Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ еще. Пусть никогда между нами не будетъ другихъ несогласій.

Яго (*Про себя*). Да, вы теперь настроены совершенно согласно, но я сломаю скрипку и согласіе исчезнетъ. Клянусь честью.

Отэлло. Пойдемъ въ замокъ, Дездемона (*Кипріотамъ*). Знаете-ли вы новость, друзья? война кончена; турки перетонули въ морѣ. Какъ поживаютъ мои старые знакомые на этомъ островѣ? (*Дездемонѣ*). Радость моя, тебя здѣсь будутъ носить на рукахъ, такъ какъ въ прежнее время я пользовался здѣсь всеобщимъ сочувствіемъ... О, прелесть моя, я болтаю вздоръ, потому что просто теряю разсудокъ отъ счастья. Сдѣлай одолженіе, Яго, отправься на пристань и вели перенести въ замокъ мои сундуки. Затѣмъ пригласи ко мнѣ коменданта цитадели; онъ человѣкъ достойный, и относительно его никакая

предупредительность не будет излишнею. Пойдемъ, Дездемона. Еще разъ говорю: — какое счастье, что я нашелъ тебя уже здѣсь (*Отэлло, Дездемона, Кассіо и Эмилиа уходятъ вмѣстѣ со свитою*).

Яго (*Обращаясь къ Родриго*). Мы сейчасъ отправимся съ тобою на пристань, но прежде — подойди ближе... Если ты человекъ храбрый и если говорятъ правду, будто у людей влюбленныхъ является несвойственное имъ мужество, слушай меня. Лейтенантъ будетъ дежурить сегодня въ кордегардіи... Но прежде всего я долженъ тебѣ сказать, что Дездемона уже теперь влюблена въ него безъ памяти.

Родриго. Въ него? Что? Не можетъ быть.

Яго. Приложи указательный палецъ къ губамъ... вотъ такъ, и я объясню тебѣ все. Замѣть прежде всего, съ какою страстностью она влюбилась было въ мавра, а изъ-за чего? изъ-за глупыхъ и выдуманныхъ небылицъ, которыя онъ ей рассказывалъ. Будетъ-ли она продолжать любить его за эти выдумки? Пусть твое влюбленное сердце не вѣритъ этому и не сокрушается. Ея глаза должны чѣмъ-нибудь усладиться, а развѣ можетъ ихъ усладить видъ дьявола? Когда, вслѣдствіе удовлетворенія, кровь перестанетъ кипѣть, чтобы разжечь ее снова, чтобы заставить снова взалкать сытую страсть, необходимы — изящное обращеніе. соотвѣтствіе въ годахъ, красивая наружность, а мавръ ничѣмъ этимъ не обладаетъ. Вотъ за отсутствіемъ въ немъ не обходимыхъ качествъ, красавица должна будетъ разочароваться въ своемъ выборѣ. Ея утонченной натурѣ мавръ сдѣлается противенъ, невыносимъ; его присутствіе станетъ вызывать въ ней тошноту, и это вынудитъ ее прибѣгнуть къ новому выбору. А теперь, другъ мой, разъ положеніе само собою опредѣлилось совершенно ясно и разумно, кто-же стоитъ выше Кассіо на ступеняхъ такого благополучія? Этотъ проходимецъ штука тонкая. У него хватить ловкости замаскировать изящнымъ обращеніемъ, свѣтскою любезностью таящіяся въ немъ сластолюбивыя, глубоко развратныя поползновенія... Никто въ этомъ отношеніи не стоитъ выше Кассіо, почему-же женѣ мавра не полюбить его? Онъ малый проницательный, изворотливый, умѣющій пользоваться обстоятельствами. Благодаря умѣнію притворяться, онъ щеголяетъ всевозможными достоинствами, разумѣется, поддѣльными, такъ какъ настоящихъ у него вовсе нѣтъ. Словомъ — совсѣмъ бѣсъ, а не человекъ... А потомъ онъ, — шельма, — хорошъ собою, молодъ, имѣетъ всѣ внѣшнія данныя, чтобы увлечь глупое, незрѣлое воображеніе. Совсѣмъ онъ моровая язва, а барынька уже нѣсколько заразилась.

Родриго. Ни за что этому про нее не повѣрю; у нея такія ангельскія наклонности.

Яго. Поди ты съ своими ангельскими наклонностями! Вино, которое она пьетъ, тоже добыто изъ винограда, какъ и всякое другое. Если бы она въ самомъ дѣлѣ была такъ ангелоподобна, какъ ты говоришь, она никогда не влюбилась бы въ мавра. Самъ, я думаю, видѣлъ, какъ она сладко улыбалась, когда Кассіо касался ея ладони. Или не замѣтилъ?

Родриго. Да, я видѣлъ, но простая любезность — больше ничего.

Яго. Нѣтъ, клянусь вотъ этою рукою, не любезность, а похотливость. Это, такъ сказать, заглавіе, темное введеніе къ любовной повѣсти, полной сладострастія и развратныхъ помысловъ. Губы ихъ находились на такомъ близкомъ разстояніи, что ихъ дыханія цѣловались. Недостойныя мысли, Родриго!.. Но когда началось подобное сближеніе, недалеко и до остальнаго, до главнаго, въ которомъ нѣтъ ничего неземнаго... Фи!.. Дай мнѣ, однако, руководить тобою, такъ какъ я не безъ цѣли привезъ тебя изъ Венеціи. Нынѣшнюю ночь ты будешь мнѣ нуженъ; я устрою такъ, что тебя назначатъ въ ночной караулъ. Кассіо тебя не знаетъ, а я буду недалеко. Найди предлогъ, чтобы хорошенько раздражить Кассіо слишкомъ-ли громкимъ разговоромъ, не исполнивъ-ли ею приказаній или какимъ-нибудь другимъ способомъ, который лучше всего подскажутъ тебѣ сами обстоятельства.

Родриго. Хорошо.

Яго. Онъ горячъ, вспыльчивъ и вывести его изъ себя не трудно. Можетъ быть, онъ ударитъ тебя, но этого-то и слѣдуетъ добиваться. Я сумѣю раздуть эту ссору, такъ что среди кипріотовъ вспыхнетъ серьезный бунтъ, который усмирить можно будетъ только увольненіемъ Кассіо. Такимъ образомъ, благодаря средствамъ, которыя я предоставляю въ твое распоряженіе, путь къ достиженію твоего желанія сократится значительно, такъ какъ будетъ устранено благополучно главное препятствіе, до сихъ поръ отнимающее у насъ всякую надежду на успѣхъ.

Родриго. Я исполню все, что хочешь; предоставь мнѣ только случай.

Яго. Разсчитывай на меня. Черезъ нѣсколько времени приходи за мною въ цитадель. Мнѣ надо идти за поклажею мавра. До свиданія.

Родриго. Прощай (*Уходитъ*).

Яго. Тому, что Кассіо влюбленъ въ нее, я вѣрю охотно, а то, что она можетъ полюбить его — совершенно логично и правдоподобно. Хотя я ненавижу мавра, но у него все-таки душа любящая, постоянная и благородная; мнѣ кажется, что Дездемона была-бы съ нимъ счастлива. Я тоже люблю Дездемону, не изъ желанія воспользоваться ею, — хотя, кто знаетъ? — можетъ быть, при помощи случая пришлось-бы отвѣчать и за этотъ грѣхъ, — но больше какъ орудіе мести, за то, что сластолюбивый мавръ, говорятъ, бывалъ и на моемъ мѣстѣ. Эта мысль, словно смертельный ядъ, гложетъ мое нутро. Моя душа не успокоится, не можетъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока мы не поквитаемся съ мавромъ и пока онъ не заплатитъ мнѣ женою за жену, или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока я не разожгу въ немъ такой ревности, что омраченному разсудку ничѣмъ ея не исцѣлить. Да и дружку Кассіо не сдобровать, если только венеціанская дрянъ, нетерпѣніе которой я удерживаю посредствомъ ошейника и смычки, исполнить какъ слѣдуетъ порученное ей дѣло. Я такъ беззастѣнчиво наговорю мавру на лейтенанта, которому, чего добраго, вздумается рядиться и въ мой ночной колпакъ, — что обманутый мавръ станетъ меня благодарить, любить, награждать... А за что? — за то, что я

заставлю его разыгрывать изъ себя осла и, навѣки возмутивъ его покой, его довѣріе, доведу его до умопомѣшательства (*Ударяя себя по лбу*). Мысль уже сидитъ вотъ здѣсь, но она еще смутна; впрочемъ, предательская мысль никогда не бываетъ ясна, пока не наступитъ самая минута дѣйствовать (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Площадь.

Входитъ Глашатай; за нимъ толпа.

Глашатай (*Читая по бумагѣ*). Доблестный правитель нашъ, благородный Отэлло, симъ извѣщаетъ кипріотовъ, что получены достовѣрныя извѣстія подтверждающія полную гибель турецкаго флота, и по этому случаю предлагаетъ всему здѣшнему населенію выразить свою радость пѣснями, плясками, потѣшными огнями, всѣмъ, въ чемъ каждый, сообразно своимъ вкусамъ, можетъ находить удовольствіе. Но, помимо этого радостнаго событія, правитель празднуетъ свое бракосочетаніе, и ему угодно сообщить это во всеуслышаніе. Всѣ покои замка гостепріимно растворятъ свои двери, и каждый пусть свободно пируетъ въ нихъ отъ сего пятаго часа до тѣхъ поръ, пока часы не пробьютъ одиннадцати. Да благословитъ Богъ островъ Кипръ и нашего благороднаго правителя (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Зало въ замкѣ.

Входятъ Отэлло, Дездемона, Кассіо и слуги.

Отэлло. Любезный Кассіо, примите на сегодняшнюю ночь начальство надъ карауломъ. Мы не должны забывать, что и пированію есть границы, которыхъ не слѣдуетъ переступать.

Кассіо. Яго уже знаетъ, какъ ему слѣдуетъ распорядиться; тѣмъ не менѣе, я все осмотрю своими глазами.

Отэлло. Яго честнѣйшій человѣкъ. Покойной ночи, Микель. Завтра рано утромъ мнѣ надо будетъ съ вами поговорить (*Дездемонѣ*). Пойдемъ, моя радость. Когда собственность пріобрѣтена, слѣдуетъ вступить во владѣніе и пользоваться плодами сдѣлки. Покойной ночи (*Отэлло, Дездемона и слуги уходятъ. Появляется Яго*).

Кассіо. Яго, вы приходите, какъ разъ во-время. Намъ пора идти въ карауль.

Яго. Полноте, лейтенантъ! Теперь всего десятый часъ, а нашего главнокомандующаго заставила распрощаться такъ рано нетерпѣливая любовь къ Дездемонѣ. Осуждать его за это не приходится. Отэлло еще не успѣлъ

вкусить полного блаженства, а такому блаженству позавидовалъ бы самъ Юпитеръ.

Кассіо. Она дѣйствительно прелестное созданіе.

Яго. Да, есть чѣмъ полакомиться.

Кассіо. Какъ свѣжа, какъ нѣжна!

Яго. А какіе глаза! Сколько въ нихъ огня, страсти!

Кассіо. Но въ то же время сколько скромности!

Яго. А стоитъ ей заговорить, любовь сейчасъ забьетъ тревогу.

Кассіо. Она само совершенство.

Яго. Желаю всякаго благополучія ихъ брачному ложу. Пойдемте, лейтенантъ; у меня припасенъ кувшинъ превосходнаго вина. А тутъ, рядомъ я подобралъ милѣйшую компанію изъ благородныхъ кипріотовъ; всѣ они хоть до завтра готовы пить за здоровье Отэлло.

Кассіо. Съ удовольствіемъ выпилъ бы и я, но только не сегодня, любезный Яго. Я не могу пить много; мозгъ не выдерживаетъ. Впрочемъ, провести время въ пріятномъ обществѣ я не прочь... но только не пить.

Яго. Народъ они милѣйшій... Пить, пожалуй, за васъ буду я, хотя не понимаю, что можетъ сдѣлаться отъ одного кубка?

Кассіо. Нѣтъ, я уже выпилъ цѣлый кубокъ. Хотя вино и сильно было разбавлено водою, а видите, какъ оно подѣйствовало на меня. Я совсѣмъ на себя не похожъ. Зная, что отъ лишняго глотка я становлюсь буйнымъ, я не рѣшусь произвести новый опытъ.

Яго. Полноте, лейтенантъ... Сегодня пиръ горой... а эти молодые люди сильно желаютъ познакомиться съ вами.

Кассіо. Гдѣ же они?

Яго. Здѣсь, за дверями; будьте добры, пригласите ихъ войти.

Кассіо. Согласенъ, хотя мнѣ это не совсѣмъ по вкусу (*Уходитъ*).

Яго. Если къ тому кубку, который онъ уже выпилъ, заставить его прибавить хоть одинъ еще, онъ сдѣлается раздражительнѣе и задорнѣе собаченки моей прекрасной супруги. Дуракъ Родриго, и безъ того уже не помнящій себя отъ любви, опоражнивалъ за здоровье Дездемоны такіе громадные кубки, что теперь совсѣмъ готовъ, а между тѣмъ, онъ долженъ идти въ карауль. Трое же кипріотовъ, какъ и всѣ туземцы воинственнаго этого острова, народъ такой заносчивый, гордый и щепетильный, что готовъ вспыхнуть отъ каждаго неосторожнаго слова; а я кромѣ этого еще подпоилъ ихъ изрядно, такъ что они уже достаточно разгорячены; они то-же будутъ въ карауль... Вотъ съ этою-то компаніей я постараюсь стравить Кассіо и, ручаюсь головой, выйдетъ такая потѣха, что взволнуется весь островъ. Однако, вотъ и они. И если только мои предположенія оправдаются, мои дѣла пойдутъ, какъ лодка по вѣтру и по теченію! (*Входятъ Кассіо, Монтано и нѣсколько кипріотовъ*).

Кассіо. Клянусь небесами, они заставили таки меня выпить.

Монтано. Клянусь честью солдата, ты и цѣлаго кубка не выпилъ; стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ?

Яго. Эй, вина! *(Поетъ)*.

Пусть кубки гремятъ,
Пусть кубки звенятъ,
Отрада въ нихъ нашему брату.
Солдатъ — человѣкъ;
Живеть онъ не вѣкъ!
Неужто-жь не выпить солдату?

Эй, вина!

Кассіо. Клянусь небесами, отличная пѣсенка...

Яго. Я вывезъ ее изъ Англіи... Вотъ этотъ народъ, скажу я вамъ, не дуракъ выпить. И датчане ваши, и нѣмцы, и толстобрюхіе голландцы по части выпивки младенцы передъ англичанами.

Кассіо. Неужто англичане такіе мастера пить?

Яго. А вы какъ бы думали. Датчанинъ уже заснетъ; нѣмецъ свалится подъ столъ, голландца тошнить, а англичанинъ какъ ни въ чемъ не бывало, сидитъ себѣ передъ бутылкой и все продолжаетъ пить *(Наливаетъ въ кубки вино)*.

Кассіо. Здоровье нашего славнаго полководца!

Монтано. Чокнемтесь, лейтенантъ: и я пью за здоровье Отэлло.

Яго. О, Англія! Что за чудная страна! *(Поетъ)*,

Король Стефанъ штаны носилъ
Цѣною лишь въ пол-кроны,
А думалъ, что переплатилъ
Портному милліоны.
Хоть роскошью стуби страну,
Ему не будешь парой
Ты никогда. Скорѣе, ну!
Надѣнь-же плащъ свой старый.

Эй, вина!

Кассіо. А эта пѣсня еще лучше первой.

Яго. Хотите прослушать ее еще разъ?

Кассіо. Нѣтъ. Я считаю, что всякій, кто такъ поступаетъ, недостойнъ своего званія. У всѣхъ насъ надъ головами — небеса... Иныя души должны спастись, а другія не должны.

Яго. Совершенная правда, лейтенантъ.

Кассіо. Не во гнѣвъ будь сказано ни нашему полководцу, ни какому-либо другому высокопоставленному лицу, я, — что касается меня, — надѣюсь спасти свою душу.

Яго. Я тоже, лейтенантъ.

Кассіо. Позвольте... развѣ только послѣ меня. Лейтенантъ долженъ спастись раньше поручика... Будетъ толковать объ этомъ... Перейдемъ къ дѣлу... Прости намъ, Господи, грѣхи наши!.. Ну, господа, пора и на карауль... Не подумайте, что я пьянъ... Нисколько!.. Смотри поручикъ, вотъ моя правая

рука, а вотъ лѣвая... Въ эту минуту я нисколько не пьянь. Ни ноги мои, ни языкъ не заплетаются. Развѣ не такъ?

Всѣ. Совершенно такъ.

Кассіо. Ну, и прекрасно... Не воображайте, будто я пьянь (*Уходитъ пошатываясь*).

Монтано. Идемте на площадку, господа; надо смѣнить часовыхъ.

Яго (*Обращаясь къ Монтано*). Какъ вамъ нравится молодець. что сію минуту вышелъ отсюда? Какъ воинъ, онъ достоинъ-бы стоять рядомъ съ Цезаремъ; онъ рожденъ для того, чтобы распорядиться, отдавать приказанія, но видите, какой у него порокъ! этотъ порокъ и всѣ остальные достоинства являются у лейтенанта полнымъ равенствомъ; одни равны другому. А жаль. Видя, что Отэлло относится къ нему такъ довѣрчиво, я боюсь, какъ-бы эта несчастная слабость не надѣлала бѣдъ и не переполошила всего острова.

Монтано. А часто это у него случается?

Яго. Постоянный прологъ передъ сномъ; онъ бы цѣлые сутки не сомкнулъ глазъ, если-бы его не убаюкивало опьяненіе.

Монтано. Не худо было предупредить объ этомъ правителя. Онъ, можетъ-быть, ничего не замѣчаетъ? а если и замѣчаетъ, то, по своему добродушію, изъ-за хорошихъ сторонъ Кассіо не хочетъ видѣть дурныхъ. Не такъ-ли (*Входитъ Родриго*).

Яго. А, это вы, Родриго... (*Тихо*). Пожалуйста бѣги скорѣе за лейтенантомъ (*Родриго уходитъ*).

Монтано. Очень, очень жаль, что благородный мавръ такую важную должность, какъ должность лейтенанта, довѣрилъ человѣку, одержимому такою слабостью. Довести это до свѣдѣнія правителя — обязанность каждаго честнаго человѣка,

Яго. Сулите мнѣ весь Кипръ, а я все-таки этого не сдѣлаю; я слишкомъ горячо люблю Кассіо, и я дорого заплатилъ-бы за то, чтобы искоренить у него этотъ порокъ... Однако, слышите? Что это за шумъ? (*За сценой крики: — «Караулъ! Караулъ!» Вбѣгаетъ Родриго, преслѣдуемый Кассіо*).

Кассіо. Мерзавецъ! Негодяй!

Монтано. Что случилось, лейтенантъ?

Кассіо. Этотъ олухъ вздумалъ учить меня моимъ обязанностямъ. Я до тѣхъ поръ буду колотить его, бездѣльника, пока онъ взойдетъ въ оплетенную фляжку.

Родриго. Меня думаешь колотить? Ну, нѣтъ!

Кассіо. Ты еще огрызаешься! Вотъ тебѣ! (*Ударяетъ ею*).

Монтано. Перестаньте, лейтенантъ! Прошу васъ, синьоръ, не давайте воли. рукамъ.

Кассіо. Пустите меня, синьоръ; не то я сворочу вамъ на сторону челюсть.

Монтано. Полно, полно! Вы пьяны.

Кассіо. Я пьянь? (*Оба обнажаютъ оружіе и дерутся*).

Яго (*Тихо Родриго*). Бѣги скорѣе, кричи, зови, ударь въ набать (*Родриго уходитъ*). Полноте, добрѣйшій лейтенантъ... Перестаньте, ради Бога! — Эй, кто-нибудь сюда... скорѣе... на помощь! Слушайте, синьоръ! Слушайте, Монтано... Эй, кто-нибудь! Никого не дозовешься!.. Хороша стража (*За сценой звукъ колокола*). Кто это вздумалъ бить въ набать?.. Ахъ, Боже мой!.. Одумайтесь, синьоръ лейтенантъ, или вы опозорите себя навѣки (*Входитъ Отэлло съ приближенными*).

Отэлло. Что здѣсь такое?

Монтано. Я раненъ на смерть, истекаю кровью, но не жить и ему.

Отэлло. Прекратите бой, если вамъ дорога жизнь

Яго. Прекратите бой! Слышите. лейтенантъ?.. Синьоръ Монтано? Господа! Вы забываете свое положеніе и свои обязанности. Прекратите бой! Съ вами говоритъ главнокомандующій! Стыдитесь, прекратите бой!

Отэлло. Что все это значить? Изъ-за чего вышла ссора? Развѣ мы обратились въ турокъ; Господь избавилъ насъ отъ турокъ, такъ мы сами хотимъ наносить себѣ удары, которые они для насъ приготовляли? Постыдитесь, если вы христіане и прекратите дикую распрю. Тотъ, значить, ни во что не ставитъ свою душу, кто, все еще пылая бѣшенствомъ, сдѣлаетъ хоть шагъ, чтобы возобновить поединокъ; его ждетъ немедленная смерть... Да велите прекратить набать, — онъ только еще сильнѣе пугаетъ и безъ того уже встревоженное населеніе этого острова... И такъ, скажите, синьоры, изъ-за чего вышло дѣло? Ты, честный Яго, кажешься полумертвымъ отъ горя. Говори, кто началъ ссору? Если ты сколько-нибудь мнѣ преданъ, говори.

Яго. Не знаю. Не далѣе, какъ за минуту, ну, да, за одну минуту, всѣ были друзьями, всѣ разговаривали другъ съ другомъ ласково, словно новобрачные, раздѣвующіеся передъ отходомъ ко сну. Но потомъ, словно подъ вліяніемъ какой-нибудь планеты, отнявшей у нихъ разсудокъ, они вдругъ обнажили оружіе и кровожадно стали направлять удары одинъ другому прямо въ грудь. Я не могу объяснить себѣ изъ-за чего началась эта дикая ссора. О, зачѣмъ не лишился я въ какомъ-нибудь славномъ сраженіи ногъ, приведшихъ меня сюда, чтобы быть свидѣтелемъ того, что здѣсь произошло.

Отэлло. Отвѣчайте, Микель, что заставило васъ забыть до такой степени.

Кассіо. Простите меня, синьоръ; я не въ силахъ говорить.

Отэлло. А вы, достойный Монтано? — вы всегда были тихи и миролюбивы. Спокойствіе и степенность вашей молодости были замѣчены всѣми; даже самые строгіе и мудрые судьи не иначе произносили ваше уже извѣстное имя, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Что-же вынудило васъ пренебречь составленнымъ о васъ общественнымъ мнѣніемъ и промѣнять вашу добрую славу на званіе ночнаго буяна.

Монтано. Уважаемый Отэлло, я опасно раненъ. Мнѣ въ настоящую минуту говорить тяжело и вредно. Что и какъ здѣсь произошло, пусть расскажетъ вамъ Яго; онъ знаетъ это не хуже меня. Насколько мнѣ извѣстно, я за эту ночь не сдѣлалъ и не сказалъ ничего предосудительнаго, если только не

считать предосудительнымъ чувство самосохраненія, заставляющее защищаться, когда на насъ нападаютъ.

Отэлло. Клянусь небомъ, воспламеняющаяся кровь начинаетъ пересиливать миролюбивое мое настроеніе, а гнѣвъ, туманя мой разумъ, старается вывести меня изъ предѣловъ разсудительности. Стоитъ мнѣ только сдѣлать движеніе, поднять руку, и лучшій изъ васъ падетъ жертвой моего негодованія. Скажите мнѣ, изъ-за чего произошла эта отвратительная стычка, и кто былъ зачинщикомъ? Назовите виновника и, будь онъ мнѣ даже братомъ-близнецомъ, я навсегда отрину его отъ себя. Какъ! въ такомъ городѣ, которому такъ еще недавно угрожала опасность, гдѣ въ сердцахъ обывателей не улеглись еще страхъ и тревога, вы затѣваете личную, чисто домашнюю ссору, затѣваете ее ночью, въ кордегардіи, тогда-какъ ея назначеніе — водворять, а не нарушать порядокъ и тишину? Это гнусно. Яго, кто былъ зачинщикомъ?

Монтано (*къ Яго*). Ты недостойнъ будешь званія воина, если изъ пристрастія къ моему противнику, или по духу товарищества хоть что-нибудь исказишь или недомолвишь въ своемъ отвѣтѣ.

Яго. Не задѣвайте меня за живое. Мнѣ было-бы легче, если-бы у меня вырвали языкъ, чѣмъ давать показанія противъ Микеля Кассіо, но я убѣжденъ, что могу сказать всю правду, не повредивъ ему ни въ чемъ. Вотъ какъ было дѣло, генераль. Пока мы здѣсь разговаривали съ Монтано, вбѣжалъ кто-то изъ назначенныхъ въ карауль, съ громкимъ крикомъ, прося защиты; за нимъ съ обнаженною шпагою гнался Кассіо. Тогда этотъ благородный синьоръ сталъ умолять лейтенанта воздержаться отъ насилія, а я, чтобы кричавшій не поднималъ тревоги и не переполошилъ города, какъ это къ несчастію и случилось, бросился за нимъ въ догоню. Однако, ноги у него оказались проворнѣе моихъ, и я поспѣшилъ вернуться, потому что услышалъ здѣсь бряцаніе оружія и бранныя слова Кассіо, къ которымъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ никогда ранѣе не прибѣгалъ. Вернувшись, — а это произошло черезъ два-три мгновенія, — я засталъ ихъ уже дерущимися, какъ застали ихъ и вы, своимъ появленіемъ прекративъ бой. Сказать мнѣ болѣе нечего, кромѣ развѣ того, что люди всегда люди и что даже самые лучшіе изъ нихъ иногда забываются. Хотя Кассіо немного виноватъ передъ Монтано, какъ зачастую виноваты бываютъ люди именно противъ тѣхъ, кому желаютъ наиболѣе добра, я все-таки я убѣжденъ, что гнѣвъ Кассіо вызванъ былъ какою-нибудь дѣйствительно непростительною дерзостью со стороны убѣжавшаго, которую невозможно было перенести равнодушно.

Отэлло. Вижу, Яго, что честность и привязанность заставляютъ тебя смягчать краски, чтобы вина Кассіо казалась болѣе извинительною. Я очень люблю тебя, Кассіо, но ты болѣе не лейтенантъ (*входитъ Дездемона съ нѣсколькими служанками*). Смотрите, вы даже ненаглядную мою любовь заставили подняться съ постели (*къ Кассіо*). Ты послужишь примѣромъ для другихъ.

Дездемона. Что здѣсь такое, дорогой мой?

Отэло. Ничего, милая; теперь все опять въ порядкѣ. Ступай, ложись... Монтано, я самъ приму на себя обязанность вашего хирурга, чтобы залечить вашу рану. Уведите его (*Монтано уносятъ*). Ты, Яго, обойди лично весь городъ и постарайся успокоить тѣхъ, кого могла переполошить эта нелѣпая стычка. Пойдемъ, Дездемона. Такова жизнь солдата: каждую минуту неожиданная тревога можетъ прервать его мирный сонъ.

Всѣ уходятъ, кромѣ Яго и Кассіо.

Яго. Вы ранены, лейтенантъ?

Кассіо. Да, неизлѣчимо.

Яго. Но, благодаря Богу, этого, кажется, нѣтъ.

Кассіо. О, мое имя, доброе мое имя, я запятналъ тебя навсегда! Я утратилъ бессмертную часть себя; остается только одно тлѣнное. Яго, гдѣ мое доброе имя, гдѣ оно?

Яго. Какъ честный человѣкъ, говорю: — слыша ваши стоны, я было подумалъ, что вашему тѣлу нанесено какое-нибудь тяжкое увѣчые, такъ-какъ увѣчые тѣлесное много чувствительнѣе нравственнаго. Что такое доброе имя, какъ не пустой, бессмысленный предразсудокъ? Имъ иногда пользуются безъ всякихъ заслугъ, а иногда его лишаютъ безъ всякаго разумнаго основанія. Вы нисколько не лишились добраго имени, если только сами не вообразите, будто лишились его. Ну, полноте унывать... будьте мужчиною! Даже главнокомандующаго можно умилоствить. Онъ отрѣшилъ васъ отъ должности въ минуту досады, и въ этомъ отрѣшеніи болѣе сказались требованія политики, чѣмъ негодованіе. Такъ иногда бьютъ собственную ни въ чемъ не виноватую собаченку, чтобы устрашить грознаго льва. Упросите, умолите его, и онъ опять вашъ.

Кассіо. Нѣтъ, я скорѣе готовъ-бы молить его о презрѣніи, чѣмъ стараться такого добраго начальника вводить въ заблужденіе на счетъ офицера, недостойнаго этого званія, та-кого легкомысленнаго пьяницы! Ну, скажите, достойно-ли офицера напиваться пьянымъ, словно попугай болтать самъ не зная что, придираться къ другимъ, орать, ругаться и затѣвать ссору съ своею тѣнью? О ты, невидимый духъ, таящійся въ крѣпкихъ напиткахъ, если у тебя нѣтъ другаго имени, я назову тебя дьяволомъ!

Яго. Кто былъ тотъ, за кѣмъ вы гнались съ обнаженною шпагою? Въ чемъ провинился онъ передъ вами?

Кассіо. Не знаю.

Яго. Неужто?

Кассіо. Помню я многое, но все крайне смутно. Помню, что вышла ссора, но изъ-за чего? — не знаю. Зачѣмъ имѣютъ люди возможность глотать врага, крадущаго у нихъ мозгъ, и съ радостью, съ наслажденіемъ, съ блаженствомъ, съ торжествомъ обращать себя въ скотовъ!

Яго. Вы теперь совсѣмъ оправились. Что отрезвило васъ такъ скоро?

Кассіо. Демону охмѣленія заблагоразсудилось уступить свое мѣсто демону гнѣва. За однимъ сквернымъ поступкомъ послѣдовалъ другой какъ-бы затѣмъ, чтобы вызвать во мнѣ презрѣніе къ самому себѣ.

Яго. Полноте! Вы относитесь къ себѣ уже черезъ чуръ сурово. Имѣя въ виду время, мѣсто и положеніе этой страны, я былъ-бы очень радъ, если-бы не произошло никакой ссоры; но такъ какъ дѣло уже сдѣлано, вамъ надо подумать, какъ-все уладить на благо.

Кассіо. Если я попрошу его снова назначить меня лейтенантомъ, онъ назоветъ меня пьяницей! Еслибы у меня, какъ у Гидры, была цѣлая сотня языковъ, всѣ они онѣмѣли бы при такомъ отвѣтѣ. Страшно подумать, что изъ разумнаго человѣка я сначала превратился въ дурака, а потомъ въ скота! За каждый излишній кубокъ намъ готовится проклятіе, а само вино — дьяволь!

Яго. Полноте, полноте! Хорошее вино — напитокъ прекрасный, и въ немъ сидитъ не дьяволь, а развѣ только маленькій бѣсеночекъ; но и этого нечего бояться, если умѣешь съ нимъ обходиться. Добрѣйшій синьоръ лейтенантъ, надѣюсь, вы не сомнѣваетесь, что я люблю васъ искренно.

Кассіо. Какъ же сомнѣваться, когда я вашу любовь испыталъ на дѣлѣ — напился пьянь?

Яго. Э, другъ мой, что за бѣда, если вы, какъ это бываетъ со всѣми смертными, случайно напились пьянымъ? Хотите я научу васъ, какъ вамъ слѣдуетъ поступать далѣе? Теперь у насъ главная сила не правитель, а правительница. Я говорю, — замѣтьте это, — въ томъ смыслѣ, что правитель весь отдался созерцанію красоты и прочимъ прекраснымъ качествамъ своей жены и поклоняется онъ ей, какъ божеству. Покайтесь передъ нею откровенно во всемъ. Упросите ее, чтобы она своимъ вліяніемъ помогла вамъ занять прежнюю должность. Она такъ великодушна, привѣтлива, такъ всегда готова къ услугамъ, такъ ангельски добра, что сочла бы недостойнымъ себя не сдѣлать для человѣка даже болѣе того, чего онъ проситъ. Умолите ее снова возстановить узы, порвавшіеся между вами и ея мужемъ, и я готовъ прозакладывать все состояніе, что узы послѣ починки окажутся еще крѣпче, еще прочнѣе, чѣмъ прежде.

Кассіо. Вашъ совѣтъ мнѣ нравится.

Яго. Онъ внушенъ признательностью къ вамъ и искреннимъ желаніемъ вамъ помочь.

Кассіо. Вполнѣ этому вѣрю. Завтра же поранѣ утромъ отправлюсь къ добродѣтельной Дездемонѣ и буду умолять, чтобы она заступилась за меня. Я совершенно перестану вѣрить, что счастье для меня возможно, если потерплю въ этомъ неудачу.

Яго. Не потерпите! Прощайте, лейтенантъ; мнѣ еще нужно обойти городъ.

Кассіо. Покойной ночи, добрѣйшій Яго (*Уходитъ*).

Яго. Ну кто осмѣлится сказать, что я въ этомъ дѣлѣ поступаю, какъ мошенникъ, какъ предатель, когда я даю такіе полезные, честные и умные совѣты, которые могутъ обезоружить гнѣвъ разсерженного мавра? Нѣтъ ничего

легче, какъ заманить Дездемону въ честную западню, опутать ее невидимыми сѣтями; она, вѣдь, также щедра на благодѣянія, какъ сама благодатная природа, а ей нѣтъ ничего легче, какъ склонить мавра на милость. Еслибы дѣло шло даже о томъ, чтобы заставить его отказаться отъ христіанскаго крещенія, отказаться отъ всѣхъ благъ, предоставленныхъ Искупителемъ человѣчеству, онъ и на это согласился бы, лишь бы она того пожелала. Душа его до того окована любовью, что эта женщина можетъ по своей прихоти дѣлать, продѣлывать, передѣлывать все, что ей угодно. Власть ея надъ слабой волей мавра не имѣетъ границъ; Дездемона для него святыня. Такъ гдѣ же съ моей стороны мошенничество, когда я совѣтую Кассіо прибѣгнуть къ заступничеству, которое поведетъ его къ полному успѣху? О, вы, божества ада! Когда вы затѣваете какое-нибудь злое дѣло, вы всегда умѣете придать ему такой видъ, что оно на первый взглядъ кажется окруженнымъ небеснымъ сіяніемъ. Такъ-же поступаю и я въ настоящую минуту. Въ самомъ дѣлѣ, пока этотъ честный дуралей будетъ умолять Дездемону вступить за него, а она тоже съ дуру горячо вмѣшается, я внушу мавру чумную мысль, что жена; его взялась за это дѣло только потому, что питаетъ къ Кассіо чувственное влеченіе, и чѣмъ больше будетъ она стараться дѣлать лейтенанту добра, тѣмъ болѣе станетъ она утрачивать довѣріе мужа. Такимъ образомъ, я обращаю доброту ея въ птичій клей, а ея участіе явится сѣтями, которыми я опутаю всѣхъ (*Входитъ Родриго*). Что тебѣ, Родриго?

Родриго. Я вижу, что я здѣсь на охотѣ, не только не въ качествѣ собаки, которою травятъ звѣря, а въ качествѣ звѣря, котораго травятъ. Деньги мои почти всѣ истрачены; сегодня, ночью, меня исколотили порядкомъ, и я предвижу, что мнѣ придется вернуться въ Венецію съ небольшимъ запасомъ пріобрѣтеннаго ума, но за то совсѣмъ безъ денегъ.

Яго. Жалки тѣ люди, у которыхъ не хватаетъ терпѣнія. Развѣ рана залѣчивалась когда-нибудь иначе, какъ постепенно? Тебѣ извѣстно, что мы дѣйствуемъ при помощи ума, а не волшебства, а уму приходится подчиняться проволочкамъ, требуемымъ временемъ. Развѣ все идетъ не какъ нельзя лучше? Положимъ, Кассіо тебя побилъ, но за эту легкую обиду ты совершенно уничтожилъ будущность Кассіо. Многое на землѣ растетъ очень быстро, но растенія, приносящія плоды, должны ранѣе расцвѣсти. Потерпи еще немного. Клянусь святою литургіей, уже начинается свѣтать. Какъ дѣятельность и наслажденія заставляютъ быстро бѣжать часы! Ступай домой, а гдѣ этотъ домъ, у тебя прописано въ билетѣ. Ступай-же, говорю я; ты скоро узнаешь болѣе. Ну, живѣе (*Родриго уходитъ*). Остается исполнить два дѣла. Жена должна хлопотать передъ Дездемоной за Кассіо. Я заставляю ее пошевелиться, а самъ тѣмъ временемъ займусь мавромъ и сдѣлаю такъ, чтобы онъ засталъ Кассіо пока тотъ будетъ вымаливать заступничество его жены. Вотъ какой оборотъ должно принять дѣло; не будемъ-же замедлять его теченіе равнодушіемъ и совершенно ненужными проволочками (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Передъ замкомъ.

Входятъ Кассіо и музыканты.

Кассіо. Играйте здѣсь, господа. За трудъ я вознагражу васъ щедро. Играйте-же только что-нибудь не длинное, а затѣмъ тушь въ честь главнокомандующаго (*Музыканты играютъ; входитъ Шутъ*).

Шутъ. Скажите, господа, ужъ не побывали-ли ваши инструменты въ Неаполѣ, что они такъ противно гнутся?

1-й музыкантъ. Что вы хотите сказать?

Шутъ. Нѣтъ, сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ: — ваши инструменты духовые?

1-й музыкантъ. Конечно, синьоръ.

Шутъ. Значить, музыка идетъ изъ-подъ хвоста.

1-й музыкантъ. Гдѣ-же хвоста?

Шутъ. Вѣдь многіе извѣстные инструменты, издающіе и духъ, и звуки, помѣщаются такимъ образомъ. Но дѣло не въ томъ. Вотъ вамъ деньги. Ваша музыка такъ понравилась генералу, что онъ проситъ васъ именемъ всего, что вамъ дорого, не гремѣть такъ безбожно.

1-й музыкантъ. Хорошо, синьоръ, мы перестанемъ.

Шутъ. Зачѣмъ-же? Если вы умѣете играть такъ, чтобы ничего не было слышно, продолжайте; тогда ваша музыка не будетъ непріятна генералу.

1-й музыкантъ. Нѣтъ, синьоръ, такъ играть мы не умѣемъ.

Шутъ. Ну, коли такъ, мнѣ некогда толковать съ вами. Спрячьте-же свои дудки въ футляры и уходите, испаритесь въ воздухъ (*Музыканты уходятъ*).

Кассіо. Послушай, честный мой пріятель...

Шутъ. Васъ я, пожалуй, послушаю, но вашего честнаго пріятеля, — нѣтъ!

Кассіо. Пожалуйста, прекрати свои глупыя прибаутки. Вотъ тебѣ червонецъ. Если та синьора, которая прислуживаетъ женѣ генерала, встала, скажи ей, что нѣкто Кассіо проситъ ее выйти сюда на пару словъ. исполнишь-ли ты это?

Шутъ. Она встала и если захочетъ пройти здѣсь, я, вѣроятно ей передамъ ваше порученіе (*Уходитъ*).

Кассіо. Пожалуйста, сдѣлай (*Входитъ Яго*). А, Яго! Какъ кстати!

Яго. Вы, кажется, и не ложились?

Кассіо. Когда-же было? Мы разстались уже на разсвѣтѣ. Я взялъ на себя смѣлость отправить одного человѣка къ вашей женѣ и хочу просить, чтобы она дала мнѣ возможность повидаться съ добродѣтельной Дездемоной.

Яго. Я пришлю ее къ вамъ сейчасъ-же, а самъ придумаю способъ занять Отэлло разговоромъ, такъ-что вамъ будетъ свободнѣе объяснить свои дѣла.

Кассіо. Искренно благодаренъ вамъ за это (*Яго уходитъ*). Даже и во Флоренціи я не встрѣчалъ такихъ любезныхъ и такихъ честныхъ людей, какъ онъ (*Входитъ Эмилиа*).

Эмилиа. Здравствуйте, милый лейтенантъ. Очень жалю, что васъ постигла такая непріятность; но все уладится. Въ эту самую минуту генераль разговариваетъ съ женою о вашемъ дѣлѣ, и она отстаиваетъ васъ самымъ настойчивымъ образомъ. Мавръ ей отвѣчаетъ, что раненый вами Монтано на самомъ отличномъ счету у населенія здѣшняго острова, гдѣ у него много почетныхъ связей, и что благоразумная осторожность заставила его отрѣшить васъ отъ должности. Тѣмъ не менѣе онъ увѣряетъ, будто очень васъ любитъ; поэтому онъ находитъ всякое заступничество за васъ излишнимъ, такъ-какъ достаточно одного личнаго его расположенія. Онъ обѣщаетъ схватить за вихоръ первый удобный случай, чтобы снова назначить васъ на прежнюю должность.

Кассіо. Однако, я все-таки попросилъ-бы васъ, — если вы найдете это исполнимымъ и приличнымъ, — доставить мнѣ возможность хоть нѣсколько минутъ переговорить наединѣ съ Дездемоной.

Эмилиа. Сдѣлайте одолженіе, войдите. Я доставлю вамъ случай облегчить душу разговоромъ съ нею.

Кассіо. Очень вамъ благодаренъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Отэлло, Яго и нѣсколько военныхъ.

Отэлло. Яго, отдай эти письма кормчему и черезъ него вели передать сенату мое глубокое уваженіе. Я же отправлюсь осматривать работы. Приходи ко мнѣ туда.

Яго. Все будетъ исполнено, добрѣйшій мой синьоръ (*Уходитъ*).

Отэлло. Мнѣ необходимо осмотрѣть укрѣпленія; отправимьтесь туда.

1-й военный. Мы къ вашимъ услугамъ, доблестный синьоръ (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Передъ замкомъ.

Входятъ Дездемона, Кассіо и Эмилиа.

Дездемона. Будьте покойны, добрѣйшій Кассіо, для васъ я пушу въ ходъ всю свою ловкость.

Эмилиа. Ахъ, дорогая синьора, вступитесь за него. Мужъ мой такъ близко принимаетъ къ сердцу это дѣло, какъ будто оно его собственное.

Дездемона. Кто-же не знаетъ, что Яго человѣкъ честнѣйшій. Я скоро заставлю мужа относиться къ вамъ съ прежнимъ дружелюбіемъ; не сомнѣвайтесь въ этомъ, Кассіо.

Кассіо. Синьора, какая-бы участь не ожидала Микеле Кассіо, онъ никогда не перестанетъ быть вашимъ покорнымъ и преданнымъ слугою.

Дездемона. Я знаю это и очень вамъ благодарна. Вы любите моего мужа, знаете его давно, и если теперь онъ отрѣшаетъ васъ отъ должности, будьте увѣрены, что дѣлается это только приличія ради.

Кассіо. Однако, добрѣйшая синьора, такое положеніе можетъ затянуться надолго, можетъ до того расплыться въ разныхъ препятствіяхъ или, благодаря неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, разрастись такъ широко, что въ случаѣ моего удаленія и замѣщенія меня другимъ, генераль, пожалуй, совсѣмъ забудетъ мою преданность и мои заслуги.

Дездемона. Не бойся этого. Въ присутствіи Эмилиі ручаюсь, что должность останется за тобою. Знай, когда я заключаю дружескій договоръ, я исполняю его до послѣдней точки. Мужъ мой не будетъ знать покоя; я приручу его безсонницами, стану донимать его словами; его ложе превратится въ школьную скамью, а его рабочій столъ въ исповѣдальню. Ко всему, что-бы онъ ни дѣлалъ, я буду примѣшивать имя Кассіо и его просьбу. И такъ, не тужи, Кассіо. Твоя защитница скорѣе умретъ, чѣмъ откажется ходатайствовать по твоему дѣду (*Входятъ Отэлло; его сопровождаетъ Яго. Оба останавливаются въ отдаленіи*),

Эмилиа. Синьора, вашъ супругъ идетъ сюда.

Кассіо. Позвольте распроститься съ вами, синьора.

Дездемона. Нѣтъ, оставайтесь; вы услышите, какъ я буду его уговаривать.

Кассіо. Нѣтъ, не теперь, синьора; я чувствую себя такъ неловко, что не въ силахъ стоять за себя.

Дездемона. Какъ хотите (*Кассіо уходитъ*).

Яго. Мнѣ это не нравится.

Отэлло. Что такое не нравится?

Яго. Такъ, ничего, синьоръ... Сорвалось что-то съ языка.

Отэлло. Ужъ не то-ли, что Кассіо прощался съ моею женою?

Яго. Кассіо, синьоръ?.. О, нѣтъ! Я никогда не осмѣлюсь подумать, что Кассіо, словно виноватый, убѣжалъ отсюда, какъ только явились вы.

Отэлло. Мнѣ кажется, что онъ былъ здѣсь.

Дездемона. Властелинъ мой, я только-что говорила съ просителемъ, совсѣмъ убитымъ твоею немилостью.

Отэлло. Съ кѣмъ-же это?

Дездемона. Съ твоимъ лейтенантомъ Кассіо. Дорогой мой другъ, если ты хоть сколько-нибудь любишь меня, если для тебя хоть-чтонибудь значитъ моя просьба, прости его теперь-же. Если неправда, что онъ любитъ тебя всею душою и что виноватымъ онъ оказался невольно и не умышленно, я совсѣмъ не умѣю отличать честныхъ отъ нечестныхъ людей. Прощу тебя, вероти его.

Отэлло. Вѣдь это онъ былъ сейчасъ здѣсь?

Дездемона. Да, онъ. Несчастный такъ убитъ, что и мнѣ стало грустно, глядя на него, словно онъ передалъ мнѣ половину своего горя. Позови-же его.

Отэлло. Не теперь, безцѣнная моя Дездемона. Когда-нибудь, въ другой разъ.

Дездемона. Но скоро?

Отэлло. Въ угоду тебѣ, милая, такъ скоро, какъ только возможно.

Дездемона. Можетъ быть, сегодня вечеромъ, къ ужину?

Отэлло. Нѣтъ, не сегодня.

Дездемона. Такъ завтра, къ обѣду?

Отэлло. Завтра я дома обѣдать не буду; я приглашенъ на торжественный обѣдъ въ цитадель.

Дездемона. Такъ завтра, вечеромъ? Или во вторникъ утромъ, въ полуденное время или вечеромъ? Или даже въ среду, утромъ? Наконецъ, когда угодно, но только опредѣли срокъ, чтобы онъ не превышалъ трехъ сутокъ... Честное слово, онъ раскаивается очень глубоко... Потомъ на нашъ взглядъ, на взглядъ людей обыкновенныхъ, если не принимать въ расчетъ военныхъ условій, будто бы требующихъ, чтобы, ради примѣра, наказывали самыхъ лучшихъ, его проступокъ — не болѣе, какъ легкомысленная вспышка, заслуживающая только домашняго выговора. Скажи мнѣ, Отэлло, когда возвратишь ты ему прежнюю должность? Отыскиваю и въ головѣ, и въ сердцѣ, въ чемъ бы могла я отказать тебѣ, если бы ты чего-нибудь отъ меня пожелалъ, или если не отказать, — объ отказѣ не можетъ быть и рѣчи, — то колебаться такъ долго, какъ колеблешься ты? За кого же я прошу, какъ не за того же самаго Микеля Кассіо, котораго ты приводилъ съ собою всякій разъ, когда добивался моей любви, и который заступался за тебя постоянно, когда я отзывалась о тебѣ хоть сколько-нибудь неодобрительно. Неужто необходимо столько усилий, чтобы примирить тебя съ нимъ? Стоило бы мнѣ захотѣть, я могла бы сдѣлать многое...

Отэлло. Сдѣлай одолженіе, перестань! Пусть себѣ приходитъ когда угодно. Я ни въ чемъ не хочу тебѣ отказывать.

Дездемона. Ты словно оказываешь мнѣ личное одолженіе. Въ сущности, желаніе мое исполнимо такъ же легко, какъ еслибы я просила тебя надѣть перчатки, поѣсть вкуснаго и питательнаго кушанья, одѣться потеплѣе или беречь себя отъ простуды. О, еслибы когда-либо, чтобы испытать силу твоей любви, мнѣ пришлось еще къ тебѣ обратиться, я хотѣла бы, чтобы рѣчь шла о болѣе важномъ, болѣе трудно-исполнимомъ, даже влекущемъ за собою опасность, а не о такомъ пустякѣ, какъ теперь.

Отэлло. Я ни въ чемъ не откажу тебѣ, но умоляю исполни и ты мою просьбу: дай мнѣ побыть наединѣ съ самимъ собою.

Дездемона. Развѣ я могу отвѣтить отказомъ? Никогда, до свиданія, дорогой мой властелинъ!

Отэлло. До свиданія, несравненная моя Дездемона! Я скоро приду къ тебѣ опять.

Дездемона. Видишь, я даже прихоти твоей послушна, и такъ будетъ всегда (*Уходитъ съ Эмилией*).

Отэлло. Очаровательное созданіе, погибни моя душа, если я тебя не люблю, а если когда-нибудь разлюблю, пусть наступитъ первобытный хаосъ!

Яго. Доблестный синьоръ!..

Отэлло. Что тебѣ, Яго?

Яго. Когда вы ухаживали за теперешнею своею супругой, зналъ ли Микель Кассіо про вашу любовь?

Отэлло. Да, зналъ съ самаго начала и до конца. Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?

Яго. Безъ всякаго умысла; а просто изъ желанія знать, хотѣлось разрѣшить одно недоразумѣніе.

Отэлло. Что именно?

Яго. Я не зналъ, что они знакомы были ранѣе.

Отэлло. Онъ часто бывалъ даже посредникомъ между нами.

Яго. Вотъ какъ!

Отэлло. Вотъ какъ? Да, вотъ какъ! Развѣ ты видишь въ этомъ что-нибудь дурное, или считаешь Кассіо не совсѣмъ честнымъ человѣкомъ?

Яго. Считаю ли я его честнымъ?

Отэлло. Ну, да, честнымъ?!

Яго. На сколько мнѣ извѣстно...

Отэлло. Слушай, Яго, у тебя что-то есть на умѣ...

Яго. На умѣ, генераль?

Отэлло. «На умѣ, генераль?» Клянусь небесами, онъ только повторяетъ мои слова, словно въ головѣ у него сидитъ такое отвратительное чудище, что его страшно показать на Божій свѣтъ. У тебя есть какая-то затаенная мысль. Ты сейчасъ произнесъ слова: — «это мнѣ не нравится», и произнесъ ты ихъ, когда Кассіо прощался съ моею женою. Что пришлось тебѣ не по душѣ? Потомъ, когда я сказалъ, что онъ былъ повѣреннымъ въ нашей любви, ты воскликнулъ: — «Вотъ какъ?» При этомъ брови твои сдвинулись, лобъ нахмурился, какъ будто въ мозгу у тебя зародилось что-то ужасное. Если любишь меня, не таи отъ меня своихъ мыслей!

Яго. Синьоръ, вы знаете, какъ глубоко я къ вамъ привязанъ.

Отэлло. Вѣрю этому. А такъ какъ я знаю, что душа у тебя любящая, честная, твои колебанія отвѣчаютъ прямо мучать меня тѣмъ болѣе, что ты не привыкъ говорить наобумъ и что ты строго взвѣшиваешь каждое слово, ранѣе чѣмъ его произнести. Со стороны какого-нибудь безчестнаго или фальшиваго человѣка такую нерѣшительность можно бы прямо принять за обычное кривляніе, свойственное мерзавцамъ; но со стороны такого безукоризненнаго человѣка, какъ ты, нерѣшительность эта является какимъ-то скрытымъ

обвиненіемъ; она обличаетъ только движеніе души, не могущей справиться съ тѣмъ, что ее волнуетъ.

Яго. Что касается Микеля Кассіо, клянусь, онъ кажется мнѣ вполнѣ честнымъ человѣкомъ.

Отэлло. Такъ думаю и я.

Яго. Людямъ вообще слѣдовало бы казаться тѣмъ, *что* они на самомъ дѣлѣ есть, а не тѣмъ, чѣмъ они не могутъ быть.

Отэлло. Разумѣется, людямъ слѣдовало бы казаться тѣмъ, что они есть.

Яго. Поэтому я и сказалъ, что считаю Кассіо честнымъ человѣкомъ.

Отэлло. Нѣтъ, у тебя на умѣ есть что-то другое. Прошу тебя, говори со мною прямо, безъ утайки, все равно, какъ если-бы ты говорилъ съ самимъ собою. Выскажи все, что есть самага худшаго у тебя на мысляхъ, какъ бы ни были жестоки твои слова.

Яго. Простите, синьоръ, я готовъ исполнять всѣ свои обязанности относительно васъ, но только не тѣ, отъ которыхъ избавлены даже рабы. Какъ выложить передъ вами всѣ свои мысли? Предположите, что онѣ ошибочны, гнусны, преднамѣренно фальшивы... Укажите мнѣ такой дворецъ, куда бы не проникало ничего грязнаго? Укажите мнѣ такое чистое сердце, гдѣ бы рядомъ съ самыми высокими чувствами не свивала бы себѣ гнѣзда самая скверная подозрительность?

Отэлло. Яго, у тебя въ головѣ есть что-то недоброе, касающееся меня, твоего друга. Ты, вѣроятно, боишься слишкомъ сильно огорчить меня, высказавъ то, что у тебя на умѣ!

Яго. Умоляю васъ, синьоръ, перестаньте пытаться меня. Можетъ быть, я только ошибаюсь въ своихъ предположеніяхъ. Сознаюсь вамъ, у меня уже такой врожденный порокъ, что мнѣ всюду чудится одно дурное; моему ревнивому чувству чудятся измѣны тамъ, гдѣ о нихъ нѣтъ и помина. Умоляю васъ, не вѣрьте на слово человѣку, которому прирожденъ такой порокъ; не создавайте для себя излишнихъ мученій изъ смутныхъ и, быть можетъ, невѣрныхъ наблюденій такого человѣка. Ради вашего спокойствія, ради вашего счастья, также ради моего благополучія, моей честности, моего человѣческаго чувства, не требуйте, чтобы я излилъ передъ вами всѣ свои мысли.

Отэлло. Что хочешь ты сказать?

Яго. Для мужчины, какъ и для женщины, доблестный синьоръ, честное имя самое драгоценное душевное сокровище. Тотъ, кто стащить у меня изъ кармана кошелекъ, лишитъ меня бездѣлицы; это есть и нѣчто, и ровно ничего. Принадлежавшія мнѣ деньги, принадлежатъ теперь другому, будутъ принадлежать тысячамъ другихъ. Но тотъ, кто украдетъ у меня доброе мое имя, самъ не обогатится, а меня разоритъ въ конецъ.

Отэлло. Я во что бы то ни стало хочу узнать твои затаенныя мысли.

Яго. Если бы мое сердце лежало у васъ на ладони, дѣло было-бы другое, но это невозможно; поэтому, пока я владѣю своимъ сердцемъ, выпытать вамъ отъ меня ничего не удастся.

Отэлло. А!!!

Яго. Берегитесь, синьоръ, не поддавайтесь ревности. Остерегайтесь этого зеленоглазаго чудовища, питающагося собственною своею плотью. Тотъ роконосецъ живетъ припѣваючи, кто хоть и чувствуетъ на лбу излишнія украшенія, но, не особенно любя измѣняющую ему жену, не тяготеетъ этимъ украшеніемъ. За то какія адскія минуты переживаетъ тотъ, кто сходитъ съ ума по женѣ и сомнѣвается въ ней, кто подозрѣваетъ, но влюбленъ страстно.

Отэлло. О, мученіе!

Яго. Бѣднякъ, довольный скромной долею, богатъ, неистоцимо богатъ, но и громаднѣйшія богатства покажутся бѣднѣ зимы тому, кто ежеминутно опасается стать нищимъ. О, да сохранить Господь и меня, и всѣхъ близкихъ моихъ отъ ревности!

Отэлло. Слушай, зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь? Не воображаешь-ли ты, что я буду тратить всѣ жизненныя силы на ревность и, подгоняемый все новыми и новыми подозрѣніями, только и дѣлать, что слѣдить за всѣми измѣненіями луны? Нѣтъ, разъ въ меня закрадется подозрѣніе, явится и рѣшимость. Промѣняй меня на козла въ тотъ день, когда я поддамся тѣмъ пустымъ, ни на чемъ не основаннымъ подозрѣніямъ, на которыя ты намекаешь. Неужто ты думаешь, во мнѣ возбуждять ревность толки, что жена моя красива, что она любитъ житейскія наслажденія и пріятное общество, что она свободна и въ разговорахъ, и въ обращеніи, что она прекрасно играетъ, поетъ и танцуетъ? Къ ея главнымъ достоинствамъ все это прибавляетъ новыя достоинства. Даже то, что самъ я крайне скудно одаренъ природою, не вызоветъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ вѣрности ея или невѣрности на томъ основаніи, что были-же у нея глаза, когда она избрала меня. Нѣтъ, Яго, прежде чѣмъ позволить прокрасться въ себя сомнѣнію, я хорошенько присмотрюсь къ дѣлу. Если сомнѣніе зародится у меня въ душѣ, я потребую доказательствъ; если-же невѣрность будетъ доказана, тогда прощай разомъ и любовь, и ревность.

Яго. Очень радъ это слышать, потому что теперь мнѣ съ болѣе легкимъ сердцемъ можно будетъ выказать вамъ свою преданность и исполнить свою обязанность относительно васъ. Позвольте-же мнѣ теперь открыться вамъ во всемъ, но не требуйте отъ меня доказательствъ сразу. Держите ухо остро; ни на мигъ не теряйте изъ виду жены и ея отношеній къ Кассіо. Будьте благоразумны, не слишкомъ подозрительны, но и не слишкомъ довѣрчивы. Мнѣ не хотѣлось-бы, чтобы ваша великодушная натура сдѣлалась жертвой собственнаго великодушія. Нравы нашей страны мнѣ слишкомъ хорошо извѣстны. Въ Венеціи женщины на глазахъ небесъ творятъ такія прегрѣшенія, которыя, разумѣется, тщательно скрываются отъ глазъ мужей, и для нихъ самое важное не воздержаніе отъ грѣха, а только желаніе скрыть его отъ постороннихъ глазъ.

Отэлло. Ты такъ думаешь?

Яго. Выйдя замужъ за васъ, она обманула отца. Когда она какъ будто боялась вашихъ взглядовъ и дрожала при видѣ ихъ, тогда-то именно она и любила ихъ всего болѣе.

Отэлло. Это правда.

Яго. Выведите-же теперь заключеніе. Если дѣвушка въ такіе молодые годы сьумѣла, словно соколу, завязать отцу глаза, ослѣпить его настолько, что онъ заподозрилъ даже вмѣшательство волшебства... но я позволяю себѣ слишкомъ много и долженъ просить у васъ прощенія, что люблю васъ не въ мѣру сильно.

Отэлло. Ты оказываешь мнѣ такую услугу, которой я никогда не забуду.

Яго. Это, какъ я вижу, нѣсколько встревожило васъ.

Отэлло. О, нѣтъ, нисколько, нисколько!

Яго. А я сильно боюсь, что такъ. Надѣюсь, вы поймете, что говорить заставилъ меня избытокъ любви моей къ вамъ... Но теперь я вижу ясно, что вы сильно взволнованы... Не придавайте моимъ словамъ слишкомъ большого значенія; не выводите изъ нихъ никакихъ заключеній, такъ какъ они основаны на одномъ только подозрѣніи.

Отэлло. О, конечно, нѣтъ!

Яго. Если-бы вы придали особое значеніе моимъ словамъ они оказались-бы такою гнусностью, которой я даже и въ виду не имѣлъ. Кассіо — мой достойный другъ... Какъ хотите, синьоръ, а я вижу, что вы сильно взволнованы.

Отэлло. Не особенно. Я все-таки вѣрю въ честность Дездемоны.

Яго. Отъ души желаю, чтобы она подолѣе оставалась такою и чтобы вы подолѣе имѣли возможность ей вѣрить.

Отэлло. А что, если природа наперекоръ самой себѣ...

Яго. Вотъ мы дошли теперь до самой щекотливой темы. Если вы позволите мнѣ говорить вполнѣ откровенно, самое то, что она отказывала столькимъ женихамъ, какъ нельзя болѣе подходившимъ къ ней по происхожденію, по народности, по положенію, словомъ, одареннымъ всѣмъ, что имѣеть большой вѣсъ въ глазахъ всѣхъ смертныхъ вообще, и всѣмъ этимъ женихамъ предпочла васъ, не обличаетъ-ли подобный выборъ полной испорченности вкуса, не служитъ-ли полнымъ доказательствомъ ея развращенности, не обличаетъ-ли въ ней безнравственности мыслей и желаній?.. Но, видитъ Богъ, я не ее именно имѣю въ виду. Я только боюсь, что вкусъ ея сдѣлается болѣе естественнымъ. Она, пожалуй, начнетъ, сравнивать васъ съ своими соотечественниками, а это какъ бы не повело ее къ раскаянію.

Отэлло. Уходи, уходи... Если подмѣтишь еще что-нибудь, сообщи мнѣ. Скажи и женѣ, чтобы она тоже наблюдала. Прощай, уйди.

Яго. Прощайте, синьоръ (*Уходитъ*).

Отэлло. О, зачѣмъ я женился? Этотъ безупречно честный человѣкъ, вѣроятно, знаетъ болѣе, несравненно болѣе, чѣмъ говорить (*Яго возвращается*).

Яго. Синьоръ, мнѣ очень-бы хотѣлось убѣдить васъ, что идти далѣе въ изслѣдованіи этого дѣла будетъ неблагоприятно. Предоставьте это времени; оно обнаружитъ все. Кассіо, по всей справедливости долженъ занять прежнюю

должность, потому что онъ на этомъ мѣстѣ былъ и дѣятеленъ, и полезенъ. Впрочемъ, если вы еще нѣсколько дней не дадите ему рѣшительнаго отвѣта, вы будете имѣть возможность судить и о человѣкѣ, и о тѣхъ средствахъ, къ которымъ онъ думаетъ прибѣгнуть. Обратите также вниманіе, не станеть-ли ваша жена слишкомъ настойчиво требовать возвращенія ему прежней должности. Такимъ путемъ можетъ обнаружиться многое. До тѣхъ поръ думайте, что я преувеличиваю опасность; да и у меня самого есть основаніе предполагать, что оно такъ и есть. Умоляю васъ, синьоръ, предоставьте вашей супругѣ полную свободу дѣйствовать.

Отэлло. Не сомнѣвайся во мнѣ; я буду сдержанъ.

Яго. Прощайте, синьоръ, еще разъ (*Уходитъ*).

Отэлло. Этотъ человѣкъ образецъ вѣрности и честности. Онъ по опыту знаетъ всѣ пружины, управляющія человѣческими поступками. О, соколица моя, если ты, одичавъ, болѣе не хочешь подчиняться волѣ сокольничьяго, — я разорву твои путы, — будь они даже сплетены изъ волоконъ моего сердца, — только свисну и пущу тебя по вѣтру; отыскивай себѣ добычу, повинуйся только волѣ случая. Можетъ быть, потому, что я черенъ лицомъ и не блещу въ разговорѣ тѣми гибкими тонкостями, которыми щеголяютъ лица, вращающіяся во дворцахъ, или потому, что я по лѣтамъ уже иду въ жизни подъ гору, и по такимъ ничтожнымъ причинамъ оказывается, что я ей не пара? Она хочетъ освободиться отъ меня; она для меня погибла, и единственное остающееся мнѣ утѣшеніе — презрѣніе къ ней... О, будь проклятъ брачный союзъ!.. Зачѣмъ намъ дано обладать только тѣломъ этихъ оболстительныхъ созданій, а не ихъ желаніями!.. Я скорѣе бы согласился быть жабою, дышать смраднымъ воздухомъ темницы, чѣмъ дѣлиться съ другимъ хоть малѣйшею частицею той, которую люблю! Въ этомъ бичѣ великихъ міра сего; они болѣе обойдены счастьемъ, чѣмъ самые несчастные. Эта участь непредотвратима, какъ смерть!.. Этотъ рогатый бичъ предназначенъ для насъ съ самой первой минуты нашего появленія на свѣтъ... А, вотъ и Дездемона (*Входятъ Дездемона и Эмилія*). О, если она измѣняетъ мнѣ, значитъ, небо насмѣхается надъ самимъ собою... Не хочу этому вѣрить.

Дездемона. Что-же ты нейдешь, Отэлло? Тебя ожидаютъ и обѣдъ, и приглашенные тобою кипріоты.

Отэлло. Виновать.

Дездемона. Зачѣмъ отвѣчаешь ты такимъ слабымъ голосомъ? Можетъ быть, ты нездоровъ?

Отэлло. Болитъ здѣсь, гдѣ лобъ.

Дездемона. Вѣроятно, оттого, что вчера ты легъ слишкомъ поздно. Пройдетъ; дай мнѣ завязать тебѣ потуже лобъ и черезъ часъ ты будешь совершенно здоровъ.

Отэлло. Твоя тряпичка слишкомъ мала (*Срываетъ повязки и роняетъ платокъ*). Пройдетъ и такъ; пойдемъ вмѣстѣ къ гостямъ.

Дездемона. Меня очень огорчаетъ, что ты нездоровъ (*Уходятъ*).

Эмилиа. Очень рада, что нашла этот платокъ. То былъ первый подарокъ ей на память отъ мавра. Сколько разъ мой сварливый мужъ подговаривалъ меня украсть его, но до сихъ поръ не представлялось случая. Мавръ такъ убѣдительно просилъ Дездемону хранить этотъ лоскутокъ, какъ драгоценность, что она никогда съ нимъ не разстается, цѣлуетъ его, разговариваетъ съ нимъ. Теперь платокъ у меня и я отдамъ его Яго. Что онъ съ нимъ сдѣлаетъ, знаетъ небо, а не я. Я только исполняю прихоть мужа (*Видитъ Яго*).

Яго. Ты одна? Что ты здѣсь дѣлаешь?

Эмилиа. Пожалуйста, не ворчи. У меня для тебя кое-что припасено.

Яго. Что такое? Вѣрно какая-нибудь дрянь... Давно всѣмъ извѣстно...

Эмилиа. Что такое извѣстно?

Яго. Что весьма непріятно имѣть глупую жену.

Эмилиа. И только-то? Посмотримъ, чѣмъ отблагодаришь ты меня за платокъ.

Яго. За какой платокъ?

Эмилиа. «За какой платокъ?» — извѣстно, за тотъ, что мавръ подарилъ Дездемонѣ. Ты сколько разъ подговаривалъ меня украсть его.

Яго. И ты его украла?

Эмилиа. Нѣтъ, она сама по небрежности обронила его здѣсь, а я къ счастью была тутъ и подняла его. Смотри, вотъ онъ.

Яго. Какая ты милая! Давай его сюда.

Эмилиа. Нѣтъ, скажи прежде на что онъ тебѣ... Зачѣмъ ты приставалъ, чтобы я его стянула?

Яго. Тебѣ-то какое дѣло? (*Вырываетъ платокъ*).

Эмилиа. Если это не ради какого-нибудь важнаго дѣла, отдай мнѣ его назадъ. Бѣдная синьора! Она, пожалуй, сойдетъ съ ума отъ горя, что потеряла его.

Яго. Говори, что ничего знать не знаешь, вѣдать не вѣдаешь. А что я съ нимъ сдѣлаю, это уже мое дѣло. Ступай (*Эмилиа уходитъ*). Подкину эту тряпку Кассіо; пусть онъ найдетъ ее. Иной разъ пустяки, которые сами по себѣ легче воздуха, для людей ревнивыхъ становятся такими-же вѣскими и неопровержимыми уликами, какъ неопровержимо священное писаніе. Этотъ лоскутокъ можно употребить въ дѣло. На мавръ уже чувствуется дѣйствіе моего яда. Сначала едва замѣтенъ противный вкусъ губительныхъ мыслей, но разъ онъ начнетъ оказывать свое дѣйствіе на кровь, онъ жжетъ, какъ пылающая сѣра. Я играю навѣрняка... Вотъ онъ идетъ. Ни макъ, ни мандрагора, никакія усыпляющія зелія въ мірѣ не возвратятъ тебѣ того сладкаго сна, какимъ ты наслаждался еще вчера (*Входитъ Отэлло*).

Отэлло. Она мнѣ не вѣряя! Невѣрна мнѣ!

Яго. Что съ вами, генераль? Перестаньте сокрушаться.

Отэлло. Прочь! Уйди съ моихъ глазъ! Я переживаю такую страшную пытку изъ-за тебя. Клянусь, въ тысячу разъ сноснѣе быть обманутымъ совсѣмъ, чѣмъ томиться малѣйшимъ подозрѣніемъ.

Яго. Успокойтесь, синьоръ.

Отэлло. О, зачѣмъ узналъ я, что она украдкой отъ меня предавалась съ другими чувственнымъ наслажденіямъ? Я не видалъ этого, не думалъ объ этомъ и былъ покоенъ. Прошедшую ночь я спалъ прекрасно, былъ веселъ и бодръ; я на ея губахъ не ощущалъ слѣдовъ отъ поцѣлуевъ Кассіо. У того, кто не замѣчаетъ, что его обворовали, ровно ничего не украдено.

Яго. Какъ мнѣ прискорбно слышать ваши слова,

Отэлло. Я былъ-бы много счастливѣе, если-бы каждый солдатъ изъ моего войска пользовался ея ласками, но самъ-бы я ничего не зналъ, не подозрѣвалъ... Теперь-же для меня всему конецъ! Отнынѣ прости навѣки, спокойствіе моей души! Прости, счастье! Прощайте, развѣвающіяся перья побѣдоносныхъ войскъ! Прощайте, грозныя войны, превращающія честолюбіе въ доблесть! О, прощай и ты, мой ретивый конь! Прощайте и вы, громогласныя трубы, и ты, рочущій барабанъ, и вы, пронзительныя дудки, и ты, царственное знамя! Прощайте и вы, красота, пышность, гордость и чарующая прелесть побѣдоносной войны!.. Прощайте всѣ вы, грозныя орудія смерти, издающія изъ своихъ могучихъ жерлъ такіе-же потрясающіе раскаты на землѣ, какъ и небесныя громы безсмертнаго Юпитера! Дѣло всей жизни Отэлло окончено окончено на всегда!

Яго. Синьоръ, возможно-ли это?

Отэлло. Мерзавецъ! Ты долженъ мнѣ доказать, что жена моя развратная женщина! Докажи, докажи до полной очевидности! Иначе (*Схватываетъ Яго за горло*), иначе, — клянусь тебѣ спасеніемъ своей души! — лучше-бы тебѣ родиться собакой, чѣмъ давать отвѣтъ изступленной ярости, пробужденной тобою у меня въ груди!

Яго. Неужто дошло уже до того?

Отэлло. Дай мнѣ увидать это своими глазами, или, по крайней мѣрѣ, представь такія ясныя доказательства, въ которыхъ не было-бы ни сучка, ни задоринки, и послѣ которыхъ не оставалось-бы и тѣни сомнѣнія. Или горе тебѣ! — ты заплатишься жизнью.

Яго. Добрѣйшій синьоръ...

Отэлло. Если ты клеветешь на нее, если терзаешь меня понапрасну, не молись болѣе никогда, простишь съ совѣстью, сваливай груды ужасовъ на голову ужаса, совершай такія дѣянія, отъ которыхъ плакало-бы небо и содрогалась земля, ты всѣмъ этимъ не усилишь своего осужденія на вѣчныя адскія муки!

Яго. О, небесная благодать, о, силы небесныя, защитите, спасите меня! Скажите, человѣкъ-ли вы?.. Есть у васъ душа и здравый смыслъ? Богъ съ вами отрѣшите меня отъ должности. О, несчастный глупецъ, дожившій до того, что твоя честность становится порокомъ!.. О, чудовищный свѣтъ, запиши, затверди, что быть прямымъ и честнымъ иногда опасно. Благодарю васъ за урокъ и на будущее время болѣе не буду любить ни одного друга, когда за любовь подвергаешься отъ друзей такимъ обидамъ! (*Хочетъ идти*).

Отэлло. Нѣтъ, стой! Ты долженъ быть честнымъ до конца!

Яго. Мнѣ бы слѣдовало быть болѣе умнымъ, потому что дура — честность лишаетъ насъ друзей, въ пользу которыхъ она работаетъ.

Отэлло. Клянусь вселенной, что кажется мнѣ будто жена моя честна, то будто она преступна. То кажется мнѣ, будто ты правъ, то будто неправъ! Я требую доказательствъ, потому что мое имя, которое еще недавно было такъ-же чисто и ясно, какъ ликъ Діаны, теперь загрязнено и стало чернѣе моего лица. О, если еще существуютъ веревки, ножи, ядъ, огонь, удушливые потоки, этого я не стерплю!.. О, лишь-бы убѣдиться вполнѣ!

Яго. Вижу, синьоръ, какъ сильно терзаетъ васъ страсть, и глубоко раскаиваюсь, что я самъ разжегъ ее въ васъ. Вы желаете доказательствъ...

Отэлло. Не желаю, а требую!

Яго. Понимаю, и радъ-бы услужить, но какъ это сдѣлать и какихъ именно доказательствъ вы требуете? Быть можетъ, хотите застать ее на мѣстѣ преступленія въ объятіяхъ другого?

Отэлло. Смерть и проклятіе!.. О!..

Яго. Заставить ихъ сдѣлать васъ свидѣтелемъ такого зрѣлища довольно трудно; не сумашедшіе-же они, чтобы давать такія представленія для другихъ глазъ, кромѣ собственныхъ? Но какія доказательства могу я вамъ представить еще? Что еще могу сказать вамъ, чѣмъ васъ удовлетворить? О такомъ наглядномъ доказательствѣ, — какъ вы это видите сами — не могло-бы быть и рѣчи даже тогда, когда-бы они были такъ-же безстыдны, какъ козы, страстны, какъ обезьяны, бѣшены, какъ спарившіеся водки, или такъ глупы, какъ бываетъ въ пьяномъ видѣ какой-нибудь неотесанный олухъ. Но если васъ могутъ удовлетворить не прямыя, но косвенныя улики и при томъ настолько сильныя, что прямо приведутъ васъ къ воротамъ истины, извольте: такія улики я могу вамъ представить.

Отэлло. Дай мнѣ такое доказательство ея невѣрности!

Яго. Хотя такая обязанность мнѣ крайне непріятна, но разъ, подстрекаемый любовью и честностью, я зашелъ слишкомъ далеко, я буду продолжать. Какъ-то недавно я лежалъ на одной постели съ Кассіо, но не могъ заснуть отъ мучительной зубной боли. Есть люди, до того распушенные нравственно, что во время сна выбалтываютъ всѣ своя тайны. Таковъ и Кассіо. Вдругъ онъ во снѣ говоритъ: — «Безцѣнная Дездемона, будемъ осторожны. Намъ слѣдуетъ какъ можно бережнѣе скрывать нашу взаимную любовь». Затѣмъ, схвативъ мою руку и сжавъ ее крѣпко, со словами: — «О, божественное созданіе!» принялся цѣловать меня такъ сильно, словно хотѣлъ съ корнемъ вырвать поцѣлуи, которые вырастаютъ на моихъ губахъ. Далѣе, обнявъ меня и цѣлуя, онъ со вздохомъ произнесъ: — «Будь проклята судьба, отдавшая тебя мавру!

Отэлло. Чудовищно! Чудовищно!

Яго. Да, вѣдь, онъ только видѣлъ сонъ.

Отэлло. Положимъ. Но сонъ намекаетъ на то, что было на яву, и служить очень вѣской уликой.

Яго. Онъ можетъ только придать болѣе вѣса другимъ, менѣ сильнымъ уликамъ.

Отэлло. Я разорву ее на клочки!

Яго. Нѣтъ, будьте благоразумны! Еще ничего не доказано вполнѣ. Она, можетъ быть, честна и вѣрна, вамъ до сихъ поръ. Скажите, видали вы когда-нибудь въ рукахъ у жены платокъ съ вышитыми на немъ ягодами земляники?

Отэлло. Я подарилъ ей такой платокъ; то былъ первый мой подарокъ.

Яго. Я этого не зналъ, но видѣлъ, какъ сегодня Кассіо вытиралъ бороду такимъ платкомъ. Я убѣжденъ, что это платокъ вашей жены.

Отэлло. Если онъ тотъ самый...

Яго. Все равно; тотъ-ли самый или другой, но если онъ принадлежалъ вашей женѣ, эта новая улика сильно подтверждаетъ предыдущую.

Отэлло. О, зачѣмъ у этого негодяя не сорокъ тысячъ жизней! Одной слишкомъ мало: она слишкомъ ничтожна для моего мщенія! Теперь я вижу, что все правда! Смотри, Яго, какъ я сдуваю къ небу всю свою любовь! Ея уже больше нѣтъ! О черное мщеніе, вставай изъ адскихъ нѣдръ. О, любовь, вступа въ этомъ сердцѣ вѣнецъ и престоль жестокой, неумолимой ненависти! Вздуйся, моя грудь, переполненная жалами ехиднѣ!

Яго. Умоляю васъ, синьоръ, успокойтесь!

Отэлло. Крови! Крови! Крови!

Яго. Терпѣніе, говорю я вамъ: — ваши мысли могутъ еще измѣниться.

Отэлло. Никогда, Яго! Какъ ледяныя волны Понта, не знающія обратнаго отлива, въ своемъ вынужденномъ теченіи неудержимо стремятся къ Пропонтидѣ и къ Гелеспонту, такъ и мои кровавые помыслы не оглянутся назадъ въ своемъ неистовомъ стремленіи, не вернуться вспять къ кроткой любви, пока ихъ не поглотитъ полное неумолимое, лютое мщеніе! *(Падаетъ на колыни)* Да, передъ этимъ раскинувшимся надъ нашею головою лазурнымъ небомъ, съ полнымъ сознаниемъ святости клятвы, даю слово отмстить и сдержу его!

Яго. Подождите вставать *(Тоже становится на колыни)*. Будьте свидѣтелями вы, вѣчно горящія надъ нами небесныя свѣтила! и вы, со всѣхъ сторонъ давящія насъ стихіи! да, будьте свидѣтелями, что Яго всю дѣятельность своего ума, своихъ рукъ, своего сердца обрекаетъ отнынѣ на служеніе оскорбленному Отэлло! Пусть онъ приказываетъ, и какъ-бы ужасно, какъ-бы кроваво ни было его приказаніе, я исполню все и даже не буду чувствовать упрековъ совѣсти.

Отэлло. Отвѣчаю на твое предложеніе не пустыми словами благодарности, но выражу искреннюю благодарность, принимая его и тотчасъ подвергнувъ его испытанію: по истеченіи трехъ сутокъ приди мнѣ сообщить, что Кассіо уже нѣтъ въ живыхъ.

Яго. Моему другу произнесенъ смертный приговоръ, и по вашему желанію онъ будетъ приведенъ въ исполненіе... Но она? Оставьте жизнь хоть ей.

Отэлло. О, пусть на нее, распутную мерзавку, падетъ мое проклятіе! Пойдемъ, пойдемъ отсюда! Я удаляюсь затѣмъ чтобы запасть противъ этого

очаровательнаго демона средствами, способными нанести ему наискорѣйшую смерть. Теперь лейтенантъ мой ты.

Яго. Готовъ служить вамъ всегда и во всемъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входятъ Дездемона, Эмилиа и Шутъ.

Дездемона. Любезный, не можешь-ли ты мнѣ сказать, гдѣ живетъ лейтенантъ Кассіо.

Шутъ. Сказать этого я не могу, боясь соврать; но что онъ гдѣ-нибудь да проживаетъ, это я скажу безъ малѣйшей опаски, потому что это вѣрно.

Дездемона. Что это значить?

Шутъ. Очень просто; если человѣкъ живетъ, онъ гдѣ-нибудь да проживаетъ.

Дездемона. Тогда не можешь-ли ты разузнать?

Шутъ. Солдаты не любятъ, чтобы про нихъ разузнавали, а начнешь разузнавать, того и гляди узнаешь, что такое ударъ шпаги въ бокъ.

Дездемона. Это опять не отвѣтъ на мой вопросъ.

Шутъ. Я и не хочу отвѣчать, чтобы не быть передъ вами въ отвѣтѣ. Если скажу, что знаю, я солгу на свою-же голову.

Дездемона. Спроси у другихъ, гдѣ онъ живетъ и отыщи его.

Шутъ. Ко всему свѣту буду обращаться съ вопросами и по нимъ отыщу отвѣтъ.

Дездемона. Отыщи не отвѣтъ, а лейтенанта и скажи, что-бы онъ скорѣе шелъ сюда. Скажи ему еще, что я почти совсѣмъ уговорила мужа; скоро все будетъ, какъ слѣдуетъ.

Шутъ. Это не превышаетъ границъ человѣческаго ума, поэтому постараюсь исполнить (*Уходитъ*).

Дездемона. Не знаешь-ли, Эмилиа, гдѣ могла я обронить платокъ?

Эмилиа. Не знаю, синьора.

Дездемона. Повѣрь, я бы не такъ печалилась, если-бы потеряла кошелекъ, туго набитый червонцами, а не этотъ платокъ. Когда бы мой благородный мавръ не довѣрялъ мнѣ вполнѣ и, какъ люди съ менѣе высокою душою, способенъ былъ на гнусную ревность, такой оплошности съ моей стороны было-бы достаточно, чтобы уронить меня въ его глазахъ.

Эмилиа. Развѣ онъ не ревнивъ?

Дездемона. Кто? онъ? — Нисколько. Солнце его родины высушило въ немъ всю эту негодную влагу.

Эмилиа. Вотъ онъ идетъ сюда.

Дездемона. На этотъ разъ до тѣхъ поръ не отстану отъ него, пока онъ окончательно не проститъ Кассіо (*Входитъ Отэлло*). Ну, какъ ты себя чувствуешь?

Отэлло. Ничего, прекрасно (*Про себя*). О какъ тяжело притворяться! (*Громко*). Ну, а ты какъ?

Дездемона. Тоже прекрасно.

Отэлло. Дай мнѣ руку. О, какая она пухленькая и теплая.

Дездемона. Оттого, что не знала еще ни старости, ни труда.

Отэлло. Нѣтъ, такая рука признакъ плодородія и щедрости. Полна и горяча, горяча и полна. Свободу такой руки слѣдуетъ обуздывать. Имѣющей такую руку необходимо подвергать себя посту и молитвѣ, бичеванію плоти и усерднымъ колѣнопреклоненіямъ, потому что въ обладательницѣ такой руки таится молодой, пылкой и легко выходящій изъ повиновенія бѣсенокъ. Славная ручка, пухлая, теплая, щедрая...

Дездемона. Щедрая, да. Ты можешь говорить это, не боясь впасть въ ошибку. Она-то подарила тебѣ мое сердце.

Отэлло. Да, щедрая. Въ прежнія времена сердце отдавало руку, а по новѣйшей герольдикѣ остались только руки, а сердца нѣтъ, сердца нѣтъ.

Дездемона. Въ подобныхъ дѣлахъ я ровно ничего не понимаю. Ты не забылъ своего обѣщанія?

Отэлло. Какого обѣщанія, моя курочка?

Дездемона. Я дала знать Кассіо, чтобы онъ пришелъ поговорить съ тобою.

Отэлло. У меня сильный, надоѣдающій мнѣ насморкъ. Дай мнѣ, пожалуйста, платокъ.

Дездемона. Изволь, дорогой мой повелитель.

Отэлло. Это не тотъ, что я подарилъ?

Дездемона. Того при мнѣ нѣтъ.

Отэлло. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ?

Дездемона. Въ самомъ дѣлѣ, милый.

Отэлло. Очень жаль; носи его всегда при себѣ. Тотъ платокъ матери моей подарила цыганка. Цыганка эта была колдунья и умѣла читать въ человѣческихъ мысляхъ. Она сказала моей матери, что пока та будетъ сохранять у себя платокъ, очарованія ея не исчезнуть, и мой отецъ не перестанетъ ее любить. Если-же она потеряетъ платокъ или подаритъ его кому-нибудь, отецъ тотчасъ-же охладѣетъ, и любовь его перейдетъ на другую женщину. Умирая, мать передала платокъ мнѣ, говоря, чтобы я подарилъ его своей женѣ, если, по волѣ неба, мнѣ суждено когда-либо жениться. Такъ я и сдѣлалъ: храни его, береги, какъ зѣницу ока. Ты накличешь на себя непоправимую бѣду, если подаришь его кому-нибудь иди потеряешь.

Дездемона. Неужто?

Отэлло. Да, это такъ. Въ ткани платка таится волшебная сила. Колдунья, двѣсти разъ видѣвшая годичное обращеніе солнца, вышивала платокъ въ пророческомъ изступленіи. Нити для него доставляли заклѣтые шелковичные

черви, а краской для шелка послужили сердца обращенныхъ въ муміи дѣвственницъ, сохраненныя колдуньей.

Дездемона. И это въ самомъ дѣлѣ правда?

Отэлло. Совершенная правда; поэтому береги платокъ.

Дездемона. Если такъ, лучше-бы мнѣ никогда его не видать.

Отэлло. Почему? А?

Дездемона. Зачѣмъ ты говоришь такъ странно, такъ сердито?

Отэлло. У тебя его уже нѣтъ. Ты его потеряла, подарила кому-нибудь? — говори, куда ты его дѣвала?

Дездемона. Милосердное небо!

Отэлло. Отвѣчай-же!

Дездемона. Онъ не потерянь... Однако, если бы я и потеряла его?

Отэлло. Что?

Дездемона. Я говорю, онъ не потерянь.

Отэлло. Такъ принеси его сейчасъ!

Дездемона. Могла-бы принести, но теперь не хочу. Я вижу, это однѣ только уловки, чтобы отдѣлаться отъ моей просьбы. Прошу тебя, прими снова Кассіо на службу.

Отэлло. Сейчасъ-же принеси платокъ!.. Мнѣ начинаетъ сдаваться...

Дездемона. Полно, полно! Лучшаго лейтенанта, какъ Кассіо, тебѣ не найти.

Отэлло. Платокъ!

Дездемона. Прошу тебя, поговоримъ о Кассіо

Отэлло. Платокъ!

Дездемона. Подумай, все счастье этого человѣка зависитъ отъ твоего расположенія; онъ дѣлилъ съ тобой опасности...

Отэлло. Платокъ!

Дездемона. Право, ты заслуживаешь порицанія.

Отэлло. Прочь! (*Уходитъ*).

Эмилія. И вы говорите, что онъ не ревнивъ?

Дездемона. Я никогда не видала его такимъ. Должно-быть, въ платкѣ дѣйствительно была волшебная сила; какое несчастье, что я его потеряла.

Эмилія. Мы какъ слѣдуетъ узнаемъ человѣка не въ годъ, и не въ два. Всѣ мужчины только желудки, а мы ихъ пища. Они пожираютъ насъ жадно, пока голодны, а насытились, — у нихъ тотчасъ-же является отрыжка. Смотрите, сюда идетъ Кассіо, а съ нимъ мой мужъ.

Входятъ Кассіо и Яго.

Яго. Говорю вамъ, что другого средства нѣтъ. Если и можно чего-нибудь добиться, то исключительно черезъ нее, Смотрите, какая счастливая случайность. Она здѣсь; приставайте къ ней хорошенько.

Дездемона. Что скажете новаго, Кассіо?

Кассіо. Обращаюсь къ вамъ съ прежнею просьбою, синьора, и умоляю васъ помочь мнѣ своимъ вліяніемъ занять прежнее мѣсто въ сердцѣ человѣка, котораго я люблю и уважаю всею душою, и тѣмъ вернуть меня снова къ жизни. Очень-бы не хотѣлось откладывать далѣе рѣшеніе моей судьбы. Если мой проступокъ достоинъ такой смертельной кары, что его не могутъ загладить ни прежнія мои заслуги, ни настоящее мое горе, ни услуги, которыя я могу оказать еще, для меня будетъ большимъ облегченіемъ, если я узнаю это теперь-же. Тогда мнѣ придется покориться водѣ судьбы и вымаливать ея милостей на какомъ-нибудь другомъ поприщѣ.

Дездемона. Увы, трижды честный Кассіо, въ данную минуту мое заступничество совершенно безсильно. Мужъ сталъ какъ-будто совсѣмъ не самимъ собою. Я даже перестала бы узнавать его, еслибы его наружность измѣнилась такъ же сильно, какъ расположеніе его духа. Желала бы я, чтобы силы небесныя заступались за меня такъ же усердно, какъ я заступилась за васъ. Свободной рѣчью своею я даже вызвала гнѣвъ мужа и получила тяжелую обиду... Надо будетъ вамъ потерпѣть еще нѣсколько времени. Для васъ я готова сдѣлать; болѣе, чѣмъ рѣшилась бы сдѣлать для себя. Будьте пока довольны и этимъ.

Яго. Развѣ главнокомандующій выразилъ неудовольствіе?

Эмилиа. Онъ только-что ушелъ отсюда и, какъ мнѣ показалось, въ страшномъ раздраженіи.

Яго. Развѣ онъ способенъ выходить изъ себя? Я видѣлъ самъ, какъ пушки опустошали ряды его солдатъ, какъ, словно чортъ, пушечное ядро рядомъ съ нимъ разорвало на части родного его брата, а онъ не потерялъ хладнокровія. Если онъ разсердился теперь, значить, причиною тому, вѣроятно было что-нибудь очень важное. Сейчасъ пойду и узнаю, въ чемъ дѣло.

Дездемона. Прошу васъ, Яго, ступайте (*Яго уходитъ*). Вѣроятно, какое-нибудь дѣйствительно важное государственное дѣло. Виноваты во всемъ или непріятныя извѣстія изъ Венеціи, или какой-нибудь только что открытый заговоръ, смутившіе его ясный умъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, люди, занятые важными дѣлами, обыкновенно придираются къ мелочамъ. Да, всегда такъ: если заболитъ палець, боль отражается и во всѣхъ остальныхъ частяхъ тѣла. Къ тому же вспомнимъ еще, что люди — не боги, и нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они всегда обходились съ нами такъ же ласково, какъ въ первый день послѣ свадьбы. Пожури меня хорошенько, Эмилиа. Я была несправедлива къ мужу, нелѣпо объяснивъ его раздраженіе противъ меня. Теперь я понимаю, что была неправа и только напрасно его обвиняла.

Эмилиа. Дай Богъ, чтобы во всемъ виноваты были одни непріятныя извѣстія изъ Венеціи, а не подозрѣніе, не ревность.

Дездемона. Боже мой! Развѣ я когда-нибудь подавала ему поводъ меня ревновать?

Эмилиа. Ревнивыя души совсѣмъ не нуждаются въ какихъ бы то ни было поводахъ. Онъ ревнуетъ не потому, что имѣютъ для этого основаніе, а просто

потому, что ревнивы сами по себѣ. Это чудовище нарождается само отъ себя. и питается самимъ собою.

Дездемона. О, да охраняють небеса моего мужа отъ такого чудовища!

Эмилиа. Аминь, синьора.

Дездемона. Пойду къ мужу. Вы же, Кассіо, будьте здѣсь гдѣ-нибудь поблизости. Если окажется, что онъ расположенъ меня слушать, я снова заговорю о васъ; словомъ, сдѣлаю то, что отъ меня зависить.

Кассіо. Глубоко благодаренъ вамъ, синьора (*Дездемона и Эмилиа уходятъ. Появляется Біанка*).

Біанка. Да хранить тебя Богъ, Кассіо!

Кассіо. Что вызвало тебя изъ дому, прелестнѣйшая Біанка? Какъ поживаешь? Клянусь чѣмъ угодно, милая, что я шель къ тебѣ.

Біанка. А я, Кассіо, какъ видишь, направляюсь къ тебѣ ни квартиру. Что это значить? Вотъ уже семь дней и семь ночей, какъ ты глазъ не кажешь, а это выходитъ, что я не видѣла тебя два десятка часовъ, взятыхъ восемь разъ, съ прибавленіемъ еще восьми. Если же принять во вниманіе, что въ отсутствіе любовника часы идутъ вдвое медленнѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ даже и не сочтешь, сколько времени я тебя не видала.

Кассіо. Прости меня, Біанка. Меня все это время угнетали очень тяжелыя мысли, но я вознагражу тебя за эти сто шестьдесятъ восемь часовъ отсутствія, въ болѣе свободное время (*Показываетъ ей платокъ Дездемоны*). Милая Біанка, не можешь ли ты вышить мнѣ такой же?

Біанка. Откуда взялъ ты его, Кассіо? Должно быть, подарокъ какой-нибудь новой пріятельницы? Теперь мнѣ ясна причина твоего продолжительнаго отсутствія, истомившаго меня окончательно... Вотъ, до чего дошло! Хорошо, хорошо!

Кассіо. Полно, Біанка! Брось свои пустыя подозрѣнія въ зубы внушившему ихъ тебѣ дьяволу. Ты уже начинаешь ревновать при одной мысли, будто платокъ мнѣ подарила какая-нибудь любовница. Повѣрь моему честному слову, ничего подобнаго нѣтъ.

Біанка. Откуда же онъ у тебя?

Кассіо. И самъ не знаю; я нашелъ его у себя на полу. Мнѣ очень понравилась работа, поэтому прежде, чѣмъ стануть его требовать назадъ, — а я предполагаю, что такъ непремѣнно будетъ, — мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты вышла для меня такой же. Возьми его, сними узоръ, а теперь оставь меня здѣсь одного.

Біанка. Одного? — это зачѣмъ?

Кассіо. Я ожидаю сюда главнокомандующаго, и будетъ не совсѣмъ прилично, если онъ застанетъ меня въ женскомъ обществѣ.

Біанка. А почему неприлично?

Кассіо. Не подумай, будто я разлюбилъ тебя.

Біанка. Нѣтъ, именно думаю, что разлюбилъ. Сдѣлай одолженіе, проводи меня немного и скажи, рано-ли ты придешь ко мнѣ сегодня вечеромъ.

Кассіо. Проводить тебя далеко я не могу; я долженъ ожидать генерала здѣсь, но приду къ тебѣ очень скоро.

Біанка. Нечего дѣлать, поневолѣ приходится покоряться силѣ обстоятельствъ (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ замкомъ.

Входятъ Отэлло и Яго.

Яго. И вы въ самомъ дѣлѣ такого мнѣнія?

Отэлло. Въ самомъ дѣлѣ, Яго.

Яго. Что-же за бѣда поцѣловаться тайкомъ?

Отэлло. Такой поцѣлуй — беззаконіе.

Яго. Или совершенно раздѣтою полежать на постели съ другимъ часъ, или болѣе, разумѣется, не помышляя ни о чемъ дурномъ?

Отэлло. Лежать на постели съ другимъ, да еще раздѣтой, и не помышлять ни о чемъ дурномъ, значило-бы лицемѣрить передъ самимъ дьяволомъ. Тѣ, кто, имѣя честныя намѣренія, поступаетъ дурно, подвергая себя искушеніямъ дьявола, а они сами вводятъ въ искушеніе небо.

Яго. Если они только лежатъ тамъ, но ничего дурного не дѣлаютъ, грѣхъ это еще не Богъ знаетъ какой. Но, синьоръ, если я подарилъ женѣ платокъ...

Отэлло. Ну, что тогда?

Яго. Тогда онъ уже ея собственностью, а своего собственностью она можетъ распоряжаться какъ угодно, дарить ее кому знаетъ.

Отэлло. Честь тоже ея собственностью. Что-же, по-твоему, она можетъ и ею распоряжаться, какъ хочетъ?

Яго. Честь вещь незримое; многія щеголяютъ ею, хотя совсѣмъ ея не имѣютъ. Что-же касается платка...

Отэлло. Само небо видитъ, какъ былъ-бы я радъ забыть объ этомъ платкѣ, но что-же мнѣ дѣлать, если онъ постоянно носится въ моей памяти, словно воронъ надъ зачумленнымъ домомъ, дурное предзнаменованіе — итакъ, ты говоришь что платокъ у него?

Яго. Что-же изъ этого?

Отэлло. Хорошаго, какъ мнѣ кажется, весьма мало.

Яго. Что-же сказали-бы вы, если-бы узнали, что я или видѣлъ самъ или слышалъ, какъ они позорили вашу честь? Есть такіе негодяи, которые, едва успѣвъ добиться отъ добровольно покорившейся имъ любовницы того, чего имъ хотѣлось, и добившись этого при помощи своей-ли настойчивости или при помощи слабости самой женщины, тотчасъ начинаютъ болтать...

Отэлло. Развѣ онъ что-нибудь говорилъ?

Яго. Говорилъ, но разумѣется такъ, что ни къ чему придраться нельзя, и отъ чего онъ не могъ-бы отречься подъ присягой.

Отэлло. Что-же именно?

Яго. Говорилъ, будто у него... право, не знаю какъ сказать...

Отэлло. Что? что такое?

Яго. Что онъ лежалъ...

Отэлло. Съ нею?

Яго. Съ нею иди у ней, какъ вамъ будетъ угодно.

Отэлло. Съ нею, у ней! «Съ нею», имѣеть одно значеніе, «у ней», другое. О, омерзенеіе!.. Платокъ — признаніе; платокъ — доказательство! Выслушать-бы полное признаніе, а затѣмъ удавить его за трудъ тѣмъ-же платкомъ... Нѣтъ, прежде удавить, а потомъ пусть признается... Я весь дрожу... Природа человѣка не могла-бы безъ самыхъ вѣскихъ причинъ дойти до такого туманящаго разсудокъ бѣшенства... Меня трясеть всего не отъ однихъ словъ... Тьфу!.. Носъ, уши, губы... Неужто это возможно?.. Онъ признался!.. Платокъ!.. О, дьяволъ! *(Падаеть и бѣется въ судорогахъ)*.

Яго. Дѣйствуй, мое снадобье, дѣйствуй! Вотъ такъ-то опутываютъ сѣтями легковѣрныхъ дураковъ; такъ-то многія, ни въ чемъ не виноватыя и вполнѣ честныя женщины попадаютъ въ бѣду. Что съ вами, синьоръ... Отвѣтите хотя слово, Отэлло! Синьоръ! *(Входитъ Кассіо)*. Зачѣмъ пришли вы, Кассіо?

Кассіо. Что здѣсь такое?

Яго. Съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей болѣзни; это уже второй, — первый былъ вчера.

Кассіо. Потрите ему виски.

Яго. Сохрани Богъ! Нужно, чтобы припадокъ прошелъ самъ собою. Бѣда, если потревожить больного. Сейчасъ-же изо рта хлынетъ пѣна, и онъ дойдетъ до изступленнаго бѣшенства. Смотрите, онъ начинаетъ успокоиваться. Уйдите пока отсюда; онъ скоро придетъ въ себя. Когда онъ уйдетъ, мнѣ необходимо будетъ поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ *(Кассіо уходитъ)*. Какъ вы себя чувствуете, генераль? Головы не ушибли?

Отэлло. Ты, кажется, насмѣхаешься надо мною?

Яго. Я-то насмѣхаюсь надъ вами?! Нѣтъ, клянусь небесами, у меня и въ мысляхъ не было ничего подобнаго! Мнѣ только-бы хотѣлось, что-бы вы свою бѣду переносили твердо, какъ подобаетъ мужу.

Отэлло. Мужу рогатому, чудовищу, скоту!

Яго. Если такъ, въ каждомъ многолюдномъ городѣ найдется много такихъ рогатыхъ скотовъ и весьма обходительныхъ чудовищъ.

Отэлло. Такъ онъ признался?

Яго. Добрѣйшій синьоръ, будьте мужчиной. Помните, что cadaго бородатаго человѣка, впряженнаго въ ярмо брака, можетъ постигнуть такая-же участь. Цѣлые милліоны теперь живущихъ людей, каждую ночь спящихъ на оскверненной постели, находятся въ полномъ убѣжденіи, что каждый изъ нихъ — единственный владѣлецъ этой постели. Ваша положеніе въ сравненіи

съ другими еще сносное. Подумайте, каково положеніе человѣка, обнимающаго разнузданную тварь и воображающаго, будто онъ обнимаетъ цѣломудренную женщину? Есть-ли у ада шутка злѣе, у дьявола, — насмѣшка язвительнѣе этой? Нѣтъ, лучше знать все; зная, въ какомъ я нахожусь положеніи, я буду знать, какъ мнѣ поступать.

Отэлло. Это вѣрно; ты вполне правъ.

Яго. Отойдите немного въ сторону и постарайтесь удерживаться въ границахъ терпѣнія. Когда отъ гнетущаго васъ горя съ вами сдѣлался припадокъ, — а подобное малодушіе совершенно недостойно такого человѣка, какъ вы, — сюда приходилъ Кассіо. Не зная, чѣмъ сколько-нибудь уважительнымъ объяснить вашъ припадокъ, я попросилъ Кассіо удалиться, а затѣмъ придти сюда опять, такъ-какъ мнѣ будто-бы необходимо съ нимъ переговорить. Придти онъ обѣщаль. Спрячьтесь и наблюдайте, зорко слѣдя за каждымъ движеніемъ его лица, за каждою насмѣшливою гримасою, за каждымъ выраженіемъ презрѣнія, которыя поочередно станутъ проявляться въ его чертахъ, такъ-какъ я заставлю его повторить весь рассказъ, заставлю его признаться, какъ, сколько разъ, съ которыхъ поръ и когда онъ тайно сходилъ и сходится съ вашею женою, когда предполагаетъ сойтись опять?.. Говорю вамъ, обращайте только вниманіе на выраженіе его лица, на его движенія, но главное — терпѣніе и терпѣніе; иначе я приду къ заключенію, что вы не взрослый и разумный мужчина, а полупомѣшанный ребенокъ.

Отэлло. Слушай, Яго! Я изумлю тебя своимъ непомѣрнымъ терпѣніемъ, но, такъ-же, — слышишь, — и своею непомѣрною кровожадностью.

Яго. Бѣды въ этомъ нѣтъ; лишь-бы все было въ свое время. Удалитесь-же (*Отелло прячется*). Теперь я стану спрашивать Кассіо про Біанку, ничтожную тварь, продажею ласкъ добывающую себѣ наряды и пропитаніе. Она безъ памяти влюблена въ Кассіо, и такова уже кара, лежащая на всѣхъ подобныхъ ей, что онѣ удовлетворяютъ многихъ, но сами удовлетворяются только однимъ. Онъ-же, каждый разъ, какъ только рѣчь зайдетъ о ней, не можетъ воздержаться отъ хохота... Вотъ онъ идетъ. Когда онъ засмѣется, Отэлло выйдетъ изъ себя отъ злости. Его ничего не понимающая ревность станетъ истолковывать презрительныя мины, улыбки и легкое обращеніе Кассіо совсѣмъ въ превратномъ смыслѣ (*Входитъ Кассіо*). Ну, что хорошаго скажете, лейтенантъ?

Кассіо. Хуже всего то, что вы продолжаете называть меня лейтенантомъ, когда я уже утратилъ право на такое почетное званіе. Послѣднее просто убиваетъ меня.

Яго. Продолжайте приставать къ Дездемонѣ, и она все уладитъ (*Тише*). Вотъ, если-бы это дѣло зависѣло отъ Біанки, она мигомъ уладила-бы все.

Кассіо. Жалкая она шельма (*Смѣется*).

Отэлло (*Про себя*). Онъ уже смѣется.

Яго. Никогда не видывалъ, чтобы женщины были когда-либо влюблены такъ страстно, какъ она въ васъ.

Кассіо. Да, она, бѣдняжка, кажется, любитъ меня въ самомъ дѣлѣ.

Отэлло (*Про себя*). Онъ подтверждаетъ и опять со смѣхомъ.

Яго. Слушайте, Кассіо (*Говоритъ ему на ухо*).

Отэлло (*Про себя*). Яго старается выпытать отъ него полное признаніе.
Продолжай! Хорошо, хорошо!

Яго. Она намекаетъ, будто вы хотите на ней жениться. Есть у васъ такое намѣреніе?

Кассіо. Ха, ха, ха!

Отэлло (*Про себя*). Ты торжествуешь, римлянинъ, вполнѣ торжествуешь надо мною!

Кассіо. Мнѣ жениться на ней, на непотребной женщинѣ? Прошу васъ, не будьте такого дурного мнѣнія о моемъ разсудкѣ, не думайте, будто я не въ своемъ умѣ. Ха, ха, ха!

Отэлло (*Про себя*). Такъ, такъ, такъ! Торжествующіе всегда смѣются!

Яго. Право, ходятъ слухи, будто вы на ней женитесь.

Кассіо. Ради Бога, переставьте шутить.

Яго. Будь я негодяй, если шучу.

Отэлло (*Про себя*). Вы сочли мои дни? Хорошо!

Кассіо. Она, обезьяна, сама распускаетъ эти слухи. Мысль, будто я на ней женюсь — плодъ ея любви и воображенія; я никогда не обѣщаль ей ничего подобнаго.

Отэлло (*Про себя*). Яго киваетъ мнѣ; значитъ, тотъ начинаетъ разсказъ.

Кассіо. Она всюду преслѣдуетъ меня какъ тѣнь, и только-что была здѣсь. Какъ-то на дняхъ я на морскомъ берегу разговариваль съ нѣсколькими венеціанцами; вдругъ вбѣгаетъ эта сумасшедшая и бросается ко мнѣ на шею...

Отэлло (*Про себя*). Съ крикомъ: — «Безцѣнный Кассіо!» — это можно понять по его жестамъ.

Кассіо. Да»такъ и повисла на шеѣ, цѣлуетъ меня, плачетъ, тербитъ, тащитъ за собою!.. Ха, ха, ха!

Отэлло. Теперь онъ разсказываетъ, какъ она затащила его ко мнѣ въ спальню. О, носъ твой я вижу, но не вижу той собаки, которой его брошу.

Кассіо. Нѣтъ, довольно! Надо порвать съ нею.

Яго. При мнѣ?.. Да вотъ кстати и она.

Кассіо. Она настоящая ласка, только надушенная (*Входитъ Біанка*). Скажи, что ты такъ гоняешься за мною?

Біанка. Пусть за тобою гоняются дьяволъ и его мать! Чего хотѣлъ ты отъ меня, когда всучилъ мнѣ давеча этотъ платокъ?.. И была-же дурой, и какою еще дурой, когда взяла его! Ты просилъ, чтобы я вышила тебѣ еще точно такой-же? Помнится, что такъ... Какъ правдоподобно, что ты нашель его у себя въ комнатѣ и даже не знаешь, кто тамъ его забылъ! Тебѣ его подарила какая-нибудь дѣвченка, а ты воображаешь, будто я стану тебѣ вышивать еще такой-же другой?.. Отдай его назадъ своей деревянной коняшкѣ!.. Какое мнѣ дѣло, откуда онъ у тебя... Горевать объ этомъ не стану.

Кассіо. Полно, полно, милая Біанка!..

Отэлло (*Про себя*). Клянусь небомъ, это мой платокъ!

Біанка. Если захочешь придти ко мнѣ сегодня вечеромъ поужинать, приходи, а если не сегодня, то когда почувствуешь расположеніе (*Уходитъ*).

Яго. Ступайте за нею, ступайте.

Кассіо. Надо будетъ пойти, иначе она станетъ ругаться на улицахъ.

Яго. И останетесь у нея ужинать?

Кассіо. У меня есть это намѣреніе.

Яго. Хорошо. Можетъ-быть, приду и я; мнѣ хочется еще поговорить съ вами.

Кассіо. Ахъ, приходите въ самомъ дѣлѣ! Придете?

Яго. Уходите, довольно! (*Кассіо уходитъ; Отэлло выступаетъ впередъ*).

Отэлло. Яго, какую смерть придумать мнѣ для него?

Яго. Замѣтили вы, какъ онъ хохоталъ, хвалясь своею порочностью.

Отэлло. Да, Яго!.. О!..

Яго. А замѣтили вы платокъ?

Отэлло. Мой онъ былъ?

Яго. Вотъ этою рукою клянусь, что вашъ. А съ какимъ презрѣніемъ онъ относится къ глупенькой женщинѣ, то-есть, къ вашей женѣ! Она подарила ему платокъ, а онъ отдалъ его своей негодяйкѣ.

Отэлло. О, мнѣ хотѣлось-бы убивать его цѣлыхъ девять лѣтъ подрядъ! Славная женщина! Красивая женщина! Сладчайшая женщина!

Яго. Лучше всего скорѣе о ней забыть.

Отэлло. Да, пусть, начиная съ нынѣшней-же ночи, она сгинетъ, сгинетъ и будетъ проклята. Жить ей не суждено! Нѣтъ. У меня въ груди сердце обратилось въ камень; я стучу по немъ и чувствую въ рукѣ боль!.. О, есть-ли на свѣтѣ другое такое-же прелестное созданіе? Она могла-бы лежать рядомъ съ властителемъ вселенной и помыкать имъ какъ ей угодно!

Яго. Вамъ-то, развѣ, отъ этого легче?

Отэлло. Э, петлю ей на шею! Я только говорю, что она такое... Какъ она ловко владѣетъ иглою, какая превосходная музыкантша! Отъ ея пѣнія смягчилась-бы лютость даже въ медвѣдѣ. Потомъ, сколько въ ней ума, и какъ изобрѣтателенъ этотъ умъ!

Яго. Отъ этого она становятся еще преступнѣе.

Отэлло. О, да, въ тысячу разъ, еще въ тысячу разъ преступнѣе! Потомъ, какое у нея милое, ласковое обращеніе!

Яго. Слишкомъ ласковое.

Отэлло. Оно, конечно, такъ... Но какъ жаль, какъ безумно жаль! Да, Яго, безумно, безумно жаль!

Яго. Если вы такъ мягкосердечно относитесь къ ея измѣнѣ, дайте ей полное разрѣшеніе грѣшить еще хуже. Если васъ самихъ отъ этого не коробитъ, то ужъ другимъ-то до этого нѣтъ ровно никакого дѣла.

Отэлло. Я изрублю ее въ куски! Сдѣлать рогоносцемъ меня!

Яго. Не похвально.

Отэлло. Измѣнить мнѣ для моего-же подчиненнаго.

Яго. Это еще того непохвальнѣе.

Отэлло. Добудь мнѣ яду, Яго; къ нынѣшней-же ночи добудь! Я не хочу съ ней объясняться; боюсь, какъ-бы ея красота, ея чудное тѣло снова не обезоружили моего гнѣва. Слышишь, приготовь къ сегодняшней-же ночи.

Яго. Зачѣмъ ядъ? Гораздо проще задушить ее на постели, на той самой постели, которую она осквернила.

Отэлло. Очень хорошо! Такая расправа мнѣ по вкусу.

Яго. Что-же касается Кассіо, расправу съ нимъ я беру на себя. Въ полночь вы объ этомъ кое-что услышите *(За сценой трубы)*.

Отэлло. Превосходно!.. Что это за трубы?

Яго. Вѣроятно, извѣстія изъ Венеціи. А, это Лодовико съ порученіемъ отъ дожа; смотрите, онъ идетъ сюда, а съ нимъ и ваша жена.

Входятъ Лодовико, Дездемона и свита.

Лодовико. Милость небесъ да будетъ надъ вами, доблестный генераль.

Отэлло. Добро пожаловать. Говорю вамъ это ото всего сердца.

Лодовико. Дождь и сенаторы Венеціи шлютъ вамъ свой привѣтъ *(Передаетъ мавру свитокъ)*.

Отэлло. Почтительно цѣлую орудіе ихъ воли *(Вскрываетъ свитокъ и читаетъ)*.

Дездемона. Что новаго, любезный кузень Лодовико?

Яго. Очень радъ видѣть васъ, синьоръ... Примите нашъ привѣтъ на почвѣ Кипра.

Лодовико. Благодарю. Какъ поживаетъ лейтенантъ Кассіо?

Яго. Ничего, живъ еще.

Дездемона. Но между имъ и моимъ мужемъ вышла непріятность... Постарайся ихъ помирить.

Отэлло. Едва-ли это возможно.

Дездемона. Что вы сказали, синьоръ?

Отэлло *(Читаетъ)*. «Не преминете исполнить это, какъ только»...

Лодовико. Его слова относились не къ тебѣ... Онъ углубленъ въ чтеніе полученнаго предписанія... И такъ между твоимъ мужемъ и Кассіо вышло несогласіе?

Дездемона. И очень прискорбное. Я такъ люблю Кассіо, что готова сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы примирить съ нимъ мужа.

Отэлло. Громъ и молнія!

Дездемона. Синьоръ?

Отэддо. Въ своемъ-ли ты умѣ?

Дездемона. За что онъ сердится?

Лодовико. Можетъ быть, его раздражаетъ содержаніе посланія. Насколько мнѣ извѣстно, твоего мужа снова отзываютъ въ Венецію, а управление островомъ приказываютъ передать Кассіо.

Дездемона. О, какъ я рада.

Отэлло. Въ самомъ дѣлѣ, рада?

Дездемоя. Отъ всей души.

Отэлло. А я радъ видѣть, что ты не въ своемъ умѣ.

Дездемона. Что съ тобою, мой другъ?

Отэлло. Дьяволъ! (*Ударяетъ ее*).

Дездемона. Чѣмъ я это заслужила?

Лодовико. Синьоръ, въ Венеціи этому никто-бы не повѣрилъ, если-бы я даже подъ присягой показывалъ, что былъ этому очевидцемъ. Это уже слишкомъ. Просите у нея прощенія. Смотрите, она плачетъ.

Отэлло. О дьяволъ! Дьяволъ! Если-бы земля могла забеременить отъ женскихъ слезъ, изъ каждой слезы этой твари родился-бы крокодилъ. Прочь съ моихъ глазъ!

Дездемона. Ухожу, чтобы не гнѣвить васъ еще болѣе (*Идетъ*).

Лодовико. Какая она уступчивая. Умоляю, воротите ее.

Отэлло. Синьора!

Дездемона. Что угодно моему повелителю?

Отэлло. Что вамъ отъ нея угодно, синьоръ?

Лодовико. Мнѣ отъ нея, синьоръ?

Отэлло. Да вамъ. Не вы-ли желали, чтобы я вернулъ ее? Пусть ее себѣ возвращается, вертится, выворачивается, извращается, мнѣ-то какое дѣло? Пусть себѣ ходитъ передомъ, задомъ, бокомъ, вертится какъ ей угодно. Синьоръ, пусть она плачетъ, плачетъ сколько захочетъ!.. Она, какъ вы говорите, уступчива, очень уступчива, уступчива даже до излишества! — ну, такъ пусть продолжаетъ плакать. Что-же касается другого, синьоръ, — о, какъ она рисуется своимъ горемъ, ловко притворяется огорченной! — меня отзываютъ въ Венецію... Что-же ты нейдешь? Вонъ! Я скоро прійду къ тебѣ самъ... Я, синьоръ, послѣдую приказанію сената и скоро вернусь въ Венецію. Что-же нейдешь? Сказано — вонъ! (*Дездемона уходитъ*). Мѣсто мое займетъ Кассіо, но сегодня, умоляю васъ, синьоръ, отужинать вечеромъ у меня. Вы для меня всегда желанный гость... на Кипрѣ. О, козлы и обезьяны! (*Уходитъ*).

Лодовико. И это говоритъ тотъ самый мавръ, котораго нашъ сенатъ считаетъ верхомъ совершенства? Это тотъ человѣкъ, на котораго страсти будто-бы не могли оказывать никакого вліянія, чьи высокія доблести защищены отъ всякихъ ранъ, отъ стрѣлъ судьбы и отъ всякихъ ударовъ случая!

Яго. Онъ очень измѣнился.

Лодовико. Въ порядкѣ-ли у него голова? Не помѣшался-ли онъ немного?

Яго. Онъ есть то, что вы видите; не мнѣ о немъ судить. Мнѣ только остается скорбѣть, если онъ теперъ не то, чѣмъ-бы могъ быть.

Лодовико. Какъ можно бить жену?

Яго. Конечно, это не особенно хорошо... Я боюсь, какъ-бы за этимъ ударомъ не послѣдовало другихъ, болѣе тяжелыхъ.

Лодовико. Развѣ это вошло у него въ обыкновеніе? Или, можетъ быть, полученное предписаніе возмутило его и заставило такъ непростительно забытья?

Яго. Увы, увы! Неприлично было-бы передавать другимъ все, что я видѣлъ и въ чемъ убѣдился. Его поступки настолько ясно покажутъ, въ чемъ дѣло, что избавятъ меня отъ необходимости говорить. Наблюдайте за нимъ, и вы увидите, какъ онъ поступаетъ.

Лодовико. Мнѣ глубоко жаль, что я такъ сильно въ немъ ошибался (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ Отелло и Эмилія.

Отэлло. И ты никогда ничего не видала?

Эмилія. И не слыхала, и не подозрѣвала.

Отэлло. Но ты видала, что она и Кассіо бывали вмѣстѣ?

Эмилія. Въ этихъ встрѣчахъ никогда ничего предосудительнаго не было; я постоянно слышала каждое произносимое ими слово.

Отэлло. Никогда они не перешептывались?

Эмилія. Никогда, синьоръ.

Отэлло. Никогда не отсылали они тебя зачѣмъ-нибудь?

Эмилія. Ни разу.

Отэддо. Напримѣръ, за вѣромъ, за перчатками, за маской или за чѣмъ-нибудь такимъ?

Эмилія. Ни разу, синьоръ.

Отэлло. Странно.

Эмилія. Синьоръ, я собственной душою готова ручаться, что она честна и непорочна. Если вы думаете иначе, выкиньте эту мысль изъ головы; она заставляетъ заблуждаться ваше сердце. Если какой-нибудь негодяй внушилъ вамъ недовѣріе къ синьорѣ, пусть его постигнетъ такая-же кара, какая выпала на долю змія. Если даже она недостаточно честна, цѣломудренна и вѣрна вамъ, на свѣтѣ нѣтъ ни одного счастливаго мужа. Рядомъ съ нею самая чистая женщина черна, какъ клевета.

Отэлло. Прикажи ей прійти сюда (*Эмилія уходитъ*). За словомъ она въ карманъ не лѣзетъ, но надо быть крайне неопытною сводней, чтобы не сдумѣть наговорить того, что наговорила она. Сама эта тонкая развращенная тварь представляетъ изъ себя запертое на ключъ хранилище всякихъ гнусныхъ тайнъ, а между тѣмъ она становится на колѣни и молится; я самъ видалъ это не разъ.

Эмилія возвращается съ Дездемоной.

Дездемона. Что угодно моему повелителю?

Отэлло. Подойди ко мнѣ, моя голубушка.

Дездемона. Что вамъ угодно?

Отэлло. Дай мнѣ взглянуть тебѣ въ глаза. Смотри на меня прямо.

Дездемона. Что за страшная прихоть!

Отэлло. А ты ступай по своимъ дѣламъ! Желающихъ увеличить народонаселеніе оставь наединѣ и затвори за собою дверь. Если-бы кому-нибудь вздумалось войти, начни кашлять или проговори: гмъ, гмъ. Принимайся за свое ремесло сторожа, а теперѣ уходи отсюда поскорѣе (*Эмилія уходитъ*).

Дездемона (*Падая на колѣни*). На колѣняхъ молю тебя, объясни свои слова! Я по твоему голосу понимаю, что ты страшно раздраженъ, но самыхъ словъ не понимаю.

Отэлло. Говори, что ты такое?

Дездемона. Твоя жена, мой властелинъ; вѣрная и честная твоя жена.

Отэлло. Покажись, что ты честна и вѣрна, загуби тѣмъ свою душу! Не то, принявъ тебя за жительницу небесъ, демоны, пожалуй, побоятся схватить тебя. Такъ будь-же проклятой вдвойнѣ. Клянись, что ты честна.

Дездемона. Вѣрно, небо и видитъ это, и знаетъ.

Отэлло. Небо видитъ и знаетъ, что ты такъ-же лжива, какъ самъ адъ.

Дездемона. Передъ кѣмъ же, синьоръ, передъ кѣмъ?

Отэлло. Ахъ, Дездемона, прочь, прочь отъ меня! Прочь!

Дездемона. О, какой мучительный день! О чемъ ты плачешь? Властелинъ мой, неужто я виновница твоихъ слезъ? Если ты подозрѣваешь, что тебя отзываютъ отсюда по проискамъ моего отца, я-то въ этомъ нисколько не виновата. Если ты утратилъ его привязанность, то и я ее потеряла.

Отэлло. Если-бы небо, желая испытать меня при помощи несчастій, послало на мою непокрытую голову цѣлый ливень всякихъ страданій и униженій, если-бы оно по самымъ губы погрузило меня въ нищету или отдало въ неволю какъ меня самого, такъ и послѣднія мои надежды, я въ какомъ-нибудь уголкѣ души отыскалъ-бы хоть каплю терпѣнія и покорности судьбѣ. Но допускать, чтобы я служилъ мишенью для позора, который постоянно указывалъ-бы на меня своимъ медленно движущимся пальцемъ, я не могу!.. Или нѣтъ, могъ-бы, даже очень-бы могъ, если-бы у меня не отняли того хранилища, куда я собралъ всѣ драгоцѣнности своего сердца, которыми я непремѣнно долженъ владѣть и безъ которыхъ немислима сама жизнь; если бы не лишили меня того источника, изъ котораго черпало свое начало самое существованіе мое и безъ струй котораго оно должно изсохнуть. О, быть лишеннымъ всего этого или сохранить все это въ видѣ загрязненнаго и пересохшаго водоема, гдѣ только кишать и размножаются отвратительныя

жабы! О, при одной такой мысли краска сбѣгаетъ съ лица терпѣнія, и этотъ херувимъ съ розовыми губами становится мрачнѣе самого ада.

Дездемона. Надѣюсь, что мой повелитель не пересталъ вѣрить въ мою непорочность?

Отэлло. Разумѣется, вѣрю въ нее столько-же, какъ въ непорочность лѣтнихъ мухъ, которыя, едва народившись въ мясныхъ лавкахъ, принимаютъ тотчасъ-же класть яички. О, ты, чудно красивый цвѣтокъ, издающій такое сладкое благоуханіе, какъ было-бы хорошо, если-бы ты никогда не родилась на свѣтѣ.

Дездемона. Какое-же прегрѣшеніе совершила я, сама того не зная?

Отэлло. О, неужто снѣжно бѣлыя страницы этой прелестной тетради для того были созданы, чтобы на нихъ заносились разныя мерзости? Въ чемъ ты грѣшна? Въ чемъ грѣшна?.. Ахъ, распутная тварь, мои щеки обратились-бы въ горнь и стыдъ обратился-бы въ пепель, если-бы я назвалъ по имени твои дѣянія. Отъ этихъ дѣяній небо затыкаетъ носъ, а луна застилаетъ свой свѣтлый ликъ. Любострастный вѣтеръ, цѣлующій все, что ему попадаетъ на пути, убѣгаетъ въ самыя глубокія нѣдра земли, что-бы только не слышать о гнусныхъ твоихъ прегрѣшеніяхъ. Еще спрашиваешь, въ чемъ ты виновата, безстыдная тварь!

Дездемона. Само небо видитъ, что ты меня жестоко оскорбляешь.

Отэлло. А развѣ ты не распутная?

Дездемона. Нѣтъ, не будь я христіанкой, если я говорю неправду! если охранять себя чистой отъ всякихъ незаконныхъ связей не называется быть распутной, то я не распутная!

Отэлло. Ты не распутная?

Дездемона. О, нѣтъ! Клянусь въ этомъ спасеніемъ своей души!

Отэлло. Не можетъ быть.

Дездемона. О, небо, прости ему его обиды.

Отэлло. Если такъ, я долженъ просить прощенія. Я принялъ тебя за публичную венеціанскую женщину, вышедшую замужъ за Отэлло... Эй, ты, синьора, исполняющая должность, противоположную обязанностямъ Св. Петра и охраняющая ворота ада, эй, иди скорѣй сюда! (*Входитъ Эмилія*). Мы кончили; вотъ тебѣ деньги за трудъ. Сдѣлай одолженіе, запри за мною дверь и никому ни полслова (*Уходитъ*).

Эмилія. Боже мой, что могло придти ему въ голову? Какъ чувствуете вы себя, добрѣйшая синьора?

Дездемона. Право, я какъ-бы въ полуснѣ.

Эмилія. Что такое съ синьоромъ?

Дездемона. Съ какимъ?

Эмилія. Съ моимъ синьоромъ?

Дездемона. А кто твой синьоръ?

Эмилія. Кто-же, какъ не вашъ мужъ.

Дездемона. У меня такого нѣтъ. Не говори со мною, Эмилія. Плакать я не могу, поэтому у меня нѣтъ для тебя отвѣтовъ. Отвѣчать я могла-бы только слезами. Прощу тебя, покрой сегодня мою постель моими брачными покрывалами. Не забудь этого и позови сюда своего мужа.

Эмилія. Господи, сколько перемѣнь! (*Уходитъ*).

Дездемона. Простительно-ли такъ обращаться со мною? Простительно-ли? Что-же я такое сдѣлала? Чѣмъ могла подать поводъ къ такому ужасному подозрѣнію?

Эмилія возвращается; съ нею Яго.

Яго. Что угодно вамъ, синьора? Что съ вами?

Дездемона. Право, не знаю, что сказать. Обучающіе малыхъ дѣтей не прибѣгаютъ ни къ усиленной строгости, ни къ слишкомъ труднымъ урокамъ. Такъ бы слѣдовало поступать и ему, журить меня умѣренно, потому что я беспомощный ребенокъ... Со мною надо быть ласковымъ.

Яго. Въ чемъ-же дѣло, синьора?

Эмилія. Ахъ, Яго, синьоръ Отэлло назвалъ ее распутною тварью. Онъ взводилъ на нее такія позорящія небылицы и въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, что ни одна честная душа не можетъ перенести этого равнодушно.

Дездемона. Яго, неужто я заслужила такое названіе?

Яго. Какое, синьора?

Дездемона. Да вотъ, что сейчасъ повторила твоя жена. Неужто я такая?

Эмилія. Ты, вѣдь, слышалъ, что онъ назвалъ ее распутной тварью. Грубый нищій даже въ пьяномъ видѣ не обзоветъ такъ своей сожительницы.

Яго. За что-же?

Дездемона. Не знаю; я убѣждена, что ничѣмъ не заслужила такого оскорбленія

Яго. Перестаньте, не плачьте!.. О, какой ужасный день.

Эмилія. Она отказала столькимъ знатнымъ женихамъ, отреклась отъ отца, отъ родины, отъ друзей, а для чего? — чтобы ее обзывали потаскушкой? Тутъ поневолѣ заплачешь.

Дездемона. Должно быть такова моя несчастная судьба.

Яго. Съ его стороны это совсѣмъ позорно. Что на него такое нашло?

Дездемона. То знаетъ одинъ Богъ.

Эмилія. Удавите меня, если какой-нибудь адскій злодѣй, какой-нибудь дѣловитый и вкрадчивый мерзавецъ, какой-нибудь хитрый и лукавый плутъ, въ надеждѣ на вознагражденіе, не взвелъ на нее гнусной клеветы. Хочу быть повѣщенной, если не такъ!

Яго. Фи! развѣ гдѣ-нибудь найдется такой человѣкъ? Это невозможно!

Дездемона. Если-бы нашелся, да простить его Богъ.

Эмилія. Нѣтъ, не прощеніе неба слѣдуетъ на него звать. Пусть онъ окончитъ жизнь на висѣлицѣ, и пусть адъ источитъ его кости. За что-же иначе взводилъ на нее мужъ такіе ужасы? Какого посѣтителя принимаетъ она тайно? Кого? Когда? Гдѣ улики? Гдѣ правдолюдобіе? Мавра ввелъ въ заблужденіе какой-нибудь бездѣльникъ, бездѣльникъ завѣдомый, какой-нибудь гнусный извергъ!.. О, небо, неужто ты можешь выносить такихъ клеветниковъ, не вложивъ бича въ руку cadaго челоѡѡка, чтобы всякій хлесталъ его по голому тѣлу, гоняя его по всему свѣту съ востока на западъ?!

Яго. Не кричи на весь домъ.

Эмилія. Не твое дѣло! Вотъ такого-же рода мерзавецъ выворотивъ твой умъ наизнанку, нажужжалъ тебѣ въ уши, будто между мною и мавромъ были преступныя отношенія.

Яго. Ты дура! Замолчи!

Дездемона. Ахъ, Яго, къ чему-бы мнѣ прибѣгнуть, что-бы вернуть любовь мужа? Добрый другъ, ступай къ нему... Клянусь небеснымъ свѣтомъ, я сама не понимаю, за что я утратила любовь Отэлло. Вотъ я на колѣняхъ заявляю: — если я когда-либо на словахъ, въ мысляхъ или на дѣлѣ оказалась виноватою передъ его любовью; если моему слуху, моему зрѣнію или инымъ чувствамъ доставлялъ наслажденіе кто-нибудь другой, а не онъ; если я не любила его искренно и несмотря на то, что теперь онъ отъ меня отвернулся, не продолжаю любить его всѣми силами души, пусть на меня падетъ гнѣвъ небесъ! Несправедливость можетъ сдѣлать многое; она можетъ свести меня въ могилу, но никогда не искоренитъ любви изъ моего сердца. Я не въ состояніи произнести то слово, какимъ онъ меня обозвалъ; мнѣ отвратительно самое слово, и я ни за какія блага въ мірѣ не согласилась-бы совершить проступокъ, который сдѣлалъ бы такое названіе заслуженнымъ.

Яго. Умоляю васъ, успокойтесь. Все это только временное озлобленіе. Его выводятъ изъ себя непріятности по службѣ, а онъ вымещаетъ свою досаду на васъ.

Дездемона. Ахъ, если-бы только это!

Яго. Только и есть; увѣряю васъ (*За сценой трубятъ*). Слышите? Трубы зовутъ къ ужину. Въ немъ примутъ участіе и благородные венеціанскіе послы. Ступайте-же и перестаньте плакать. Все уладится (*Дездемона и Эмилія удаляются. Входитъ Родриго*). Какъ поживаешь, Родриго?

Родриго. Я нахожу, что ты поступаешь со мною не честно.

Яго. Это почему?

Родриго. Каждый день, Яго, ты отдѣлываешься отъ меня только новыми обѣщаніями. Теперь я совершенно ясно понимаю, что дѣло мое не только не подвигается впередъ, но, напротивъ, я все болѣе и болѣе теряю надежду на успѣхъ. Честное слово долѣе выносить это я не намѣренъ. Не знаю такъ-же, слѣдуетъ-ли простить тебѣ то, что ты заставлялъ меня терпѣть, а я по глупости терпѣлъ.

Яго. Выслушай меня, Родриго.

Родриго. Нѣтъ, я и такъ наслушался достаточно. Твои слова идутъ совершенно въ разрѣзъ съ твоими поступками.

Яго. Твои упреки крайне несправедливы.

Родриго. Нѣтъ, справедливы вполнѣ. Всѣ мои средства къ существованію истощены. Половины тѣхъ драгоценностей, которыя ты перебралъ у меня, чтобы вручить ихъ Дездемонѣ, было-бы достаточно, чтобы соблазнить любую женщину, даже давшую обѣтъ безбрачія. Ты говорилъ, что Дездемона принимаетъ подарки, подавалъ мнѣ надежду, что жена мавра скоро вознаградитъ меня за нихъ извѣстнымъ образомъ, а я до сихъ поръ ровно ничего отъ нея не вижу.

Яго. Хорошо, продолжай! Очень хорошо.

Родриго. «Хорошо, продолжай!» Въ томъ-то и бѣда, что продолжать-то я уже не могу... а затѣмъ я нахожу, что это не только не хорошо, но даже очень скверно. Я начинаю подозрѣвать, что ты изъ меня разыгрываешь дурака.

Яго. Прекрасно.

Родриго. Совсѣмъ не прекрасно. Я намѣренъ обратиться къ самой Дездемонѣ. Если она согласится возвратить мнѣ мои подарки, Богъ съ нею; откажусь отъ своихъ намѣреній, раскаюсь въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Если же она откажется возвратить, я предъявлю искъ къ тебѣ; будь въ этомъ увѣренъ.

Яго. Ты высказалъ все?

Родриго. Все, и поступлю такъ, какъ сказалъ.

Яго. Я вижу, что въ тебѣ есть огонекъ, и на этомъ основаніи съ настоящей минуты начинаю быть о тебѣ несравненно лучшаго мнѣнія, чѣмъ прежде. Дай мнѣ руку, Родриго: ты дѣйствительно имѣешь право быть мною не совсѣмъ довольнымъ, но я все-таки заявляю тебѣ, что во всемъ этомъ дѣлѣ поступалъ самымъ честнымъ образомъ.

Родриго. Этого что-то незамѣтно.

Яго. Согласенъ съ тобою, что незамѣтно, и твоя подозрительность не лишена ни ума, ни сообразительности; и если въ тебѣ дѣйствительно есть то, что я имѣю полное основаніе въ тебѣ предполагать и что теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо, то-есть, рѣшимость, отвага и мужество, выкажи все это нынѣшнею-же ночью, а на слѣдующую ты будешь обладать Дездемоною. Если нѣтъ, убей меня, предательски заманивъ въ западню и, чтобы лишить меня жизни, позволяю тебѣ придумать самую мучительныя пытки.

Родриго. Въ чемъ-же дѣло? Согласенъ, если оно разумно и удобоисполнимо.

Яго. Изъ Венеціи прибыли послы съ приказаніемъ, чтобы Кассіо занялъ мѣсто Отэлло.

Родриго. Правда-ли эти?.. Но, если такъ, Отэлло и Дездемона опять вернутся въ Венецію.

Яго. Нѣтъ, онъ думаетъ отправиться въ Мавританію и увезти съ собою красавицу Дездемону, если какое-нибудь неожиданное обстоятельство, какъ, наприимѣръ, устраненіе Кассіо не задержитъ его здѣсь.

Родриго. Что подразумѣваешь ты подъ словомъ «устраненіе»?

Яго. А то, что, разможивъ голову Кассіо, ты сдѣлаешь его неспособнымъ занять мѣсто Отэлло.

Родриго. И ты хочешь, чтобы исполнилъ это я?

Яго. Да, если у тебя хватитъ смѣлости оказать себѣ услугу и отомстить за себя. Онъ ужинаетъ сегодня у одной дѣвчонки, и я обѣщаль зайти за нимъ, что и думаю исполнить. Онъ ничего еще не знаетъ о благополучіи, выпадающемъ ему на долю. Если подкараулишь его на обратномъ пути, я постараюсь устроить такъ, чтобы это произошло между полночью и первымъ часомъ, тебѣ легко будетъ напасть на него въ расплохъ и покончить съ нимъ, такъ какъ я буду подъ рукою, на готовѣ тебѣ помочь. Полно изумляться и пойдѣмъ со мною. Дорогою я самымъ убѣдительнымъ образомъ докажу тебѣ необходимость отъ него избавиться, и ты самъ придѣшь къ заключенію, что убить его твоя прямая обязанность. Теперь какъ разъ время для ужина, и ночь наступаетъ быстро. За дѣло-же!

Родриго. Нѣтъ, безъ дальнѣйшихъ и самыхъ убѣдительныхъ доводовъ я не рѣшусь.

Яго. Ты ихъ получишь, сколько угодно.

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Отэлло, Лодовико, Дездемона, Эмилиа и свита.

Лодовико. Прошу васъ, синьоръ, не утруждайте себя дальнѣйшими проводами.

Отэлло. Нѣтъ, я все-таки провожу васъ. Движеніе мнѣ полезно.

Лодовико. Покойной ночи, дорогая Дездемона. Благодарю за ласковый пріемъ.

Дездемона. Я такъ рада видѣть тебя здѣсь.

Отэлло. Угодно вамъ идти, синьоръ?.. Да, Дездемона!

Дездемона. Что угодно вамъ, синьоръ?

Отэлло. Ложись сейчасъ-же въ постель. Я скоро вернусь. Отпусти прислугу: Слышишь?

Дездемона. Все будетъ исполнено (*Отэлло, Лодовико и свита уходятъ*).

Эмилиа. Ну, какъ и что? Онъ какъ будто сталъ помирнѣе.

Дездемона. Сказаль, что скоро вернется. Велѣлъ мнѣ лечь въ постель и отпустить тебя.

Эмилиа. Даже и меня отпустить?

Дездемона. Да, велѣлъ... Поэтому, Эмилиа, подай мнѣ платье для ночи и прощай. Не надо ничего дѣлать ему наперекоръ.

Эмилиа. Ахъ, какъ было-бы хорошо, если-бы вы никогда не видали его.

Дездемона. Я-бы этого не сказала. Любовь дѣлаетъ меня до того пристрастной къ нему, что даже его суровость, его рѣзкость, его гнѣвъ, — разстегни, пожалуйста, вотъ тутъ, — имѣють для меня невыразимую прелесть.

Эмилія. Я приготовила вамъ постель, какъ вы приказали.

Дездемона. Хорошо... Просто стыдно подумать, до чего мы бываемъ иногда глупы! — Прошу тебя, если я умру ранѣе тебя, похорони меня въ одномъ изъ этихъ покрововъ.

Эмилія. Полноте, полноте говорить объ этомъ.

Дездемона. У моей матери жила прислужница. Звали эту дѣвушку Барбарой. Она была влюблена, а тотъ, кого она любила, — человѣкъ онъ былъ причудливый, — разлюбилъ и бросилъ ее. Она знала пѣсню про иву, пѣсню старинную, но въ которой рассказывалась какъ-будто ея собственная судьба, и она пѣла ее постоянно. Весь вечеръ сегодня эта пѣсня не выходитъ у меня изъ головы, и я съ трудомъ удерживаюсь отъ желанія склонить голову на бокъ, какъ бывало склоняла Барбара, и запѣть, какъ пѣвала она... Пожалуйста поскорѣе.

Эмилія. Принести вамъ ночное платье сюда?

Дездемона. Нѣтъ, послѣ. Расплети мнѣ волосы... А Лодовико, не правдали, человѣкъ премилый?

Эмилія. Да, и при томъ очень красивый.

Дездемона. Онъ очень хорошо говорить.

Эмилія. Я знаю въ Венеціи одну синьору, которая готова была-бы охотривиться въ Палестину босикомъ, чтобы хоть разъ поцѣловаться съ нимъ.

Дездемона (*Поетъ*).

Бѣдняжка въ тѣни сикоморы сидѣла...

О, ива, ты, ива, зеленая ива...

Сидѣла она и, вздыхая, все пѣла: —

О, ива, ты, ива!

Прижавъ къ сердцу руку, страданья полна,

Головку къ колѣнямъ склоняла она,

И пѣла все иву, зеленую иву!

Пожалуйста, прими это (*Поетъ*).

Журчали ручьи; слезъ ея жгучій пламень

Растрогалъ-бы даже безчувственный камень,

А пѣла она все про иву, про иву...

Ради Бога, поскорѣе; онъ можетъ сейчасъ вернуться (*Поетъ*),

Изъ ивы сплетутъ, — такъ рѣшилъ злобный рокъ, —

Изъ ивы сплетутъ мнѣ дѣвичій вѣнокъ...

О, ива, ты, ива...

Нѣтъ, кажется слѣдуетъ не то... Слышишь, кто-то стучится...

Эмилиа. Нѣтъ никого. Это вѣтеръ.

Дездемона (*Поетъ*).

Хулить-ли его, что, сомнѣнью покорный,
Любовь мою назвалъ онъ лживой, притворной...

О, ива, ты, ива, зеленая ива!..

Сказалъ: «коль мои всѣ погибли мечты,

Другому во вѣкъ не отдашься и ты»!

О, ива, ты, ива...

Хорошо... теперь ступай, покойной ночи... Какъ чешутся глаза. Это, говорятъ, къ слезамъ...

Эмилиа. Всѣ примѣты — одинъ вздоръ.

Дездемона. Я такъ слыхала... О эти мужчины, мужчины! Эмилиа скажи мнѣ по совѣсти, думаешь-ли ты, что на свѣтѣ есть женщины, способныя такъ грубо измѣнить своимъ мужьямъ.

Эмилиа. Разумѣется, есть; это не подлежитъ сомнѣнію.

Дездемона. Если-бы тебѣ сулили за это весь міръ, могла-бы ты поступить такъ?

Эмилиа. А сами вы развѣ не поступили-бы такъ-же?

Дездемона. Вотъ, какъ при свѣтѣ небесномъ, никогда!

Эмилиа. При свѣтѣ небесномъ я-бы тоже такъ не поступила, а подождала-бы ночи. Вѣдь это можно сдѣлать и въ потьмахъ.

Дездемона. Неужто, ради всего міра, ты могла-бы такъ поступить?

Эмилиа. Міръ слишкомъ огроменъ. Такой цѣны никто не предложитъ за маленькій грѣшокъ.

Дездемона. Мнѣ кажется, что ты-бы не согласилась.

Эмилиа. А мнѣ кажется на оборотъ. Я согласилась-бы пасть, но съ тѣмъ, чтобы стать опять потомъ на ноги. Конечно, я не отдалась-бы за какіе-нибудь пустяки, какъ колечко, нѣсколько локтей какой-нибудь даже самой дорогой ткани, какъ платья, юбки, шляпы и всякіе другіе наряды... Но въ міръ есть вещи, которыя хоть кого соблазнятъ. Какая женщина отказалась-бы приставить мужу рожки, если-бы она могла этимъ сдѣлать его вѣнценосцемъ? Даже чистилище меня-бы не устрашило.

Дездемона. Нѣтъ, накажи меня Богъ, если я говорю неправду. Суди мнѣ весь міръ, я и тогда не соглашусь.

Эмилиа. Да вѣдь такая провинность считается провинностью, но только въ мірѣ. Если вы за трудъ получите весь міръ, то и провинность будетъ существовать только въ собственномъ вашемъ мірѣ, и вамъ ничего не будетъ стоить возвеличить ее до степени заслуги.

Дездемона. Мнѣ, право, не вѣрится, чтобы на свѣтѣ были такія женщины.

Эмилиа. О, ихъ цѣлыя дюжины! Куда дюжины? — несравненно больше. Ихъ столько, что ими можно заселить весь тотъ міръ, который служилъ ставкою. Но мнѣ кажется, что мужья сами виноваты, если ихъ жены сбиваются съ пути. Они пренебрегаютъ исполненіемъ своихъ супружескихъ обязанностей,

бросаютъ принадлежащія намъ сокровища къ чужимъ колѣнямъ, стѣсняють, — въ припадкахъ несносной ревности, — нашу свободу, даже иной разъ бьютъ женъ, урѣзываютъ наши обычные расходы... Ну, и въ насъ есть желчь, и, какъ мы ни кротки, но все-таки не прочь иной разъ отомстить. Пусть мужья знаютъ, что у ихъ женъ и разумъ, и чувства такіе-же, какъ и у нихъ. Онѣ, какъ и ихъ мужья, видятъ, обоняютъ, ихъ вкусъ умѣетъ отличать сладкое отъ кислаго. Почему они сплошь да рядомъ измѣняютъ намъ? — это доставляетъ имъ наслажденіе; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Подстрекаетъ-ли ихъ страстность? — тоже думаю, что такъ. Слабость-ли человѣческой природы увлекаетъ ихъ? — это вѣрно тоже. Между тѣмъ, развѣ страстность, жажда наслажденія и слабость человѣческой природы свойственны однимъ мужчинамъ, а женщинамъ нѣтъ? Такъ пусть они относятся къ намъ, какъ слѣдуетъ, или пусть знаютъ, что мы въ долгу не останемся, и наши проступки вызываются только ихъ проступками противъ насъ.

Дездемона. Прощай, спокойной ночи. О, небо, научи меня не платить зломъ за зло, но даже изъ самаго зла извлекать одно хорошее (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

Входятъ Яго и Родриго.

Яго. Стой здѣсь за угломъ; онъ сейчасъ придетъ. Вынь шпагу изъ ноженъ и уложи его на мѣстѣ. Смѣлѣй, смѣлѣй, не бойся ничего; я буду подъ рукою. Этотъ шагъ долженъ или спасти насъ, или погубить; помни объ этомъ и тверже укрѣпись въ своемъ намѣреніи.

Родриго. Стой ко мнѣ поближе; я могу и промахнуться.

Яго. Говорю, что буду подъ рукою... Смѣлѣй!.. На мѣсто! (*Отходитъ на недалекое разстояніе*).

Родриго. Мнѣ это далеко не нравится, хотя причины, заставляющія его поступать такъ, крайне убѣдительны... Однимъ только человѣкомъ станеть на свѣтѣ менѣе... Ну, впередъ, моя шпага! — Ему не жить (*Становится на указанное мѣсто и обнажаетъ шпагу*).

Яго. Я до того разбередилъ этотъ недозрѣвшій вередъ, что въ немъ явилось раздраженіе. Теперь пусть хоть онъ убьетъ Кассіо или Кассіо его, мнѣ все равно: и то, и другое послужитъ мнѣ только на пользу. Если Родриго останется живъ, онъ потребуетъ отъ меня возвращенія всего золота, всѣхъ драгоценностей, выманенныхъ мною у него, будто-бы для Дездемоны, а этого не должно быть. Если останется живъ Кассіо, онъ засіяетъ такою красотою, рядомъ съ которою я буду казаться еще безобразнѣе. Потомъ, мавръ, пожалуй, выдастъ меня ему, а

въ этомъ я предвижу большую опасность. И Кассіо долженъ тоже умереть!.. но вотъ онъ, кажется, идетъ.

Входитъ Кассіо.

Родриго. Это онъ. Я узнаю его походку. Умри, негодяй! (*Бросается на него*).

Кассіо. Твой ударъ могъ-бы обойтись мнѣ очень дорого; но ты не зналъ, что на мнѣ такая надежная кольчуга. Посмотримъ, какова-то твоя? (*Обнажаетъ мечъ и ранитъ Родриго; тотъ падаетъ*).

Родриго. Я убить! (*Яго изъ-за угла бросается на Кассіо, ранитъ его сзади въ ногу и убѣгаетъ*),

Кассіо. Я изувѣченъ навсегда! Помогите, помогите! Здѣсь убійцы! Убійцы! (*Падаетъ*).

Входитъ Отэлло и останавливается въ отдаленіи.

Отэлло. Это голосъ Кассіо: Яго сдержалъ слово.

Родриго. О, гнусный злодѣй!

Отэлло. Совершенно вѣрно.

Кассіо. Помогите!.. Принесите огня! Позовите врача!

Отэлло. Такъ и есть; это онъ... Молодецъ ты, смѣлый, честный и справедливый Яго, такъ горячо принявшій къ сердцу всѣ обиды, нанесенныя другу. Ты напоминаешь о моемъ долгѣ. О, красавица моя, твой любовникъ убить, и приближается минута собственной твоей смерти. Да, негодная, спѣшу къ тебѣ, спѣшу! Меня не умилоствятъ твои чарующія прелести; обаяніе твоихъ глазъ утратило надо мною всю свою силу. Твое ложе, запятнанное сладострастіемъ, обагрится твоею сладострастною кровью (*Уходитъ*).

Появляются Лодовико и Граціано. Оба останавливаются вдали.

Кассіо. Эй, эй, кто-нибудь! Какъ на бѣду — ни одного дозора, ни одного прохожаго. Убійцы, убійцы!

Граціано. Тутъ что-нибудь неладное. Эти крики наводятъ ужасъ.

Кассіо. Помогите!

Лодовико. Слышите? — опять...

Родриго. О, гнусный злодѣй!

Лодовико. Здѣсь стонуть два или три человѣка... Ночь страшно темна... Можетъ-быть, это какая-нибудь ловушка и, повѣрьте мнѣ, поспѣшатъ къ другимъ на помощь безъ подкрѣпленія было-бы крайне неблагоприятно.

Родриго. Никто нейдетъ. Неужто мнѣ суждено истечь кровью?

Входитъ Яго съ факеломъ.

Лодовико. Слышите?

Граціано. Вотъ кто-то одѣтый въ ночное платье идетъ сюда. Въ одной рукѣ у него факель, въ другой обнаженный мечъ.

Яго. Что здѣсь такое? Зовутъ на помощь... Кричатъ, что совершено убійство.

Лодовико. Право, ничего не знаемъ.

Яго. Развѣ вы не слышали криковъ?

Кассіо. Сюда, сюда! Ради самого неба, помогите мнѣ!

Яго. Въ чемъ дѣло?

Граціано. Если не ошибаюсь, это одинъ изъ подчиненныхъ Отэлло.

Лодовико. Да, онъ самый. Человѣкъ онъ очень храбрый.

Яго. Кто здѣсь такъ горько стонетъ и зоветъ на помощь?

Кассіо. Яго! На меня предательски напали изъ-за угла и ранили. Помогите мнѣ.

Яго. Лейтенантъ, это вы? Кто тѣ, напавшіе на васъ негодяи?

Кассіо. Одинъ изъ нихъ, кажется, здѣсь поблизости, убѣжать онъ не могъ.

Яго. О гнусные злодѣи! *(Обращается къ Лодовико и къ Граціано)*. Вы кто такіе? Идите сюда и пособите мнѣ помочь лейтенанту.

Родриго. Помогите и мнѣ.

Кассіо. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Яго. Гнусный убійца, извергъ! Вотъ тебѣ! *(Закалываетъ его)*.

Родриго. О, будь ты проклятъ, Яго, безчеловѣчный песь! *(Умираетъ)*.

Яго. Какъ, производить убійства въ темнотѣ! Гдѣ-же кровожадные изверги? Какая мертвая тишина въ этомъ городѣ. Эй, сюда! Здѣсь разбой, разбой! Кто вы такіе? Чего отъ васъ ждать — добра или худа?

Лодовико. Увидишь на дѣлѣ.

Яго. Синьоръ Лодовико?

Лодовико. Кажется, такъ.

Яго. Простите, я васъ не узналъ. Какіе-то злодѣи тяжело ранили Кассіо.

Граціано. Кассіо?

Яго. Какъ вы себя чувствуете, братъ мой?

Кассіо. Моя нога ниже колѣна разрѣзана почти пополамъ.

Яго. Помилуй Богъ! Синьоры, посвѣтите мнѣ. Я разорву рубашку и перевяжу ему рану.

Вбѣгаетъ Біанка.

Біанка. Что случилось? Кто кричитъ?

Яго. Кто кричитъ? — смотри!

Біанка. О дорогой мой Кассіо! Милый Кассіо! Кассіо! Кассіо! Кассіо!

Яго. О, отъявленная гуляка!.. Кассіо, кто могъ такъ изувѣчить васъ? Имѣете вы на кого-нибудь подозрѣніе?

Кассіо. Нѣтъ.

Граціано. Мнѣ очень грустно, что васъ постигла такая непріятность. Я именно шелъ къ вамъ.

Яго. Дайте мнѣ кто-нибудь подвязку... Такъ, благодарю... Постарайтесь гдѣ-нибудь добыть носилки, чтобы удобнѣе перенести его домой.

Біанка. Ахъ, онъ лишается чувствъ! О, Кассіо, Кассіо, Кассіо!

Яго. Синьоры, я подозреваю, что вотъ этотъ негодяй дѣйствовалъ сообща съ другими, изъ которыхъ одинъ ранилъ лейтенанта. Потерпите немного, Кассіо; дайте взглянуть на того... Посвѣтите мнѣ. Какъ, убить онъ, онъ, дорогой мой соотечественникъ Родриго! Не вѣрится глазамъ, но это онъ, онъ... Родриго!

Граціано. Какъ, Родриго изъ Венеціи?

Яго. Онъ самый. Вы были съ нимъ знакомы, синьоръ?

Граціано. Конечно, да.

Яго. Простите меня, синьоръ! У меня отъ этихъ кровавыхъ событій голова не на мѣстѣ, и я самъ не знаю, что говорю.

Граціано. Очень радъ васъ видѣть.

Яго. Какъ вы себя чувствуете, Кассіо? Скорѣе носилки!

Граціано. Такъ это Родриго?

Яго. Онъ, онъ самый! Давайте-же сюда носилки. Скорѣе! *(Приносятъ носилки)*. Пусть тѣ, у кого душа добрая, бережно унесутъ его отсюда, а я побѣгу за генеральскимъ врачомъ. *(Біанкѣ)* Что-же касается васъ; милашка, не тревожьтесь... Знаете, Кассіо, былъ моимъ другомъ. Изъ-за чего вышла между вами ссора?

Кассіо. Никакой ссоры нс было; я даже совсѣмъ его не зналъ.

Яго. Какъ ты блѣдна, милашка. Унесите ихъ обоихъ; лейтенанту вредно оставаться на вѣтру *(Кассіо и Родриго уносятъ)* Постоите, добрые синьоры; не уходите! Какъ ты блѣдна, милашка! Замѣчаете, синьоры, какъ блуждаютъ ея глаза. Если негодная даже и теперь уже такъ растерялась, мы сейчасъ добьемся отъ нея большаго... Наблюдайте за нею хорошенько; прошу васъ, не спускайте съ нея глазъ. Видите-ли, синьоры, преступникъ скажется даже и въ томъ случаѣ, если-бы у него отнялся языкъ.

Входитъ Эмилія.

Эмилія. Боже мой, что здѣсь такое? Что случилось, Яго?

Яго. На Кассіо, въ сообществѣ съ Родриго, напади какіе-то разбойники, которымъ удалось убѣжать. Кассіо тяжело раненъ, а Родриго убитъ.

Эмилія. Ахъ, бѣдный Родриго! Ахъ, бѣдный, добрый Кассіо!

Яго. Вотъ до чего доводитъ знакомство съ подобными дѣвченками! Пожалуйста, Эмилія, узнай отъ Кассіо, гдѣ онъ ужиналъ прошедшимъ вечеромъ. Что заставляетъ тебя, милашка, такъ сильно дрожать?

Біанка. Хотя Кассіо ужиналъ у меня, я нисколько не дрожу.

Яго. А, онъ ужиналъ у тебя, такъ изволь теперь идти за мною.

Эмилія. Фи, какая гадость! Здѣсь — непотребная.

Біанка. Совсѣмъ я не непотребная. Ты оскорбляешь меня, не имѣя на то никакого права; жизнь моя, быть-можетъ, почище твоей.

Эмилиа. Почище моей! Фи, какая безстыжая тварь!

Яго. Теперь, добрѣйшіе синьоры, пойдѣмте посмотримъ, какъ будутъ перевязывать рану Кассіо... Пойдемъ и ты, милашка; тебѣ придется кое-что намъ рассказать. Ты, Эмилиа, бѣги въ замокъ и передай главнокомандующему и его женѣ все что произошло здѣсь. Идемте же, господа (*Про себя*). Эта ночь должна довести меня или до верха благополучія, или до гибели (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Спальня.

Дездемона спитъ на постели; у изголовья горитъ свѣча. Входитъ Отэлло.

Отэлло. Вотъ причина, почему измучена моя душа; но я не назову ея вамъ, вамъ, цѣломудренныя звѣзды! Да, это и есть причина... Однако, ея крови я не пролью, не нанесу ни одной царапины ея кожѣ, бѣдой, какъ снѣгъ, и гладкой, какъ мраморъ надгробныхъ памятниковъ. Но умереть она должна; иначе она стала-бы обманывать другихъ. Погасимъ прежде всего свѣчу, а потомъ и жизнь въ этомъ созданіи. Если я задую пламя свѣчи, его, въ случаѣ надобности, можно будетъ тотчасъ-же зажечь снова; но если погасить пламя жизни въ тебѣ, совершеннѣйшемъ образцѣ созданій природы, я не знаю, гдѣ найдется огонь Прометея, чтобы снова возжечь твой огонь. Когда я сорву розу, то уже не въ состояніи буду возвратить ей жизненной силы, и она должна увянуть. Упьюсь ея благоуханіемъ, пока она еще держится на стеблѣ (*Цѣлуетъ ее*). О, чудное свѣжее дыханіе, ты почти способен уговорить правосудіе, переломить его мечъ!.. Еще разъ и еще! Когда я убью тебя, оставайся и мертвою такая-же, какъ теперь, и я все-таки буду продолжать тебя любить... Еще поцѣлуй, но на этотъ разъ послѣдній. Никогда ни одинъ поцѣлуй не былъ такъ сладокъ и такъ губителенъ. Надо выплакать свои слезы, слезы горькія, жестокія. Моя скорбь — скорбь Всевышняго, карающаго того, кто всѣхъ ему дороже... Она просыпается.

Дездемона. Кто здѣсь? Ты, Отэлло?

Отэлло. Я, Дездемона.

Дездемона. Милый, что-же ты не ложишься?

Отэлло. Молилась ты сегодня, Дездемона?

Дездемона. Да, Отэлло.

Отэлло. Если у тебя на душѣ есть грѣхъ, въ которомъ ты еще не успѣла покаяться передъ небесами, не успѣла вполнѣ искупить его, кайся скорѣе.

Дездемона. Дорогой мужъ, что хочешь ты этимъ сказать?

Отэддо. Молись и кайся... но только поскорѣе. Я тѣмъ временемъ похожу здѣсь. Я не хочу убивать тебя, пока твоя душа не подготовлена. — Нѣтъ, избави Богъ! Души твоей я убивать не хочу.

Дездемона. Ты хочешь убить меня?

Отэлло. Хочу.

Дездемона. О, если такъ, небо, сжался надо мною, прости меня!

Отэлло. Отъ всей души говорю на это: — аминь!

Дездемона. Если ты говоришь такъ, у меня есть надежда, что ты меня пощадишь.

Отэлло. Гм!

Дездемона. Тѣмъ не менѣе, я тебя боюсь. У тебя такой страшный видъ, когда ты дико возвращаешь глазами. Чего-бы, казалось, мнѣ бояться? Я сама не знаю, такъ какъ не знаю и своего проступка, а мнѣ все-таки страшно.

Отэлло. Подумай о своихъ грѣхахъ.

Дездемона. Любовь къ тебѣ — единственный мой грѣхъ.

Отэлло. Поэтому ты должна умереть.

Дездемона. Платить за любовь смертью — противуестественно. О, зачѣмъ ты такъ злобно кусаешь нижнюю свою губу? Какая кровожадная страсть волнуетъ все твое существо? Это предвѣщаетъ недоброе, но я все-таки надѣюсь, надѣюсь, что гнѣвъ твой угрожаетъ не мнѣ.

Отэлло. Довольно, молчи!

Дездемона. Я замолчу, но только скажи, что имѣешь ты противъ меня?

Отэлло. Платокъ, которымъ я такъ дорожилъ и отдалъ тебѣ, ты подарила Кассіо.

Дездемона. Нѣтъ, не дарила! Клянусь въ этомъ жизнию и душою! Пошли за Кассіо, и спроси у него.

Отэлло. Милая душа моя, остерегайся, остерегайся лживыхъ клятвъ; ты на краю могилы.

Дездемона. Но не сейчасъ-же должна я умереть?

Отэлло. Напротивъ, сейчасъ-же. Поэтому кайся откровенно въ своихъ грѣхахъ: заpiresательство, если-бы ты даже подъ присягой отрицала свою вину, ни къ чему не поведетъ; оно не уничтожитъ, даже не поколеблетъ во мнѣ твердаго убѣжденія, вызывающаго во мнѣ стоны отчаянія. Ты умрешь!

Дездемона. Если такъ, пусть сжалится надо мною Создатель!

Отэлло. Еще разъ, аминь!

Дездемона. Сжался и ты! Никогда ни въ чемъ не была я передъ тобою виновата. Никогда не питала я къ Кассіо иной любви, кромѣ той, которою небеса предписываютъ намъ любить всѣхъ ближнихъ. Никогда ему ничего не дарила.

Отэлло. Клянусь небомъ, я видѣлъ, въ рукахъ у него видѣлъ подаренный мною тебѣ платокъ! Вѣроломная женщина, своимъ желаніемъ убѣдить меня, будто мое неизмѣнное намѣреніе — не законное возмездіе, а убійство, ты обращаешь сердце мое въ камень!.. Я самъ видѣлъ платокъ.

Дездемона. Значитъ, онъ нашелъ его. Никогда я не дарила ему платка. Вели позвать его сюда, и онъ самъ признается.

Отэлло. Онъ уже признался.

Дездемона. Въ чемъ?

Отэлло. Что онъ былъ съ тобою въ извѣстныхъ отношеніяхъ.

Дездемона. Какъ! Въ незаконныхъ?

Отэлло. Да.

Дездемона. Онъ этого не повторитъ!

Отэлло. Да, болѣе не повторитъ. Честному Яго было отдано приказаніе зажать ему ротъ навсегда.

Дездемона. О, мой ужасъ дѣлаетъ мнѣ все понятнымъ! Кассіо умеръ?

Отэлло. Если-бы у него жизнью было столько-же, сколько волосъ на головѣ, то и тогда мое мщеніе сокрушило бы ихъ всѣ до одной.

Дездемона. Боже! Ему наклеветали, и для меня не можетъ быть спасенія.

Отэлло. Стыдись, тварь, ты на глазахъ у мужа смѣешь оплакивать любовника!

Дездемона. Изгоните, заточите меня, синьоръ, но не убивайте меня!

Отэлло. Прочь, непотребная!

Дездемона. Убейте меня завтра; дайте пережить эту ночь!

Отэлло. Нѣтъ. Если вздумаешь сопротивляться...

Дездемона. Дай мнѣ сроку хоть полчаса.

Отэлло. Нечего откладывать исполненіе приговора.

Дездемона. Дайте прочесть хоть одну молитву.

Отэлло. Поздно! (*Душитъ ее*).

Эмилія (*За сценой*). Синьоръ, синьоръ! Слышите, синьоръ, синьоръ!

Отэлло. Что тамъ за крикъ?.. Еще жива, не совсѣмъ еще умерла. Хотя я и жестокъ, но не безчеловѣченъ и не хочу, чтобы твои мученія длились безмѣрно. Вотъ такъ, вотъ такъ.

Эмилія (*За сценой*). Синьоръ, синьоръ!

Отэлло. Кто тамъ?

Эмилія (*За сценой*). О, мой добрый синьоръ, мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ.

Отэлло. Хорошо... Это Эмилія... Сейчасъ... Теперь она умерла. Эмилія, вѣроятно, пришла сообщить мнѣ о смерти Кассіо... Огласка произошла значительная... А, она болѣе не движется; спокойна, какъ лежащая въ гробу... Впустить-ли Эмилію?.. Благоразумно-ли это будетъ? Она, кажется, шевельнулась... Нѣтъ. Какъ лучше поступить? Если выпустить ту, она непременно захочетъ заговорить съ моею женою... Съ моею женою!.. Съ моею женою!.. Съ какою женою? — У меня болѣе нѣтъ жены!.. О, какая гнетущая, какая невыносимая минута. Мнѣ грезится, будто теперь наступило затменіе и солнца, и луны разомъ, будто испуганный земной шаръ сейчасъ разверзется и поглотитъ въ свои нѣдра все, все!

Эмилія (*За сценой*). Умоляю васъ, добрѣйшій синьоръ, отоприте. Мнѣ необходимо сказать вамъ нѣсколько словъ.

Отэлло. Я совсѣмъ было забылъ о ней. Иди, Эмилія!.. Нѣтъ, прежде надо задернуть занавѣски (*Отпираетъ дверь*). Гдѣ ты, Эмилія? (*Эмилія входитъ*). Что тебѣ нужно?

Эмилія. О, синьоръ, въ городѣ совершенно возмутительное убійство.

Отэлло. Какое? Когда?

Эмилія. Сейчасъ.

Отэлло. Всему виной луна. Она сбилась съ пути, приблизилась къ землѣ, и люди отъ этого сумасшествуютъ.

Эмилія. Кассіо, синьоръ, убилъ молодого венеціанца по имени Родриго.

Отэлло. Родриго убить? и Кассіо тоже?

Эмилія. Нѣтъ, Кассіо живъ.

Отэлло. Кассіо живъ! Значить въ сладостномъ мщеніи произошла разноголосица и она рѣжетъ ухо.

Дездемона. Я убита безвинно, безвинно...

Эмилія. Боже, что это за стонъ?

Отэлло. Какой стонъ?

Эмилія (*Бросается къ постели*). Это голосъ синьоры... Помогите, помогите!.. О, синьора, скажите еще хоть слово!.. Кроткая Дездемона, дорогая синьора, говорите!

Дездемона. Я умираю ни въ чемъ не виноватой.

Эмилія. Кто совершилъ такое страшное злодѣяніе?

Дездемона. Никто. Я сама. Прощай! Передай моему доброму мужу послѣдній мой привѣтъ. Прощай (*Умираетъ*).

Отэлло. Кто-же могъ-бы ее убить?

Эмилія. Ахъ, какъ это узнать?

Отэлло. Ты слышала, она сама сказала, что не я.

Эмилія. Да, сказала, и я обязана сознаться, что это правда.

Отэлло. За эту предсмертную ложь ея душа отправилась въ пылающій адъ. Ея убійца — я!

Эмилія. Тѣмъ болѣе она теперь — свѣтлѣйшій изъ ангеловъ, а ты — чернѣйшій изъ дьяволовъ.

Отэлло. Она стала сумасбродствовать, начала развратничать.

Эмилія. Ты — дьяволъ и клеветешь на нее!

Отэлло. Она была обманчива, какъ вода.

Эмилія. А ты, говоря, что она была тебѣ не вѣрна, опрометчивъ, какъ огонь. Она была чиста передъ тобою, какъ само небо!

Отэлло. Она путалась съ Кассіо. Спроси объ этомъ своего мужа, если не вѣришь. О, меня стоило-бы низвергнуть въ самыя глубокія нѣдра ада, если-бы я дошелъ до такой крайности, не имѣя вполнѣ основательныхъ причинъ! Твой мужъ знаетъ все.

Эмилія. Мужъ?

Отэлло. Да, онъ.

Эмилія. Онъ знаетъ, что она осквернила святыню брака?

Отэлло. Да, съ Кассіо. О, если-бы она была мнѣ вѣрна и небо за нее предложило мнѣ цѣлый міръ, созданный изъ одного чистѣйшаго хризолита, я не промѣнялъ-бы ее на этотъ міръ.

Эмилиа. Мой мужъ?

Отэлло. Да, онъ первый сообщилъ мнѣ объ этомъ. Онъ человѣкъ честный, и тина, облѣпливающая гнусныя дѣла, вызываетъ въ немъ отвращеніе.

Эмилиа. Мой мужъ?

Отэлло. Къ чему эти повторенія? Я уже говорилъ тебѣ, что узналъ все это отъ твоего мужа.

Эмилиа. О, бѣдная синьора, твоя любовь сдѣлалась посмѣшищемъ злодѣйства! Итакъ, о томъ, что она будто-бы тебѣ не вѣрна, сказалъ тебѣ мой мужъ?

Отэлло. Я. уже говорилъ тебѣ, что онъ, твой мужъ. Понимаешь ты это слово? а онъ, честный, честный Яго — мой другъ.

Эмилиа. Если онъ посмѣлъ это сказать, пусть его зловредная душа каждый день сгниваетъ по полкрупинки. Онъ солгалъ самымъ постыднымъ, самымъ безсердечнымъ образомъ! Она слишкомъ сильно любила свой негодный выборъ.

Отэлло. Что?

Эмилиа. Дѣлай, что хочешь! Твой поступокъ такъ-же мало достоинъ неба, сколько ты самъ былъ мало достоинъ ея.

Отэлло. Замолчи! Это будетъ для тебя лучше.

Эмилиа. У меня хватитъ силы перенести вдвое болѣе, чѣмъ все то зло, которое ты можешь мнѣ сдѣлать! Обманутый, одураченный олухъ! Грубый, грязный невѣжда! Про совершенное тобою дѣло, — о, не грози мечемъ, я его не боюсь! — я расскажу всѣмъ, если-бы мнѣ это стоило даже двадцати жизней! Помогите, помогите! Здѣсь совершено убійство! Мавръ убилъ жену! Убилъ! Убилъ!

Входятъ Монтано, Граціано и Яго.

Монтано. Что здѣсь такое? Въ чемъ дѣло, генераль?

Эмилиа. А, и ты пришелъ, Яго! Хорошо-же ты поступаешь, когда на твою шею могутъ сваливать всѣ убійства,

Граціано. Что случилось?

Эмилиа. Если ты человѣкъ, обличи этого изверга во лжи. Онъ увѣряетъ, будто ты сказалъ, что жена ему невѣрна. Я убѣждена, что онъ клевететь; такимъ злодѣемъ ты быть ее можешь. Говори, такъ-какъ сердце мое слишкомъ переполнено!

Яго. Я сообщилъ ему то, что думалъ, а самъ онъ нашель, что это не только возможно, но и вполнѣ вѣрно.

Эмилиа. И ты говорилъ ему, что жена ему измѣняетъ?

Яго. Да, говорилъ.

Эмилія. Это ложь, омерзительная, окаянная ложь! Да, клянусь душой, ты солгалъ безстыдно, нагло, безбожно. Она-то будто-бы измѣняла... для Кассіо! Ты, вѣдь, говорилъ, что для Кассіо?

Яго. Да, для Кассіо. Но будетъ! Обуздай свой языкъ.

Эмилія. Не хочу я его обуздывать; я обязана говорить. Вотъ тутъ моя синьора лежитъ въ постели убитая!

Всѣ. Съ нами крестная сила!

Эмилія. И причиною убійства были твои наговоры.

Отэлло. Не изумляйтесь, господа. Она говоритъ правду.

Граціано. Страшная правда!

Монтано. Какой чудовищный поступокъ!

Эмилія. О, злодѣйство! Злодѣйство! Злодѣйство!.. Я припоминаю многое и многое начинаю понимать! О, злодѣйство, Мнѣ и тогда казалось это подозрительнымъ!.. О, я съ горя лишу себя жизни!.. Злодѣйство! Злодѣйство!

Яго. Съ ума ты сошла? Ступай домой! Съ ума ты сошла?

Эмилія. Добрые синьоры, дайте мнѣ свободно высказать все. Я знаю, что обязана повиноваться мужу, но не въ такую минуту. Можетъ быть, Яго, я и совсѣмъ не вернусь домой.

Отэлло (*бросаясь на трупъ Дездемоны*). О! О! О!

Эмилія. Да, бросайся теперь на ея трупъ и вой! Ты убилъ такое кроткое, такое безвинное созданіе, какого еще не видывалъ свѣтъ.

Отэлло. Неправда! она была порочна (*Встаетъ*). Я почти не зналъ васъ, дядя. Вотъ лежитъ ваша племянница. Ея дыханіе недавно и навсегда дѣйствительно прервали эти руки. Я знаю, что такой поступокъ можетъ показаться ужаснымъ, безчеловѣчнымъ.

Граціано. Несчастливая Дездемона! Я радуюсь теперь, что отецъ твой умеръ. Твой бракъ былъ для него смертельнымъ ударомъ, и тяжелая печаль порвала старую нить его жизни. Если-бы онъ былъ свидѣтелемъ того, что произошло теперь, онъ дошелъ-бы до такого страшнаго отчаянія, что, предавъ проклятію стоящаго рядомъ съ нимъ ангела-хранителя, загубилъ-бы свою душу.

Отэлло. Все это очень прискорбно, но Яго знаетъ, что она тысячу разъ совершала съ Кассіо постыдное дѣло. Кассіо самъ въ этомъ признался. Она за любовные труды наградила его, отдавъ ему первый мой подарокъ, первый залогъ моей любви. Я самъ видѣлъ у него въ рукахъ этотъ подарокъ — платокъ изъ старинной ткани, когда-то подаренный моей матери моимъ отцомъ.

Эмилія. О, небо! О, силы небесныя!

Яго. Молчи!

Эмилія. Нѣтъ, сейчасъ все станетъ яснымъ, какъ день! Молчать меня ты не заставишь! Я расскажу все, и рѣчь моя будетъ такъ-же свободна, какъ воздухъ. Пусть небеса, люди, дьяволы стыдятъ меня за это, я все-таки выскажу все, все!

Яго. Опомнись. Ступай домой...

Эмилія. Не пойду! (*Яго грозитъ заколотъ ее*).

Граціано. Стыдитесь! Можно-ли грозитъ оружіемъ женщинѣ!

Эмилія. О, безтолковый мавръ! Платокъ, о которомъ ты говоришь, нашла случайно я и отдала его мужу, такъ-какъ онъ не разъ подговаривалъ меня украсть этотъ платокъ, и подговаривалъ такъ настойчиво, что я только удивлялась, стоитъ-ли хлопотать о такихъ пустякахъ.

Яго. Непотребная тварь!

Эмилія. Нѣтъ, не лгу! Она и не думала отдавать платокъ Кассіо; я его нашла и отдала его мужу.

Яго. Лжешь, распутная дрянь!

Эмнилія. Нѣтъ, не лгу! Повѣрьте, синьоры, что не лгу... Знай это, отвратительный убійца. На что была такому безмозглому дураку такая прекрасная жена (*Яго закалываетъ ее и убѣгаетъ*).

Отэлло. Неужто громъ небесный существуетъ только для того, чтобы гремѣть, а не метать стрѣлы въ такихъ гнусныхъ изверговъ?! (*Пока онъ говоритъ, Монтано его обезоруживаетъ*).

Граціано. Смотрите, она готова упасть; мужъ, должно-быть, нанесъ ей ударъ.

Эмилія. Охъ! охъ! Поддержите и дайте мнѣ лечь у ногъ моей синьоры.

Граціано. Онъ убѣжалъ, заколовъ жену.

Монтано. Онъ злодѣй отъявленный. Возьмите этотъ мечъ, отобранный мною у мавра. Охраняйте дверь снаружи. Не пропускайте его ни подъ какимъ видомъ; лучше убейте его. А я бѣгу за другимъ злодѣемъ, который еще похуже этого (*Монтано и Граціано уходятъ*).

Отэлло. Куда дѣвалось ты, мое мужество? Первый попавшійся молокососъ отбираетъ отъ меня мой завѣтный мечъ. Впрочемъ, какое право имѣетъ честь переживать честность? Пусть все гибнетъ разомъ.

Эмилія. Вотъ что предзнаменовала твоя пѣсня, дорогая синьора! Если можешь слышать меня, слушай! Я хочу, какъ лебедь, умереть съ пѣсней. «Ива, ты ива, зеленая ива!» Знай, мавръ, она была цѣломудренна и горячо любила тебя, жестокой мавръ! Пусть моя душа не удостоится прощенія, если я говорю неправду. Съ полнымъ убѣжденіемъ высказавъ тебѣ это, я умираю, умираю! (*Умираетъ*).

Отэлло. У меня въ этой комнатѣ, есть другой мечъ, мечъ испанскій, закаленный въ ледяной водѣ. Вотъ онъ. Дядя, пустите меня.

Граціано (*За дверью*). Если ты попытаешься ворваться силой, тебѣ это обойдется дорого. У тебя нѣтъ оружія, поэтому ты поневолѣ долженъ повиноваться.

Отэлло. Войди сюда и поговоримъ, иначе я и безоружный справлюсь съ тобою.

Граціано возвращается.

Граціано. Что тебѣ нужно?

Отэлло. Смотри, у меня есть другое оружіе. Никогда клинокъ лучшаго закала не висѣлъ у бедра воина. Было время, когда при помощи этой слабой руки и этого надежнаго клинка, я пробивалъ себѣ дорогу сквозь преграды, въ двадцать разъ болѣе опасныя, чѣмъ ваше сопротивленіе. Впрочемъ, къ чему суетная похвальба, когда нѣтъ силы совладать съ рокомъ?.. Теперь уже не то!.. Даже видя у меня въ рукахъ оружіе, не бойтесь ничего. Я теперь у границы своихъ земныхъ странствованій, у цѣли всѣхъ усилій; болѣе не надуваемый вѣтромъ, парусъ моего челна у пристани. Вы отступаете въ ужасѣ... Напрасно боитесь. Вамъ, вмѣсто меча, стоитъ только пригрозить груди Отэлло камышевой тростинкой, и онъ покорно отступитъ передъ вами. Куда-же ему идти? Взглянемъ на нее, какой-то видъ у нея теперь?.. О, родившаяся подъ несчастной звѣздой страдальца! ты такъ-же блѣдна, какъ твоя рубашка. Когда я, въ день суда, встрѣчусь съ тобою, твой взглядъ низвергнетъ мою душу съ небесъ, и ее подхватятъ демоны. Вотъ, дѣвочка моя, ты лежишь похолодѣлая, холодная, какъ твое цѣломудріе. О, проклятый, окаянный рабъ! Отгоните меня, дьяволы, своими бичами отъ этого небеснаго видѣнія! Пусть сокрушитъ меня вашъ бурный ураганъ! Жгите меня въ горящей сѣрѣ, купайте въ глубокихъ потокахъ жидкаго пламени! О, Дездемона, ты умерла! Ты умерла, Дездемона!... О, Боже, Боже!

Входятъ Лодовико и Монтано; Кассіо вносятъ на носилкахъ, стража ведетъ скованнаго Яго.

Лодовико. Гдѣ этотъ безразсудный, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко несчастный человекъ?

Отэлло. Если вамъ нуженъ тотъ, кто носилъ имя Отэлло, вотъ онъ.

Лодовико. А гдѣ та гнусная ехидна? Подведите ближе этого гнуснаго злодѣя.

Отэлло. Я смотрю ему на ноги, нѣтъ-ли у него раздвоенныхъ копытъ... Впрочемъ, это сказка... Если ты дьяволъ, мнѣ не удастся тебя убить (*Ранитъ Яго*).

Лодовико. Отнимите у него мечъ.

Яго. Синьоръ, кровь моя течетъ, но я только раненъ, а не убитъ.

Отэлло. Я объ этомъ не жалѣю... Пусть онъ живетъ. Мнѣ кажется, что въ его положеніи жизнь — самая мучительная пытка.

Лодовико. А что сказать мнѣ вамъ, Отэлло? Въ васъ было столько доброты, пока этотъ коварный демонъ не опуталъ васъ своими сѣтями.

Отэлло. Что угодно. Скажите, пожалуйста, что я убійца честный, такъ какъ не ненависть довела меня до преступленія, а честь.

Лодовико. Этотъ мерзавецъ на половину признался въ своихъ преступленіяхъ. Дѣйствовали вы съ нимъ заодно въ дѣлѣ убійства Кассіо?

Отэлло. Да.

Кассіо. Дорогой генераль, я никогда не подавалъ вамъ повода къ ненависти.

Отэлло. Теперь я этому вѣрю и прощу у васъ прощенія. Будьте добры, спросите у этого полу-демона, зачѣмъ онъ такъ безсердечно опуталъ своими сѣтями и тѣло мое, и душу?

Яго. Не спрашивайте меня ни о чемъ; довольствуйтесь тѣмъ, что вы уже знаете. Съ этой минуты я не произнесу болѣе ни слова.

Лодовико. Даже и для того, чтобы помолиться?

Граціано. Попытки заставятъ тебя раскрыть ротъ.

Отэлло. Впрочемъ, такъ и лучше.

Лодовико. Синьоръ, вѣроятно, вамъ еще неизвѣстны воѣ подробности настоящаго событія; вы сейчасъ ихъ узнаете. Вотъ письмо, найденное въ карманѣ умершаго Родриго, а вотъ и другое. Первое доказываетъ, что Яго уговорилъ Родриго убить Кассіо.

Отэлло. О, извергъ!

Кассіо. Такое дѣяніе достойно только нехриста.

Лодовико. Другое тоже найдено при умершемъ. Надо предполагать, что оно написано этому окаянному злодѣю, но, вѣроятно, Яго, спохватившись во время, успѣлъ обезоружить негодование писавшаго.

Отэлло. О, зловреднѣйшій подлецъ! Скажите, Кассіо, какъ попалъ къ вамъ платокъ моей жены?

Кассіо. Я нашелъ его у себя въ комнатѣ, и вотъ этотъ мерзавецъ сейчасъ признался, что съ особымъ умысломъ подкинулъ его туда, и что эта хитрость удалась ему, какъ нельзя лучше.

Отэлло. О, безумецъ! безумецъ, безумецъ!

Кассіо. Кромѣ того, Родриго упрекаетъ Яго въ подстрекательствѣ вызвать меня на ссору въ кордегардіи; и не далѣе, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ, Родриго, котораго всѣ считали уже давно умершимъ, очнулся и объявилъ, что всему виною Яго, и что тотъ-же Яго нанесъ ему послѣдній, смертельный ударъ.

Лодовико. Теперь, Отэлло, вы должны оставить эту комнату и идти за нами. Вся власть, всѣ полномочія, врученныя вамъ сенатомъ, отбираются отъ васъ, и управленіе островомъ должно перейти въ руки Кассіо. Что-же касается этого изверга, если есть на свѣтѣ пытки, умѣющія терзать человѣка какъ можно долѣе, не лишая его жизни, онъ испытаетъ ихъ всѣ. Вы, Отэлло, останетесь подъ стражею, пока ваше преступленіе не сдѣлается извѣстнымъ сенату Венеціи.

Отэлло. Пойдите! Прежде чѣмъ увести, дайте мнѣ сказать два-три слова. Мнѣ удалось оказать Венеціи не мало услугъ, и сенатъ это знаетъ... Но не будемъ говорить объ этомъ. Прошу васъ, когда вы станете извѣщать правительство обо всѣхъ происшедшихъ здѣсь прискорбныхъ событіяхъ, не представляйте меня инымъ, чѣмъ я; на самомъ дѣлѣ не смягчайте ничего, но и не преувеличивайте моей вины. Тогда вамъ придется отзываться обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, любившемъ, хоть ж не разумно, но искренно и страстно; какъ о

человѣкъ, душѣ котораго мало доступна была ревность, но разѣ эта страсть охватила его, она уже до самаго конца не выпускала его изъ рукъ; какъ о человѣкъ, чья рука, подобно рукѣ гнуснаго еврея, отвергла роскошную жемчужину, которая цѣною своею могла-бы выкупить все его племя; какъ о человѣкъ, хотя и не склонномъ къ чувствительности, но изъ чьихъ глазъ слезы льются такъ-же обильно, какъ цѣлебная камедь изъ аравійскихъ растеній. Передайте все это сенату и добавьте, что когда-то въ Алепо, видя, что нехристъ въ чалмѣ бьетъ венеціанца и поноситъ республику, я схватилъ эту собаку за горло и нанесъ ему вотъ такой ударъ! (*Закальвается*).

Лодовико. Какая кровавая развязка!

Граціано. Никакими словами не передашь ея ужаса.

Отэлло (*Бросаясь на трупъ жены*). Ранѣе, чѣмъ убить, я цѣловалъ тебя. Теперь такъ-же цѣлуя, умираю! (*Умираетъ, цѣлуя Дездемону*).

Кассіо. Этого-то я и боялся, хотя онъ и былъ обезоруженъ, такъ какъ сердце у него было великое.

Лодовико. А ты, Яго, ты, спартанскій песъ, болѣе лютый, чѣмъ тоска, чѣмъ голодь и чѣмъ море, смотри, какія бѣды накликалъ ты на это брачное ложе. Все это личное твое дѣло. Пусть задернутъ занавѣски: такое зрѣлище отравляетъ зрѣніе. Граціано, возьмите подъ свою охрану и замокъ, и имущество мавра, такъ какъ оно ваше наслѣдство. Вамъ-же, синьоръ, теперешнему правителю Кипра, предстоитъ расправиться съ этимъ адскимъ злодѣемъ; назначьте время и орудіе казни. Я-же сейчасъ сяду на корабль и съ сердцемъ, подавленнымъ горемъ, передамъ сенату все, что произошло здѣсь.

КОНЕЦЪ

ПРИМѢЧАНІЯ

къ

ПЕРВОМУ ТОМУ

Отэлло.

Стр. 233) Исторія Отэлло и Дездемоны, почти въ такомъ видѣ, какъ она воспроизведена у Шекспира, помѣщена въ сборникахъ разсказовъ итальянскаго писателя Джиральди Чинтіо (половина XVI ст.), въ томъ отдѣлѣ, который имѣетъ общее заглавіе «Случаи невѣрности мужей и женъ»; есть предположеніе, что Чинтіо нашель ее въ одной изъ народныхъ итальянскихъ балладъ (до насъ не дошедшей) и переложилъ, съ разными видоизмѣненіями и распространеннѣе, въ прозу. Въ новеллѣ Чинтіо тѣже дѣйствующія лица, что у Шекспира, только Яго называется просто «поручикъ», Кассіо — просто «капитанъ». Мавръ Отэлло, занимающій въ Венеціи высокій военный постъ, знакомится съ знатною венеціанкой Дездемоной, увлекается ея красотою и добродѣтелью и увлекаетъ ее своими нравственными достоинствами,

мужествомъ и т. п. За ихъ бракомъ слѣдуетъ отъѣздъ Отэлло на островъ Кипръ въ сопровожденіи жены, прапорщика, (представленнаго въ новеллѣ крайне злымъ и лицемѣрнымъ человѣкомъ), жены его и капитана (т. е. Кассіо), друга ихъ дома. Здѣсь начинаются коварныя дѣйствія прапорщика, вызванныя полною неудачею его видовъ на Дездемону и состоящія въ постепенномъ разжиганіи ревности Отэлло разными навѣтами и средствами, въ числѣ которыхъ находится и исторія съ платкомъ. Убіеніе Дездемоны происходитъ, по совѣту прапорщика, посредствомъ ударовъ мѣшкомъ, наполненнымъ пескомъ, послѣ чего на трупъ обрушиваются потолокъ комнаты, гдѣ совершено убійство, чтобы смерть была приписана несчастной случайности. Остальныя подробности новеллы: доносъ прапорщика на Отэлло, — арестованіе его и отправленіе въ Венецію, — попытка и упорное заперательство на ней, — изгнаніе изъ Венеціи, и тамъ убіеніе родственниками Дездемоны, — что касается прапорщика, то онъ, возвратившись на родину, дѣлаетъ ложный доносъ на одного изъ гражданъ, за это подвергается пыткамъ и тутъ находитъ смерть. Шекспиръ несомнѣнно взялъ всю свою фабулу изъ разсказа Чинтіо, хотя комментаторами указываются и нѣкоторые другіе источники, — между прочимъ, исторія знаменитаго корсиканскаго авантюриста — воина Сампьеро, который — въ 1663 г., изъ ревности, удушилъ свою жену. Исслѣдователь, впервые указавшій (совершенно, впрочемъ, предположительно) на этотъ источникъ, замѣтилъ по этому поводу, что нѣтъ никакого основанія (какъ дѣлала и дѣлаетъ критика) обвинять Шекспира въ неестественности, нечеловѣчности той жестокости, которою онъ надѣлилъ своего мавра, — если въ дѣйствительной жизни храбрый воинъ, по характеру весьма схожій съ шекспировскимъ героемъ, и поставленный въ такія-же роковыя обстоятельства, поступилъ почти также, какъ Отэлло. Сочиненіе Шекспиромъ этой трагедіи относится къ 1604 г.

Стр. 236. «Великимъ ариѳметикомъ» Яго называетъ Кассіо не въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а какъ человѣка, мало знакомаго съ военнымъ дѣломъ, который, по отношенію, напримѣръ, къ эскадрону, знаетъ только *число* заключающихся въ немъ солдатъ и т. н.

Стр. 236. Яго намекаетъ на Біянку.

Стр. 239. Въ репликѣ Яго, передъ словомъ «сенаторъ» въ нѣкоторыхъ изданіяхъ ставится нѣсколько точекъ — въ томъ соображеніи, что Яго хотѣлъ обозвать Брабанціо какимъ-нибудь браннымъ словомъ (въ отвѣтъ на его «негодяй») и уже началъ: «а вы...» но спохватился и докончилъ: «сенаторъ».

Стр. 240. «Стрѣлокъ» — вѣроятно, гостинница или что нибудь въ этомъ родѣ подъ этою вывѣской. Но есть и другое объясненіе по которому «Стрѣлокъ» ничто иное, какъ помѣщеніе для офицеровъ въ арсеналѣ, надъ воротами котораго находится изображеніе стрѣлка съ лукомъ.

Стр. 242. Одинъ комментаторъ остроумно обращаетъ вниманіе на то, что лицемѣръ Яго клянется Янусомъ — богомъ съ двумя лицами.

Стр. 242. Вопросъ Кассіо: «на комъ?» послѣ словъ Яго: «онъ женатъ» представляется крайне страннымъ и объясняется только небрежностью автора: какъ могъ сдѣлать такой вопросъ Кассіо который, какъ оказывается изъ послѣдующаго, былъ даже посредникомъ въ любви Отэлло и Дездемоны?

Стр. 248. Баснословныя подробности въ разсказѣ Отэлло Шекспиръ могъ заимствовать изъ нѣсколькихъ сочиненій (описаній путешествій), появившихся незадолго до того (напр., Мандевиль, Галейта) и гдѣ разсказывалось про такія-же вещи, будто-бы видѣнныя на островахъ Океана, въ Индіи и др. Думаютъ, что онъ пользовался и «Естественною исторіею» Плинія, гдѣ повѣствуется объ антропофагахъ и безголовыхъ людяхъ.

Стр. 253. Замѣчательно, по разсужденію одного комментатора, что Шекспиръ опредѣлилъ здѣсь съ точностью возрастъ Яго, какъ онъ сдѣлалъ это относительно Гамлета. Яго и Гамлетъ — быть можетъ, самые интеллектуальные характеры изъ всѣхъ, изображенныхъ Шекспиромъ; «онъ далъ имъ обоимъ почти одинъ и тотъ-же возрастъ, какъ такой, въ которомъ умственная дѣятельность человѣка достигаетъ высшей ступени дѣятельности и энергіи....»

Стр. 254. «Цысарка» — былъ народный терминъ для обозначенія женщины легкаго поведенія.

Стр. 255. *Lo custs* — плоды дерева *Siliqua dulcis*, растущаго на югѣ Италіи и въ Палестинѣ; сокъ ихъ отличается большою сладостью.

Стр. 255. Колоцинта — растение съ очень горькимъ плодомъ, употребляющимся для лекарства.

Стр. 255. «Сторожами» у полюса называли въ тогдашнихъ астрономическихъ сочиненіяхъ двѣ звѣзды Малой Медвѣдицы.

Стр. 257. Воззваніе Кассіо къ Юпитеру нѣкоторые комментаторы считаютъ испорченнымъ текстомъ, доказывая, что Кассіо не могъ призывать языческаго бога, и что тутъ вмѣсто «*Jove*» должно стоять «*God*» (богъ). По замѣчанію-же другихъ, это чтеніе правильное: итальянцы и по сю пору смѣшиваютъ христіанскія воззванія съ мифологическими, а во время Шекспира это было въ большомъ ходу.

Стр. 258. «Картинками за дверью» Яго называетъ женщинъ имѣя въ виду ихъ обычай румяниться.

Стр. 262. Разсужденіе Яго о томъ, что любовь облагораживаетъ людей, заимствовано, думаютъ, изъ сочиненія Платона «Пиръ», гдѣ въ одномъ мѣстѣ говорится о любви почти въ такихъ-же выраженіяхъ.

Стр. 268. Эта пѣсня о королѣ Стефанѣ — англійскаго происхожденія. Въ одномъ старинномъ разсказѣ упоминается о добромъ блаженномъ времени въ Англійи, когда король Стефанъ носилъ пару штановъ» и т. д.; — въ знаменитомъ сборникѣ Перси есть старинная пѣсня, почти дословно схожая съ тою которую поетъ Яго; только тамъ вмѣсто короля Стефана король Генрихъ.

Стр. 273. Указано на почти буквальное сходство этого разсужденія Яго о добромъ имени (*reputation*) съ мыслями, высказанными объ этомъ-же предметѣ у древнихъ писателей — Плутарха, Эпиктета, Марка Антонія и др.

Стр. 277. Обычай будить новобрачныхъ музыкой на другое утро послѣ свадьбы былъ въ то время въ модѣ.

Стр. 277. Намекъ на произношеніе неаполитанцами словъ большею частью въ носъ.

Стр. 279. Неизвѣстно, почему Кассіо называетъ венеціанца Яго «флорентинцемъ». Или это одинъ изъ частыхъ недосмотровъ Шекспира, или Кассіо хочетъ сказать, что и между флорентиинцами, своими соотечественниками, онъ не встрѣчалъ человѣка честнѣе Яго.

Стр. 283. Смыслъ этого характеристическаго восклицанія Отэлло насчетъ наступленія «хаоса» ясенъ (т. е. съ разрушеніемъ его любви долженъ разрушиться и міръ), — но нельзя не отмѣтить замѣчанія одного нѣмецкаго комментатора, что Отэлло въ этихъ словахъ говоритъ о томъ хаосѣ, который господствовалъ въ его жизни до его знакомства съ Дездемоной.

Стр. 295. Понтійскія воды — Черное море; Пропонтида — Мраморное, Гелеспонтъ — Дарданеллы. Такое описаніе движеній водъ Чернаго моря Шекспиръ нашель въ одномъ сочиненіи, появившемся какъ разъ въ ту пору, когда онъ писалъ «Отэлло».

Стр. 297. Старое повѣрье, что «у кого влажна ладонь, у того горяча печень».

Стр. 297. Въ словахъ Отэлло о «новой герольдикѣ» комментаторъ Варбуртонъ нашель сатирической намекъ на учрежденіе званія баронетовъ королемъ Іаковомъ I въ 1611 г. «Между разными льготами и преимуществами, данными этому званію, находилось присоединеніе къ ихъ семейнымъ гербамъ золотой руки на серебряномъ полѣ. И мы не сомнѣваемся, что именно эту *новую герольдику* намекалъ нашъ авторъ; онъ же-талъ сказать, что у новыхъ людей съ этимъ титуломъ были *руки*, но не было *сердца*, т. е. были деньги для платы за возведеніе въ баронское званіе, но не было сердца для пріобрѣтенія чести. На этомъ основаніи Варбуртонъ отнесъ сочиненіе «Отэлло» къ времени, непосредственно слѣдовавшему за 1611 годомъ. Мнѣніе это довольно долго пользовалось авторитетностью, но потомъ было уничтожено вѣскими доводами, изъ коихъ вотъ одинъ изъ самыхъ основательныхъ: «Слова *новая герольдика* надо принимать только въ переносномъ смыслѣ; *безъ* малѣйшаго отношенія къ созданію баронетовъ Іаковомъ I. Нелѣпости представленія Отэлло до такой степени знакомымъ съ англійской герольдикой, невозможность допустить въ Шекспирѣ на столько мало такта, чтобы онъ сталъ смѣяться надъ почетнымъ званіемъ, которое учредилъ тотъ король, которому ему, Шекспиру, приходилось въ другихъ случаяхъ льстить, и при чемъ дворѣ въ 1613 г. была представлена эта трагедія — все это заставляетъ очень усумниться въ историческомъ объясненіи Варбуртона».

Стр. 298. Сивиллы — вѣщія женщины у грековъ и римлянъ. Онѣ пророчествовали иногда въ экстазѣ, который вызывался въ нихъ питьемъ воды изъ священнаго источника.

Стр. 298. Бальзамическая жидкость, истекавшая изъ мумій, славилась, какъ анти-эпилептическое средство.

Стр. 305. Восклищаніе Отэлло: «Носы, уши и губы!» не безъ основанія приписываютъ возникающему въ эту минуту въ умѣ Отэлло представленію о ласкахъ между Кассіо и Дездемоной. Иначе они не имѣли-бы никакого смысла.

Стр. 307. Странное употребленіе здѣсь слова «римлянинъ» одни объясняютъ просто испорченностью текста, другіе — тѣмъ, что Шекспиръ въ это время много занимался римскою исторіею для своихъ трагедій изъ римской жизни, и слова «ты торжествуешь» (буквально — у тебя *триумфъ*), вложенныя въ уста Отэлло, напоминаютъ ему римлянина, у котораго «триумфъ» побѣдителя составлялъ особую церемонію.

Стр. 312. Слова «Козлы и обезьяны!» Отэлло произноситъ вдругъ, припомнивъ эти же слова въ устахъ Яго (д. 3-е, сц. 3-я) по поводу близости Кассіо и Дездемоны.

Стр. 323. Пѣсня, которую поетъ Дездемона, есть легкое измѣненіе очень старой народной баллады (напечатанной въ сборникѣ Перси). Только тутъ страдающее лицо — не женщина, а мужчина.

Стр. 331. Первые слова монолога Отэлло представляются несомнѣнно очень загадочными. О *какой* причинѣ и о причинѣ *чего* онъ говоритъ. Если о причинѣ, побудившей его совершить убійство, то вѣдь она извѣстна и ясна, и совершенно излишня въ этомъ случаѣ та таинственность, которая выражается въ словахъ: «я не назову ея вамъ, цѣломудренныя свѣтила». А Отэлло, повидимому, придаетъ большое значеніе этой «причинѣ», потому что три раза повторяетъ это слово. Старый Джонсонъ объясняетъ это такъ: «Я здѣсь — такъ разсуждаетъ про себя Отэлло — объятый ужасомъ. Въ чемъ причина этого состоянія? Въ недостаткѣ-ли рѣшимости совершить правосудное дѣло? Въ страхѣ-ли предъ пролитіемъ крови? Нѣтъ, — не самое дѣйствіе такъ волнуетъ меня, а *причина его причина, моя душа*». Другой комментаторъ замѣчаетъ: «Отэлло исполненный ужаса въ виду жестокаго поступка, который онъ готовится совершить, повидимому, ищетъ себѣ оправданія въ представленіи себѣ *причины*, т. е. громадности причиненнаго ему оскорбленія...» Все это такъ, но, повторяемъ, что значить въ этомъ случаѣ вышеупомянутая глубокая таинственность...

Стр. 331. «Цѣломудренныя» свѣтила названы здѣсь на основаніи древняго представленія, что луна — олицетвореніе Діаны, богини цѣломудрія, а всѣ звѣзды — дѣвы, ей прислуживающія.

Стр. 335. Касательно причины смерти Дездемоны — т. е. какъ покончилъ съ нею Отэлло послѣ стука Эмилиі: тою-ли же самою подушкою, или — какъ доказываютъ нѣкоторые — кинжаломъ (забывъ въ эту минуту недавнее свое рѣшеніе не проливать ея крови), можетъ-ли человѣкъ, совсѣмъ задушенный, снова заговорить спустя нѣсколько времени, почему Отэлло говоритъ о страшной блѣдности Дездемоны, тогда какъ человѣкъ задушенный долженъ быть, напротивъ того, очень красенъ — и тому подобныхъ вопросовъ,

составилась своего рода литература, въ которой находимъ мнѣнія даже многихъ извѣстныхъ врачей.

Стр. 338. Въ сценѣ съ платкомъ Отэлло говорилъ о немъ, какъ о подаркѣ, сдѣланномъ цыганкой, здѣсь вмѣсто цыганки — отецъ: конечно, одинъ изъ многихъ недосмотровъ автора.

Стр. 343. Все еще идетъ споръ — какъ читать: «индіецъ» (Індіанъ) или «іудей» (Iudean). Держащіеся перваго чтенія указываютъ на невѣжество индійцевъ и дикарей вообще, часто промѣнивающихъ самые драгоцѣнные камни на самыя ничтожныя вещи; читающіе «іудей» видятъ въ этомъ намекъ на Ирода, отвергнувшаго свою жену Маріамъ или считаютъ заимствованіемъ изъ одной старой сказки. Доходили даже до усматриванья въ этомъ «Iudean» — Іуды Искаріотскаго.

П. Вейнбергъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Біографическія свѣдѣнія о В. Шекспирѣ заимствованы нами изъ статьи профессора Н. И. Стороженко, напечатанной въ третьемъ томѣ «Всеобщая исторія литературы», изданіе К. Риккера 1887 года.